

ISSN 0321-0626

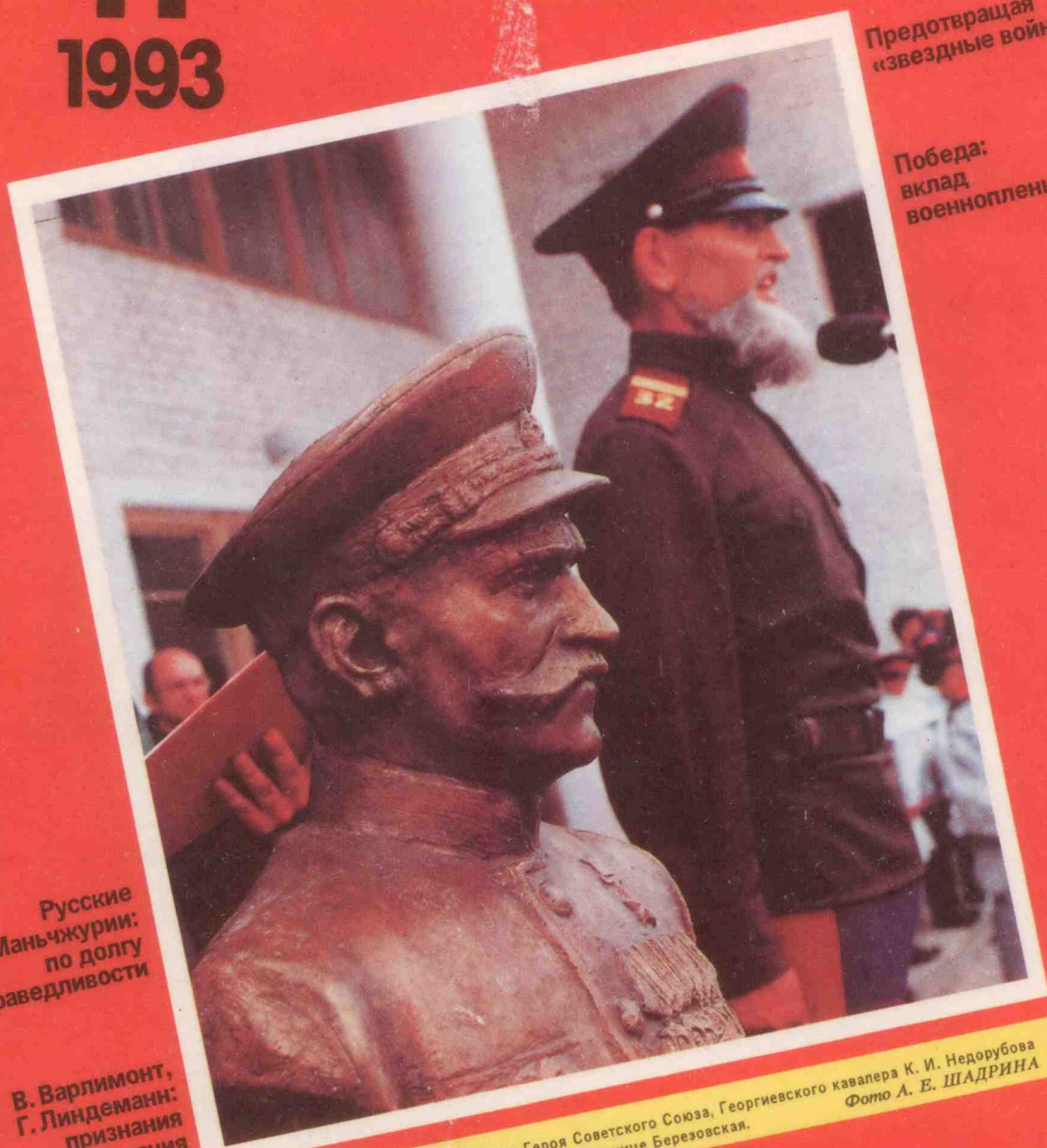
ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ 11 1993 ЖУРНАЛ

"...ИСТОРИЯ
ПРЕДКОВ
ВСЕГДА
ЛЮБОПЫТНА
ДЛЯ ТОГО,
КТО ДОСТОИН
ИМЕТЬ
ОТЕЧЕСТВО".

Н.М. Карамзин

Предотвращая
«звездные войны»

Победа:
вклад
военнопленных

Русские
в Маньчжурии:
по долгу
справедливости

В. Варлимонт,
Г. Линдеманн:
признания
без покаяния

КАЗАЧЬЯ СЛАВА. Бюст Героя Советского Союза, Георгиевского кавалера К. И. Недорубова
установлен на его родине в казачьей станице Березовская.
Фото А. Е. ШАДРИНА

СИМВОЛЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗНАМЯ

УЧРЕЖДЕН
МИНИСТЕРСТВОМ
ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ 11 1993 ЖУРНАЛ

Ежемесячное издание Генерального штаба Вооруженных Сил России

Главный редактор
В. С. ЕЩЕНКО.

Редакционная коллегия:

Н. Т. АКСЕНОВ

(заместитель
главного редактора),

И. А. АНФЕРТЬЕВ

(ответственный
секретарь),

А. Д. БОРЦОВ,

В. А. ЗОЛОТАРЕВ,

Л. Г. ИВАШОВ,

С. Г. ИШЕНКО,

Д. Ш. КАРИМОВ,

Г. И. КОРОТКОВ,

О. Ю. ЛАТЫПОВ,

Ю. К. ЛУГОВОЙ,

А. М. МАЙОРОВ,

Р. Г. ПИХОЯ,

А. Н. СИНИЦЫН,

А. М. СОКОЛОВ,

В. А. ЧИРВИН,

В. И. ШЕРЕМЕТ.

Художественный редактор

Л. П. ДЕМАХИНА.

Адрес редакции:
103160, Москва, К-160,
редакция «Военно-
исторического журнала».
Тел.: 296-44-87, 296-45-08,
296-45-16, 296-45-35.

Сдано в набор 13. 09. 93.
Подписано к печати 28. 10. 93.
Бумага 70x108/16.
Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 11,3.
Усл. кр.-отт. 12,6.
Тираж 21 000 экз. Зак. 1445.
Цена 70 р. Регистрац. № 01978.

Ордена «Знак Почета»
типография газеты
«Красная звезда».
123826, ГСП, Москва, Д-7,
Хорошевское шоссе, 38.

Компьютерный набор
Е. В. МЕЖЕВОЙ, И. В. КУЗИНОЙ,
В. Ю. БОГДАНОВОЙ.
Компьютерная верстка
В. Н. КУЦЕНКО.

© «Военно-исторический журнал»,
1993.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»
Москва, 1993.

● **ВПЕРВЫЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЕ**

Отдали жизнь за Родину
(Публикация С. Д. АНДРЕЕВА)

2

● **ИЗ ФОНДОВ ВОЕННЫХ АРХИВОВ**

Судьбы генеральские...
(Публикация Л. Е. РЕШИНА, В. С. СТЕПАНОВА)

5

● **ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ**

Ю. В. ВОТИНЦЕВ — Неизвестные войска
исчезнувшей сверхдержавы

12

● **АФГАНИСТАН: УРОКИ И ВЫВОДЫ**

В. А. МЕРИМСКИЙ — Кабул — Москва: война
по заказу

30

● **ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ**

И. С. ГЛЕБОВ — Интриги в Генеральном штабе

37

● **ВЕНГРИЯ, ГОД 1956-й**

Е. И. МАЛАШЕНКО — Особый корпус
в огне Будапешта

44

● **ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА**

Н. Н. ГОЛОВИН — Военные усилия России
в мировой войне

52

● **ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ**

П. Н. СИМАНСКИЙ — События на Дальнем
Востоке...

60

● **ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ**

К. П. КУШАКОВ — Южно-Маньчжурские
беспорядки в 1900 году

67

● **НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ**

Н. П. ЗОЛОТОВ, С. И. ИСАЕВ — Боеготовы были...

75

● **ЗА КУЛИСАМИ «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА»**

Признания без покаяния
(Публикация В. А. ЛЕБЕДЕВА)

78

● **КАЗАЧЕСТВО: В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И
БУДУЩЕМ**

С. А. КОЗЛОВ — На Северном Кавказе
в XVI веке...

83

● **ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ**

Погибли в годы беззакония
(Публикация О. Ф. СУВЕНИРОВА)

90

● **С ЮМОРОМ — К ПОБЕДЕ**

Метким ударом
(Публикация А. Е. ВИХРЕВА)

94

● **ЭПОХА В ДОКУМЕНТАХ**

96

Отдали жизнь за Родину

СПИСОК

генералов, адмиралов, корпусных и дивизионных комиссаров
Советской Армии и Военно-Морского Флота, погибших,
умерших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны
(22 июня 1941 г. — 9 мая 1945 г.)

В. И. Подшивалов

И. Г. Познеев

И. С. Полбин

В. И. Полозков

280. Генерал-майор Подшивалов Владимир Иванович, 1895 года рождения. Старший преподаватель кафедры тактики Военной академии имени М. В. Фрунзе. Умер от болезни в декабре 1944 года. Похоронен в Москве.

281. Генерал-майор Познеев Иван Георгиевич, 1882 года рождения. Начальник факультета Военно-инженерной академии. Умер от болезни 16 августа 1943 года. Похоронен во Фрунзе.

282. Дважды Герой Советского Союза генерал-майор авиации Полбин Иван Семенович, 1905 года рождения. Командир 6-го гвардейского бомбардиро-

вочного авиационного корпуса. Сбит противником 11 февраля 1945 года при бомбардировке г. Бреслау (Польша).

283. Генерал-майор Полозков Василий Иудович, 1898 года рождения. Командир 18-го танкового корпуса 2-го Украинского фронта. Умер от ран 28 августа 1944 года. Похоронен в г. Бельцы.

284. Генерал-лейтенант Поляков Василий Васильевич, 1905 года рождения. Начальник административно-хозяйственного управления НКО СССР. Погиб 22 июля 1944 года в автомобильной катастрофе. Похоронен в Москве (фото не обнаружено).

285. Генерал-майор Помощников Александр Иванович, 1895 года рождения. Заместитель начальника штаба 1-го Прибалтийского фронта. Погиб 30 октября 1944 года. Похоронен в г. Шяуляе (Литва).

286. Генерал-майор Поспелов Михаил Иванович, 1898 года рождения. Командир 7-й артиллерийской бригады Волховского фронта. Погиб 12 апреля 1944 года. Похоронен в пос. Карамышево Псковской области.

287. Генерал-майор Потапов Павел Андреевич, 1892 года рождения. Командир 189-й стрелковой дивизии Ленинградского фронта. Погиб 24 августа 1944 года во время боя на гартуском направлении. Похоронен в Москве.

А. И. Помощников

М. И. Поспелов

П. А. Потапов

С. К. Потехин

И. А. Пресняков

И. И. Проскуров

В. И. Прохоров

Н. И. Прошкин

288. Генерал-майор Потехин Савва Калистратович, 1891 года рождения. Заместитель командира 4-го гвардейского механизированного корпуса 4-го Украинского фронта. Умер от ран 22 августа 1944 года. Похоронен в Одессе.

289. Генерал-майор Пресняков Иван Андреевич, 1893 года рождения. Исполняющий должность командира 5-й Московской стрелковой дивизии народного ополчения. Пленен противником в июне 1941 года. Погиб в плену в январе 1943 года.

290. Генерал-майор Прищепа Николай Андреевич, 1900 года рождения. Командир 61-й стрелковой дивизии Центрального фронта. Тяжело ранен 14 августа 1941 года в окружении в районе деревни Селиванов-

ки (Белоруссия). Умер от ран. Похоронен в деревне Моровичи Гомельской области (фото не обнаружено).

291. Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Проскуров Иван Иосифович, 1907 года рождения. Командующий ВВС 7-й армии. Необоснованно репрессирован и расстрелян 28 октября 1941 года. Посмертно реабилитирован. Данные о месте захоронения нет.

292. Генерал-майор Прохоров Василий Иванович, 1900 года рождения. Командир 80-й стрелковой дивизии Южного фронта. Пленен противником в августе 1941 года. Погиб в плену осенью 1943 года.

293. Генерал-майор Прошкин Николай Игнатьевич, 1898 года рождения. Ко-

мандир 58-й стрелковой дивизии Южного фронта. Пленен противником в августе 1941 года. Погиб в плену в январе 1942 года.

294. Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Птухин Евгений Саввич, 1900 года рождения. Командующий военно-воздушными силами Юго-Западного фронта. Арестован и осужден. Погиб 23 февраля 1942 года. Посмертно реабилитирован. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

295. Генерал-майор Пуганов Виктор Павлович, 1901 года рождения. Командир 22-й танковой дивизии Западного фронта. Погиб в бою 24 июня 1941 года. Похоронен в г. Кобрине Брестской области.

296. Генерал-майор Пузырев Михаил Иванович,

Е. С. Птухин

В. П. Пуганов

М. И. Пузырев

М. К. Путейко

Е. Г. Пушкин

П. С. Пшениnikov

И. Л. Рагуля

К. И. Ракутин

1890 года рождения. Командант 62-го укрепрайона Западного фронта. Умер 18 ноября 1941 года. Данных о месте захоронения нет.

297. Генерал-майор Путейко Михаил Константинович, 1913 года рождения. Командир 254-й стрелковой дивизии 1-го Украинского фронта. Умер от ран 21 апреля 1945 года. Похоронен во Львове.

298. Герой Советского Союза генерал-лейтенант Пушкин Ефим Григорьевич, 1899 года рождения.

Командир 23-го танкового корпуса. Погиб 11 марта 1944 года во время налета авиации противника. Похоронен в Днепропетровске.

299. Генерал-лейтенант Пшениnikov Петр Степанович, 1895 года рождения. Командующий 3-й армией Брянского фронта. Погиб в декабре 1941 года. Похоронен в Воронеже.

300. Генерал-майор Рагуля Иван Леонтьевич, 1895 года рождения. Командир 80-го стрелкового корпуса. Погиб 22 июля 1944 года во

время налета авиации противника. Похоронен в г. Барановичи Брестской области.

301. Генерал-майор Ракутин Константин Иванович, 1901 года рождения. Командующий 24-й армией Резервного фронта. Погиб 10 октября 1941 года. Данных о месте захоронения нет.

*Публикация
С. Д. АНДРЕЕВА
Фото предоставлены
А. А. СТЕПАНОВЫМ*

(Продолжение следует)

СУДЬБЫ ГЕНЕРАЛЬСКИЕ...

Об обстоятельствах пленения бывшего командира 171 сд генерал-майора А. Е. Будыхо мы уже писали¹.

Напомним, что арестован Будыхо был 11 ноября 1943 года (так в обвинительном заключении; во время судебного следствия он заявил, что содержится под стражей с 7 ноября 1943 года, а примкнул к партизанскому отряду 19 октября того же года), однако обвинительное заключение было утверждено заместителем министра госбезопасности СССР генерал-лейтенантом Огольцовым лишь 15 апреля 1950 года.

19 апреля 1950 года состоялось закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Отвечая на вопросы суда, Будыхо сказал: «... У Бессонова я сначала был помощником по строевой части, а затем, по его указанию, я около месяца исполнял должность вроде как начальника контрразведки ПЦБ. Лично я никого из антинемецки настроенных не выявил...».

В последнем слове Будыхо заявил: «Я целиком и полностью признаю себя виновным в измене Родине и прошу Военную коллегию Верховного Суда СССР учесть мое искреннее желание явиться с повинной в органы советской власти и понести заслуженное наказание за свои преступления. Прошу снисхождения».

Будыхо был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. В этот же день, 19 апреля 1950 года, приговор был приведен в исполнение.

В сентябре 1956 года Главная военная прокуратура рассмотрела просьбу жены Будыхо о пересмотре дела. Были учтены показания свидетелей. В частности, отмечались слова Бессонова: «...Являясь моим

Командир 171-й стрелковой дивизии
генерал-майор А. Е. Будыхо.

заместителем и одновременно начальником службы контрразведки, которая именовалась «службой революционной безопасности», Будыхо в силу своего физического болезненного состояния и личных данных не проявлял себя в полной мере, но тем не менее он никогда не говорил об ошибочности своего поведения, а наоборот, постоянно подчеркивал, что является убежденным противником советской системы...»

Главная военная прокуратура сочла, что обвинение Будыхо в измене Родине материалами предварительного следствия доказано, и в пересмотре приговора по делу отказала.

Через 16 лет, в мае 1982 года, Главная военная прокуратура снова вернулась к

Продолжение. См.: Воен.-истор. журнал. 1992. № 10-12; 1993. № 1-3, 5-8, 10.

¹См.: Воен.-истор. журнал. 1993. № 1.

дополнительному расследованию дела Будыхо. На этот раз по заявлению его бывшего сослуживца. Старший помощник Главного военного прокурора генерал-майор юстиции А. К. Воробьев установил, что Будыхо по существу обвинения дал противоречивые показания и на основании имеющихся в деле материалов обосновать его осуждение нельзя. Генерал Воробьев написал Следственному отделу КГБ СССР провести дополнительное расследование.

К тому времени из числа советских генералов, находившихся в плену вместе с Будыхо, в живых остались только генерал-майоры П. И. Абрамидзе, 1901 года рождения, и И. П. Бикжанов, 1895 года рождения. На допросе П. И. Абрамидзе заявил, что Александр Ефимовича Будыхо как по Хаммельбургскому лагерю военнопленных, так и по службе в Красной Армии он никогда не знал. И. П. Бикжанов сообщил, что, как ему помнится, Будыхо перешел служить немцам и перед уходом сказал: «Ну погодите, когда возьмем власть в свои руки, то расстреливать вас не будем, а заставим вас убирать нашу нечисть». Вместе с тем И. П. Бикжанов заявил, что о существовании в лагере таких организаций, как РТНП и ПЦБ, он никогда ничего не знал, равно ничего не знал и об участии в каких-либо антисоветских организациях Будыхо.

Отметим, что отказывая в реабилитации Будыхо, работники Главной военной прокуратуры использовали только воспоминания И. П. Бикжанова о якобы произнесенной Будыхо фразе. Его же суждение, что Будыхо участником антисоветских организаций не был, в определении не отражено.

Были просмотрены архивные следственные дела на многих лиц, осужденных по обвинению в причастности к ПЦБ. Их показания, сделанные в 1942-1946 гг., также явились основанием для отказа в пересмотре дела Будыхо.

Однако мы обратили внимание вот на что. В числе активных участников ПЦБ был батальонный комиссар Я. А. Чугунов, бывший помощник начальника политотдела по комсомолу 2-й ударной армии, осужденный в 1944 году постановлением Особого совещания при НКВД СССР к 10 годам лишения свободы по статье 58-1 «б» УК РСФСР. В 1961 году приговор этот был отменен, а дело Я. А. Чугунова прекращено за отсутствием состава преступления, поскольку было установлено, что он вступил в ПЦБ в январе 1943 года с целью изыскания возможности для перехода на сторону Красной Армии. После роспуска немцами ПЦБ в мае 1943 года он был зачислен в карательный отряд, созданный для борьбы с парти-

занами. По прибытии в июле 1943 года этого формирования в город Себеж вместе с другим бывшим военнопленным — подполковником А. А. Пастушенко — Я. А. Чугунов установил связь с партизанами, а 22 июля того же года в числе 30 человек они совершили побег к партизанам. В целях маскировки Я. А. Чугунов 21 июля выступал на митинге жителей города, призывая их восстанавливать город. Перешел к партизанам и младший лейтенант Бончковский, работавший в контрразведке ПЦБ.

Так, может быть, и генерал Будыхо, как он заявил на следствии, действительно вступил в ПЦБ, желая перейти к своим, тем более что никаких серьезных результатов его враждебной деятельности обнаружено не было?

Более того, только на Лубянке у генерала Будыхо было изъято несколько десятков пистолетных и автоматных патронов. В партизанском отряде эти боеприпасы изъяты не были, следовательно, у партизан Будыхо пользовался доверием.

Предоставим слово документам.

1. Донесение начальника оперативного отдела (1а) при командире 710-й восточной части особого назначения².

*Командир
восточной части особого
назначения*

*«Секретно»
Расположение,
13 октября 1943 г.*

Отд. 1а, № 1004/43 секр.

Касательно: чрезвычайное происшествие в «туземных» частях.

Основание: телеграмма командира 710-й восточной части особого назначения № 919/43 секр. от 13. 10. 43 г.

В ночь с 12 на 13 октября 1943 года отлучился без разрешения с месторасположения и до сих пор не вернулся русский генерал-майор Будыхо Александр, направленный генерал-инспектором восточных войск в штаб командира 710-й восточной части особого назначения в качестве «туземного» штаб-офицера. Последний раз его видел ночной патруль 12. 10. 43 около 22 часов у входа в общежитие, а его исчезновение было установлено утром 13. 10. 43.

С ним исчез и его ординарец, русский доброволец Хижинский, которого видели в последний раз в 18.00, когда он покидал казарму, прихватив с собой оружие.

Проведенное без отлагательства тщательное расследование ничего не дало ни о подготовке побега, ни о пребывании беглецов.

²Восный архив ГДР (МА), Г-03/22884, В1. 234-235.

Мы предполагаем, что Будыхо перебежал к партизанам, т. к. он захватил с собой ординарца, и вопреки обыкновению надел при уходе сапоги для верховой езды и соответствующие брюки, с собой же взял брюки гражданские. На нем немецкий мундир и шинель с генеральскими знаками различия и эмблемой РОА, на ординарце — солдатская форма РОА. Данные о розыске переданы в соответствующие учреждения.

Возможность установления связи с партизанами у Будыхо была, т. к. он имел возможность свободного передвижения и часто беседовал с гражданским населением.

Ему также было известно, что в ближайшее время он должен был вернуться в распоряжение генерала восточных войск.

Гауптман (подпись)

Разослано:

ОКХ /Ген. штаб/ Генерал-инспектору вост. войск

ОКВ /Упр. разведки и контрразведки (Абвер)

Группа армий «Север»

16-я армия, отдел 1а

2. Письмо командующего группой армий «Север» генерал-фельдмаршала Кюхлера командующему 16-й армией генерал-фельдмаршалу Бушу³.

1а 8231/43 секр.

«Секретно»

15. 10. 43 г.

Господину генерал-фельдмаршалу Бушу

Направляю Вам прилагаемый рапорт командира 710-й восточной части особого назначения относительно исчезновения русского генерала Будыхо.

Я объясняю происшедшее большой халатностью и прошу Вас все тщательно изучить, распорядиться в отношении виновных и сообщить о принятых мерах.

Кюхлер.

1 приложение

3. Письмо командующего 16-й армией генерал-фельдмаршала Буша командующему группой армий «Север» генерал-фельдмаршалу Кюхлеру⁴.

Командующий 16-й армией

Главная квартира

18. 10. 43 г.

Господину генерал-фельдмаршалу Кюхлеру

Касательно письма командующего группой армий «Север».

³Там же, ВЛ. 233.

⁴Там же, ВЛ. 236-237.

1а № 8231/43 секр. от 15. 10. 43 г.

Случай с генерал-майором Будыхо, как можно видеть, мне уже известен.

Сразу же по получении рапорта я, зная о намерениях фюрера, высказанных им и подтвержденных в беседе с начальником штаба вооруженных сил Германии, высказал просьбу — привлечь к ответственности того, кто направил к нам «туземных» штаб-офицеров и русского генерал-майора Будыхо (Александра).

Это назначение произошло без моего ведома и вопреки возражениям командира восточной части особого назначения, полковника фон Хеннинга, которые он высказал генерал-инспектору восточных войск, узнав о его намерениях.

В свое время я после беседы с фюрером откомандировал назад полковника Боярского⁵, который показался мне ненадежным и крайне несимпатичным.

Я считаю недопустимым, что этот новый русский генерал был направлен в армию без моего ведома, вопреки возражениям командира восточной части особого назначения и без всякого предварительного уведомления.

Разумеется, это дело будет расследовано.

Однако я настоятельно прошу привлечь к ответственности виновного в этом деле, кто, не поставив в известность командующего армией и вопреки мнению командира восточной части особого назначения, направил туда этого русского генерала. Положение в восточных частях мне известно довольно хорошо и без доклада референта группы армий.

Относительно этого случая я выскажусь более подробно, когда получу результаты расследования.

Буш.

4. Донесение командира 710-й восточной части особого назначения полковника фон Хеннинга командующему 16-й армией⁶.

Полковник фон Хеннинг

командир 710-й

восточной части
особого назначения

Командованию 16-й армии

«Секретно»

Расположение

19 октября 1943 г.

Донесение

о побеге русского генерала Будыхо Штатами военного времени при командире 710-й восточной части особого назначения предусмотрена должность «туземного» штаб-офицера.

⁵Бывший командир 41 сд.

⁶Военный архив ГДР (МА), Г-03/22884, ВЛ. 275-279.

Его задачей является оказание помощи командиру 710-й восточной части особого назначения в части надзора за настроением и надежностью «туземных» войсковых частей, а также проведение пропаганды, идейной и боевой подготовки «туземных» войсковых частей.

При моем вступлении в должность 24. 4. 43 г. я встретил в этом качестве полковника Боярского, которому для помощи и для надзора был придан обер-лейтенант Амелунксен. Должность именовалась «штаб-офицер по обучению и подготовке восточных войск», и была введена распоряжением командующего 16-й армией 0.0/1с/1а № 666/43 секр. от 3 февраля 1943 года.

К моему прибытию формирование штаба 710-й восточной части особого назначения было завершено, адъютантом был назначен обер-лейтенант д-р Германн, которого я и застал в штабе.

Согласно распоряжению командующего 16-й армией, 1а № 2045/43 секр., от 5 апреля 1943 г., существовавший ранее штаб командира 710-й восточной части особого назначения (подполковник Финдайзен) был 8 апреля 1943 года переименован в «штаб полка особого назначения Финдайзен», штаб 710-й восточной части особого назначения был создан вновь в Чудной Горе, а я был назначен командиром части.

О взглядах и настроениях полковника Боярского я подробно сообщал в моем донесении от 24 июня 1943 года (№ 17/43 сов. секр., с. 35-37), и в приложении 4. Господин командующий армией приказал после этого немедленно отозвать полковника Боярского.

После переговоров с генерал-инспектором восточных войск полковник Боярский 9 июля 1943 года был извещен об откомандировании в Дабендорф (Марк), в особый отдел пропаганды «Ост».

Он был переведен туда в соответствии с распоряжением генерала восточных войск № 5297/43 от 7 сентября 1943 г.

Господин командующий сообщил мне, что он не хочет, чтобы эту должность снова занимал русский офицер.

25 июля 1943 года в связи с уходом в отпуск я докладывал генерал-инспектору восточных войск о мнении господина командующего, высказанном начальнику штаба подполковнику Герре, после чего на основании своего опыта работы с полковником Боярским добавил, что не знаю, чем бы я мог занять такого офицера. На возражение, что эти офицеры уже выполняют поставленные задачи, я заметил, что в этой ситуации надзор русского офицера за не-

мецким кадровым персоналом восточных частей — офицерами, унтер-офицерами и рядовыми — подобен надзору со стороны солдатского совета, и я лично считаю это нетерпимым и невозможным.

Согласно распоряжению генерал-инспектора восточных войск III № 5296 от 7 сентября 1943 года, должность, освобожденная полковником Боярским, была занята генералом Будыхо.

Ко мне сообщение об этом поступило 13 сентября 1943 г.

Я находился в то время в длительной служебной командировке в штабе 38-го армейского корпуса, откуда возвратился вечером 15 сентября. Генерал Будыхо прибыл 16 сентября 1943 года.

В тот же день я сообщил об этом в армию. Генерал-инспектор восточных войск я просил выслать мне личные документы. Они поступили лишь 25 сентября и состояли только из личной анкеты, копия которой прилагается.

На конец сентября предусматривалась моя длительная командировка к генерал-инспектору восточных войск, и я во время пребывания в Летцене поставил начальника штаба еще раз в известность о взглядах господина командующего и своих собственных и просил отозвать генерала Будыхо немедленно.

Эта просьба была отклонена.

О мотивах я уже не помню. Я не стал с этой просьбой обращаться к генерал-лейтенанту Хельмиху, чтобы получить по этому ходатайству подпись господина командующего.

Сейчас я придерживаюсь того мнения, что в этом случае я должен был действовать самостоятельно и отослать генерала Будыхо без согласования с генерал-инспектором восточных войск.

От этого я воздержался, потому что считал генерала Будыхо чрезвычайно пассивным, бесцветным и незаинтересованным человеком. Он был в общем дружелюбно-сдержанным, весьма скупым на слова, и беседовал — т.к., по-видимому, по-немецки не говорил и не понимал — исключительно с говорящим по-русски зондерфюрером Трейгутом, но и то весьма ограничено, не давая ничего яркого и примечательного. В политические беседы генерал вообще не вступал. Через зондерфюрера Трейгута он неоднократно просил позволения сопровождать меня в моих служебных поездках. Но поскольку в это время уже начались явления разложения восточных войск, я ему в этом отказал, объяснив, что я не посещаю войска, а веду лишь переговоры с командованием немецких войск, и обещал взять его в такие поездки в будущем.

103160, Москва, К-160,
«Военно-исторический
журнал»

Во время моего отсутствия при формировании ост-батальонов в Дно я поручил своему адъютанту обер-лейтенанту д-ру Германну как можно скорее отправить генерала Будыхо в Летцен.

Обер-лейтенант д-р Германн 12 октября 1943 года испросил на это разрешение у генерал-инспектора восточных войск по телефону и достал билеты на 13 октября. О предполагаемой на 13 октября отправке генералу Будыхо не было сообщено. И лишь после того как стало известно об отправке восточных батальонов, он спросил обер-лейтенанта Германна о своей судьбе. На это обер-лейтенант ему уклончиво ответил, что он, вероятно, тоже будет отправлен по приказу генерал-инспектора восточных войск вслед за батальонами.

В ночь с 12 на 13 октября генерал Будыхо исчез вместе со своим ординарцем русским добровольцем Сашей Хижинским.

Побег был обнаружен, когда адъютант обер-лейтенант д-р Германн в 5. 30 утра 13 октября получил донесение, что упомянутый ординарец исчез. Когда же адъютант обер-лейтенант д-р Германн вошел в комнату генерала, чтобы уточнить у него местонахождение ординарца, то обнаружил, что исчез и генерал, захватив с собой полную военную форму и личное оружие.

В результате расследования установлено следующее: ординарца в последний раз видели, когда он 12 октября около 18. 00, с оружием выходил из казармы.

Т. к. в это время ночной патруль находился на инструктаже в одном из боковых флигелей здания штаба, подозрения это не вызвало.

Генерала видел последний обер-лейтенант д-р Германн 12 октября около 20. 00, когда тот при свете луны прогуливался перед зданием штаба.

Т. к. по своему рангу он пользовался свободой передвижения и прогуливался много и в разное время, то ничего необычного в этом усмотрено не было.

Дальнейшее расследование с участием тайной полевой полиции показало, что побег, и это не вызывает сомнений, был подготовлен с помощью солдат одной из восточных частей или гражданскими лицами из местного населения.

Хеннинг, полковник

**Л. Е. РЕШИН,
В. С. СТЕПАНОВ**

(Продолжение следует)

Уважаемые товарищи!

В воспоминаниях майора Р. Г. Эрусте, опубликованных в «Военно-историческом журнале» № 7 за 1993 год, упоминается фамилия майора Панасенко, личность которого, как сказано в примечании, не установлена.

Пишу вам потому, что именно эта сноска и вызвала у меня серьезное недоумение, так как майор Эрусте достаточно хорошо знал Николая Филлимоновича Панасенко: они вместе содержались в Офлаге XIII-Д и являлись членами одной и той же подпольной антифашистской организации.

Майор Николай Филлимонович Панасенко к началу Великой Отечественной войны являлся начальником 5-го отдела штаба 6-го кавалерийского корпуса 10-й армии Западного фронта и был пленен в начале июля западнее Минска. Его фамилия вместе с другими фигурирует в публикации Б. Мясникова «Верные долгу» (см. «Красная Звезда» за 28, 29 и 31 августа 1956 года). Эта статья посвящена узникам Хаммельбургского Офлага XIII-Д, создавшим подпольную антифашистскую организацию, которая практически парализовала разложенческую работу фашистской администрации лагеря среди военнопленных. У истоков создания этой подпольной организации вместе с другими военнопленными генералами И. С. Никитиным и Х. Н. Алавердовым, подполковником Н. Д. Новодаровым стоял и майор Н. Ф. Панасенко. Организация просуществовала до самого расформирования лагеря. Ее практическая деятельность сорвала далеко идущие планы администрации превратить Офлаг XIII-Д в центр отбора военнопленных Красной Армии в различные антисоветские формирования и разведывательно-диверсионные школы.

Офлаг был расформирован в начале 1943 года: все генералы были переведены в крепость Вильцбург, старшие командиры в лагерь Регенбург и ряд других, остальные во вновь созданный Офлаг вблизи г. Нюрнберг.

18 декабря 1942 года лагерное гестапо арестовало сразу большую группу наиболее активных членов организации во главе с генерал-майором танковых войск Н. Ф. Михайловым. Среди арестованных были Н. Ф. Панасенко и Р. Г. Эрусте, которых отправили в Нюрнбергскую тюрьму гестапо, откуда после допросов и избиений перевели во Флессенбургский концлагерь. Там на их ползатые куртки нашли красные треугольники, что свидетельствовало о принадлежности этих заключенных к политическим.

После окончания войны майор Н. Ф. Панасенко возвратился на Родину, служил в Вооруженных Силах, долгое время жил в городе Инта на Крайнем Севере, затем — в Одессе.

Дополнительные сведения о других упомянутых лицах. Генерал-майор И. С. Никитин, командир 6-го кавалерийского корпуса, будучи раненным, попал в плен 5 июня 1941 года в районе Старого Села (Белоруссия). Содержался в ряде лагерей, арестован в январе 1942 года гестапо Хаммельбургского Офлага и отправлен в Нюрнбергскую тюрьму, где был замучен. Генерал-майор Х. Н. Алавердов, командир 113-й стрелковой дивизии, арестованный вместе с генералом Никитиным, также замучен в Нюрнбергской тюрьме. Подполковник Н. Д. Новодаров, начальник оперативного отдела штаба 6-го кавалерийского корпуса, после окончания войны и освобождения из плена был осужден на 10 лет якобы за добровольную сдачу в плен.

В. А. ДАНИЛОВ
(Ставрополь)

Через Днепр

■ Переправа. Октябрь 1943 г.

«Чуден Днепр при тихой погоде...» Кому не знакомы эти гоголевские строки! Осенью 1943 года древняя славянская река была вся в огневых точках и мощных укреплениях. Она составляла главную часть так называемого Восточного вала — стратегического оборонительного рубежа гитлеровцев. Здесь командование фашистской Германии намеревалось остановить наступающие советские войска.

Но ни вода, ни огонь не могли сдержать отважных солдат, на подручных средствах с ходу форсировавших реку. А следом сооружались тяжелые паромы, наводились понтонные мосты, переправлялись танки, артиллерия...

В ожесточенных схватках советские бойцы отбивали у гитлеровцев метр за метром заднепровской земли. К концу сентября 1943 года на правом берегу Днепра было захвачено 23 плацдарма.

А уже к 6 ноября 1943 года Красная Армия освободила Киев. Столица Украины лежала в руинах.

С той поры прошло полвека. Краше прежнего стал Киев — мать городов русских. Чуден и спокоен седой Днепр. Давно поселили и ветераны, участники тех далеких памятных сражений. Русские и казахи, грузины и украинцы, тогда, в 1943-м, воевавшие за одно дело и победившие во многом благодаря своей дружбе и единству, теперь оказались по разные стороны границ. Но их по-прежнему соединяет память, скорбь по погибшим товарищам и общая, одна на всех Победа.

Полковник Ю. Н. САВВИН

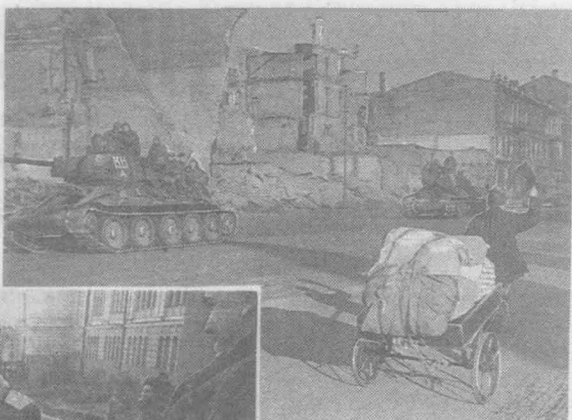
■ Пулеметчики ведут огонь по противнику на правом берегу Днепра.

■ Форсирование Днепра на плащ-палатках, набитых соломой.

на Киев

Сентябрь-ноябрь
1943 года

■ Киев. Крещатик.
Ноябрь 1943 г.

■ Н. С. Хрущев (в центре)
и Г. К. Жуков (справа) на улицах Киева
в день освобождения города.
6 ноября 1943 г.

■ Киев.
Жертвы массовых
фашистских расстрелов.

■ Население
освобожденной Украины
радушно встречает
Красную Армию.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ИСЧЕЗНУВШЕЙ

Система контроля космического пространства

Создание в конце 40-х годов в США, а затем и в СССР баллистических ракет с ядерным зарядом предопределило возможность и даже необходимость использования космического пространства, как нового театра вооруженной борьбы. 50-е годы — начало напряженного, постоянно нарастающего соперничества между СССР и США в освоении космоса, борьба за превосходство в нем.

Вслед за первым нашим искусственным спутником Земли (ИСЗ), запущенным 4 октября 1957 года, США вывели на орбиту свой. Произошло это 1 февраля 1958 года. Ю. А. Гагарин первый виток вокруг Земли на космическом аппарате «Восток» совершил 12 апреля 1961 года, а астронавт США Дж. Гленн на «Меркурии» — 20 февраля 1962 года.

В связи с четко прогнозируемым в последующем бурным освоением космического пространства возникли новые сложные научно-технические проблемы.

Во-первых, по мере наполнения космоса объектами, сопровождающими запуски ИСЗ (ракеты-носители, обтекатели, различные фрагменты и т. п.), возрастала угроза безопасности пилотируемых кораблей. Это требовало создания надежной системы контроля космического пространства (СККП), которая могла бы обеспечить получение своевременной и точной информации. Откладывать решение этой проблемы на последующие годы было крайне опасно, так как сложность «инвентаризации» космического пространства ежегодно возрастала буквально в геометрической прогрессии. По-видимому, этими же соображениями руководствовалось и министерство обороны США, принявшее в конце 50-х — нач. 60-х годов решение о создании национальной системы контроля космического пространства — «СПАДАТС» — с использованием радиолокационных и оп-

тико-электронных средств, размещенных как на территории США, так и на некоторых военных базах, находящихся за ее пределами.

Во-вторых, уже в то время рассматривалась необходимость разработки и создания системы противокосмической обороны (ПКО), способной поражать объекты военного назначения. В связи с этим возникали требования к СККП по распознаванию и выдаче системе ПКО точных целеуказаний по объектам вероятного противника, которые могли быть назначены для поражения в космосе.

Идея построения в нашей стране СККП окончательно оформилась летом 1963 года. Именно тогда начальник отдела СНИИ А. Л. Горелик¹ и заместитель начальника этого института Н. П. Бусленко, возглавив группу специалистов, разработали аванпроект СККП. Он был одобрен и решением ВПК СНИИ определен головным по СККП. Сформировалось новое управление, первым начальником которого стал Е. М. Опанин. В последующие годы начальниками управления были О. А. Чембровский, А. Д. Курланов² и Ю. А. Диденко.

Изначально обнаружение и сопровождение космических объектов осуществлялось пунктами оптического наблюдения (ПОН), развернутыми войсками ПРО и ПКО, которые размещались в различных регионах страны с учетом наиболее благоприятных геофизических условий работы, особенно в ночное время. По согласованному плану к работе привлекли и оптико-электронные станции Астросовета АН СССР. Одним из основоположников и энтузиастов этого дела был заведующий кафедрой Рязанского пединститута доктор технических наук В. И. Курьшев³. Его учебники, методики и поныне используются для подготовки специалистов-обработчиков информации.

В 1965 году был разработан и одобрен эскизный проект СККП. Реализация его осуществлялась непосредственно коллективом управления, которым в СНИИ с 1966 года руководил А. Д. Курланов. На

Окончание. См.: Воен.-истор. журнал. 1993. № 8, 9, 10.

ВОЙСКА

Генерал-полковник в отставке
Ю. В. ВОТИНЦЕВ

СВЕРХДЕРЖАВЫ

А. Л. Горелик

А. Д. Курланов

В. И. Курышев

И. П. Писарев

базе вычислительных средств института создавались программы, обеспечивающие обнаружение, взятие на сопровождение и распознавание ИСЗ, заложена основа Главного каталога космических объектов.

Первой специализированной радиотехнической станцией, выполнявшей задачи контроля космоса, стала РЛС «Днепр», размещенная в Казахстане. Испытана она была в 1967 году комиссией под председательством маршала артиллерии Ю. П. Бажанова⁴.

В 1968 году начальник штаба войск ПРО и ПКО генерал-лейтенант И. П. Писарев⁵ успешно провел испытания радиолокационного комплекса контроля космического пространства, состоящего из восьми РЛС «Днепр». Они располагались в Казахстане и Сибири, образуя сплошной «барьер» протяженностью 5000 км на высотах до 3000 км. Для юстировки станций и подтверждения заданных на них характеристик был специально запущен ИСЗ «ДСП-1Ю». Главным конструктором этого комплекса, а в его составе и РЛС «Днепр», был Ю. В. Поляк.

В одном из районов Подмосквья с 1965 года ускоренными темпами создавался Центр контроля космического пространства (ЦККП). Три года спустя на нем уже

функционировала вычислительная машина «5Э-51» генерального конструктора В. С. Бурцева, в которую была введена боевая программа, разработанная в СНИИ.

Но на ЦККП как бы по инерции большая часть расчетов выполнялась офицерами и прапорщиками вручную. Пришлось несколько раз с ними встретиться, чтобы убедить, доказать необходимость автоматической обработки информации. Постепенно работа налаживалась. Решающую роль сыграла группа молодых офицеров, недавних выпускников Киевского высшего инженерного радиотехнического училища ПВО, прошедшая в СНИИ серьезную подготовку по СККП. Именно они вместе с И. Г. Сергеевым⁶, будучи переведенными на ЦККП, способствовали внедрению научно-обоснованных способов боевой работы и эксплуатации автоматизированного комплекса вооружения.

В 1970 году первая очередь ЦККП была поставлена на боевое дежурство.

К этому времени в космосе уже постоянно функционировали шесть американских систем военного назначения: разведывательная (детальной фоторазведки, радиотехнической, оптико-электронной разведки), обнаружения старта баллистических ракет и ядерных взрывов, навига-

онная, метеорологическая, топогеодезическая и связи. Каждая состояла из нескольких аппаратов. Кроме того, были исследовательские, коммерческие спутники связи, не говоря уже о большом количестве отечественных ИСЗ.

Вместе с ними на высоте до 2000 км находились буквально тысячи фрагментов, кусков, вплоть до болтов и гаек последних ступеней ракет-носителей и разрушенных ИСЗ. Задача контроля состояла в том, чтобы достоверно обнаружить, распознать и с высокой точностью сопровождать в этом хаосе отечественные и иностранные спутники с действующей аппаратурой.

В 1972 году ЦККП был принят на вооружение. Программно-алгоритмическая система Центра и его сопряжение с источниками и потребителями информации были разработаны, внедрены и испытаны учеными СНИИ: В. И. Мудровым, Б. Н. Ананьевым, А. В. Крыловым, А. И. Назаренко, Ю. П. Гороховым, Г. А. Соколовым.

Обстановка в космосе продолжала усложняться. Стало очевидным, что радиолокационное поле, создаваемое только восьмью РЛС «Днестр», как информационное средство, малоэффективно. В 1974 году главнокомандующий Войсками ПВО страны П. Ф. Батицкий внес предложение возложить дальнейшее совершенствование СККП на главного конструктора СПРН В. Г. Репина, за плечами которого был уже положительный опыт сопряжения РЛС дальнего обнаружения «Дунай-3» и «Дунай-3У» системы ПРО с КП СПРН. Это было одобрено Минрадиопромом, Генеральным штабом и ВПК. За развитие СККП взялся заместитель министра радиопромышленности В. И. Марков — генеральный директор гигантского ОКБ «Вымпел», обладавший мощными научно-техническим и производственным потенциалами.

В. Г. Репин и его заместители А. А. Курикса⁷ и Ю. С. Очкасов⁸ технически обновили и внесли предложение по подключению к ЦККП всех радиолокационных узлов СПРН и ПРО, что коренным образом повлияло на эффективность информационных возможностей СККП с использованием уже созданных средств.

Однако ЦККП работал в своей системе координат, отличной от СПРН и ПРО. Вновь возникла задача существенной доработки боевых программ при выполнении требований невывода радиотехнических узлов из состояния боевой готовности. О причинах такого положения уже говорилось. Но повторюсь, одна из главных — монополизм генеральных и главных конструкторов, а также уклонение Минрадиопрома от определения жестких требований по стандартизации и унификации.

Подключение к ЦККП всех радиотехнических узлов привело к тому, что он буквально захлебнулся от потока информации, составлявшей в сутки десятки тысяч стандартных сообщений о сопровождаемых ими космических объектах.

Пришлось вырабатывать дополнительную программу «Космос», которая позволяла ЦККП выдавать на каждый узел целеуказания только по вновь запущенным космическим объектам или требующим уточнения в Главном каталоге. Теперь уже узлы стали передавать стандартные сообщения на ЦККП только по его заявке. В результате поток информации сократился до разумного минимума.

Выполнение целеуказаний ЦККП занимало на узлах две-три минуты, в течение которых нарушалось обнаружение других космических объектов, в том числе и баллистических ракет во всей зоне обзора станций. Офицеры главного штаба Войск ПВО страны Б. А. Назаркин и А. Н. Некрасов, расценив это обстоятельство как

И. Г. Сергеев

А. А. Курикса

О. А. Лосев

В. В. Никольский

запланированное нарушение боевой готовности, представили главнокомандующему доклад с категорическим возражением по вводу программы «Космос».

Главнокомандующий Войсками ПВО страны А. И. Колдунов, министр радиопромышленности П. С. Плешаков и его заместитель В. И. Марков, отвечающий за это направление, а затем и Генеральный штаб, ВПК сочли программу своевременной и необходимой. При этом учитывались наши доводы, что радиолокационные станции СПРН и ПРО перекрывают друг друга, эшелонированы в глубину и пропуск баллистических ракет исключается.

Этот эпизод поведал лишь об одной из многих острых научно-технических проблем, имевших место в 70-е годы. Но и он показывает, как ответственно относились в то время к эффективности и надежности войск ПРО и ПКО на самом высоком уровне. Ни одно предложение или замечание не оставалось без объективной оценки и соответствующего решения.

С большими трудностями мы столкнулись при решении задачи распознавания космических объектов, в первую очередь, военного назначения вероятного противника, выделением их на фоне архисложной общей космической обстановки. Исследованиями и разработками в этом направлении в СНИИ руководил А. Л. Горелик. Наряду с определением возможности иметь радиолокационный и оптический портрет космического объекта разрабатывались и создавались специализированные технические средства, в том числе для применения на отечественных пилотируемых кораблях. Так, во время полета корабля «Союз-14» в июле 1974 года П. Р. Попович по целеуказанию ЦККП с помощью специального оптического прибора «Сокол» обнаружил в космическом пространстве американскую станцию «Скайлэб» и произвел необходи-

мые измерения. Для подготовки космонавтов к выполнению подобных экспериментов в СНИИ был создан специальный лабораторный комплекс-тренажер. На нем космонавты отрабатывали задачи обнаружения космических объектов на фоне звездного неба, сближения и распознавания их, используя при этом и специально разработанную Институтом кибернетики Украинской АН цифровую ЭВМ «Белка». Были проведены эксперименты и по обнаружению ядерных источников энергии на борту инспектируемых аппаратов.

Приобретенный опыт подтвердил необходимость создания специализированных средств для СККП, что в дальнейшем и было сделано.

Приходилось ЦККП, совместно с источниками информации, работать при сложных аварийных ситуациях с отечественными космическими аппаратами.

Так, в 1977 году был запущен «Космос-954» с ядерной энергетической установкой. В связи с возникшей аварийной ситуацией на борт аппарата выдали команду, по которой должен был быть отработан импульс, поднимающий его на несколько сот километров выше — на орбиту длительного существования. Из-за неисправности вместо нужного импульса сработал другой — резкого торможения, и аппарат стал быстро снижаться. Расчеты показали, что ядерная энергетическая установка при входе в плотные слои атмосферы не сгорит, а фрагментами может упасть на Землю, что повлечет за собой радиационное заражение. Об этом широко оповещалось в средствах массовой информации многих стран.

Сопровождение «Космоса-954» и прогнозирование времени и района падения ядерной энергетической установки велось на ЦККП с 20 декабря 1977 года. ЦККП точно определил время падения фрагментов — 24 января 1978 года в 15 ч 12 мин в

И. Ю. Юхневич

А. П. Зайцев

Л. К. Оляндэр

В. Т. Багдасарян

безлюдном горном районе на территории Канады, откуда они нами были вывезены.

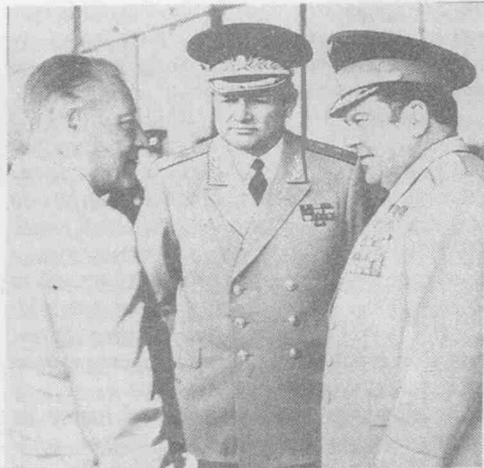
Такая же ситуация позднее сложилась с аппаратом аналогичного типа «Космос-1402», запущенного 30 августа 1982 года. ЦККП определил, что фрагменты его упадут в Атлантическом океане в районе острова Вознесенья 7 февраля 1983 года в 14 ч 06 мин. И вновь не ошибся. В обоих случаях наш прогноз оказался точнее, чем у американцев.

Случалось работать и при аварийных ситуациях с пилотируемыми кораблями. Весной 1985 года во время полета в автоматическом режиме была обесточена станция «Салют-7». Следует отметить, что Главное управление космических средств Министерства обороны (ГУКОС МО), произведя запуск, осуществляло сопровождение космических аппаратов по их активному ответу. Если же в результате аварии или по выработке ресурса аппарат на орбите молчал, ГУКОС МО пользовался своими прогнозными расчетными данными орбиты и Главным каталогом ЦККП.

По данным ЦККП, «Салют-7» — многотонная станция — начала быстро снижаться и непременно должна была крупными фрагментами упасть на Землю с непредсказуемыми последствиями. В конце мая ко мне приехал руководитель полета этой станции космонавт В. В. Рюмин с просьбой оказать содействие и обеспечить наведение транспортного корабля «Союз Т-13» с В. А. Джанибековым и В. П. Савиных на борту для стыковки с «Салютом-7». Начальник главного штаба Войск ПВО страны генерал-полковник авиации И. М. Мальцев утвердил план нашей совместной работы с ГУКОС МО.

Министр обороны СССР Д. Ф. Устинов вручает Золотую Звезду и орден Ленина генерал-полковнику Ю. В. Вотинцеву. Февраль 1984 г.

У входа в Центральный концертный зал. Ю. В. Вотинцев, Ю. Г. Ерохин, П. Р. Попович. 9 мая 1985 г.

С 5 по 8 июня ЦККП по данным точного измерительного комплекса «Аргунь» и других средств подвел транспортный корабль к станции на 2,5 км и обеспечил стыковку при ручном управлении. Джанибеков и Савиных оживили «Салют-7», проявив мужество и продемонстрировав отличное знание техники. Им удалось обеспечить в дальнейшем сход станции с орбиты и затопление ее в Тихом океане. Американцы по достоинству оценили возможности нашей СККП.

По оценке США, космические системы военного назначения (разведывательная, навигационная, топогеодезическая, связи и др.) при их комплексном использовании в два-три раза повышали эффективность боевого применения как стратегических наступательных сил, так и тактических на поле боя. Убедительное подтверждение тому — воздушно-наземная операция США в войне против Ирака «Буря в пустыне». В ней было задействовано 60 космических аппаратов военного назначения. «Буря в пустыне» открыла новую эпоху в земных войнах — широкое использование космоса.

Придавая особое значение живучести, неуязвимости и скрытности своих космических систем военного назначения, США в 80-х годах начинают вывод новых аппаратов этих систем на орбиты с высотой 20-40 тыс. км. Расчет предельно прост. Основные средства космических систем военного назначения выводятся за пределы досягаемости радиолокационных средств СККП и боевых возможностей средств ПКО.

Это обстоятельство потребовало от нас, в свою очередь, развернуть работы по созданию специализированных комплексов СККП — радиолокационных, оптико-электронных, лазерных, способных обна-

рживать и сопровождать космические аппараты на высотах до 40 000 км.

На Северном Кавказе и Дальнем Востоке развертывались комплексы «Крона» — главные конструкторы В. П. Сосульников и Н. Д. Устинов. Комплекс «Окно», разработанный КБ Красногорского завода (главный конструктор Н. С. Чернов), — создан в Таджикистане.

В подтверждение того, что наши возможности по контролю космоса и воздействия на космические аппараты возросли, приведу такой пример. В 1981 году США произвели первый запуск космического аппарата «Шаттл». Естественно, это привлекло внимание правительства и руководства Министерства обороны. Пилотируемые орбитальные ступени «Колумбия», а затем и «Чэлленджер», при запуске с Западного испытательного полигона ВВС США (Ванденберг) проходили с востока на запад над средними широтами СССР, преимущественно в светлое время суток. Это 8 из 14 витков за сутки, совпадающих с часовыми поясами нашей страны. Высота орбит — 300–400 км, полное согласование с очередностью прохождения разведывательных космических аппаратов США.

Генеральный штаб и ВПК требовали к исходу каждого суток обстоятельно докладывать, какие средства привлекались для сопровождения, а также результаты работы СККП. Эти донесения мне и приходилось готовить.

Как-то осенью 1983 года по «кремлевке» позвонил министр обороны Д. Ф. Устинов: «Юрий Всеволодович, здравствуйте! Перед мной ваш доклад о работе по «Шаттлу». Скажите, почему не привлечен экспериментальный лазерный комплекс на полигоне?» Я знал, что этот комплекс находится в ведении генерального конструктора Н. Д. Устинова, сына министра. На нем бригада из 300 специалистов от организаций промышленности выполняла доработки. Об этом я и доложил министру обороны. «Переговорите на этот счет с Николаем Дмитриевичем», — сказал Д. Ф. Устинов. Звоню Н. Д. Устинову. «Нет, — отвечает он, — сейчас никак нельзя. У нас идут регламентные работы. Как-нибудь в другой раз». 10 октября 1984 года во время 13-го полета «Чэлленджера», когда его витки на орбите проходили в районе Государственного полигона Войск ПВО страны у озера Балхаш эксперимент состоялся при работе лазерной установки в режиме обнаружения с минимальной мощностью излучения. Высота орбиты «космического челнока» составляла 365 км. Наклонная дальность обнаружения и сопровождения 400–800 км. Точное целеуказание лазерной установке было выдано радиолокационным измери-

тельным комплексом «Аргунь» — генерального конструктора Г. В. Кисунько.

Как сообщил потом экипаж «Чэлленджера», при полете над районом Балхаша на корабле внезапно отключилась связь, возникли сбои в работе аппаратуры, да и сами астронавты почувствовали недомогание. Американцы тут же заявили официальный протест. В дальнейшем лазерная установка, да и часть радиотехнических комплексов полигона, имеющих высокий энергетический потенциал, для сопровождения «Шаттлов» не применялись.

С созданием ЦККП, подключением к нему всех информационных средств СПРН и ПРО, развертыванием в 80-х годах работ по специализированным средствам контроля космоса постепенно складывалась эффективная, полностью автоматизированная СККП. Если рассматривать космическое пространство, как потенциально возможный театр вооруженной борьбы, то достижение паритета с США и в этой области, несомненно, повышало обороноспособность страны.

Велика заслуга военных ученых и специалистов СНИИ, своевременно спрогнозировавших и научно обосновавших не только необходимость создания СККП, но и требования к ее средствам. Ученые и конструкторы, инженеры и рабочие предприятий ОКБ «Вымпел» Минрадиопрома ответственно и с энтузиазмом создавали средства для СККП. Заслуживает уважения и признательности твердое повседневное руководство генеральных директоров ОКБ «Вымпел» В. И. Маркова, а с 1981 года О. А. Лосева⁹ — заместителей министра радиопромышленности. Постоянный, жесткий контроль за работой осуществлялся председателем ВПК Л. В. Смирновым и его заместителем Л. И. Горшковым.

Трудно переоценить вклад личного состава войск, который непосредственно участвовал в монтаже и настройке технологической аппаратуры, спецтехнического оборудования, доработке и отладке боевых программ, вводимых в ЭВМ. Многие предложения войсковых инженеров принимались разработчиками и внедрялись в производство. Наибольший прирост боевой эффективности, надежности средств и СККП в целом был достигнут уже в ходе эксплуатации.

Главный инженер ЦККП В. В. Никольский¹⁰ с группой специалистов при участии главного инженера войск ПРО и ПКО Н. В. Кислякова разработали, опробовали и внедрили, так называемый, адаптивный метод обслуживания техники. Суть его сводилась к тому, что за каждым блоком ЭВМ был установлен строжайший контроль. По набранной статистике определялось среднее фактическое время наработки на от-

каз — нормальной работы в часах. Используя эти данные, как норматив, не дожидаясь возникновения неисправности, блок вынимали и отправляли в ремонтно-поверительную базу в соседнем помещении. Его немедленно заменяли новым блоком из ЗИПа. В результате при технических условиях наработки ЭВМ на отказ — 90 часов безотказная работа составила 900-1100 часов. Генеральный конструктор ЭВМ «СЭ-51» В. С. Бурцев непосредственно участвовал в этой работе и совместно с Главным заказывающим управлением узаконил «адаптивный» метод в инструкциях по эксплуатации. Казалось бы, это лишь один штрих из опыта эксплуатации, но и он стал известен, был одобрен Минрадиопромом, ВПК и оперативно внедрен во всех частях и соединениях войск ПРО и ПКО, для всех видов технологической аппаратуры и спецтехнического оборудования. В итоге — существенное повышение боевой готовности.

ЦККП располагал превосходным коллективом офицеров, прапорщиков, хорошо подготовленных сержантов и солдат. В течение ряда лет Центр признавался одной из лучших частей в Войсках ПВО страны и был единственным коллективом в войсках ПРО и ПКО, награжденным Вымпелом министра обороны СССР за мужество и воинскую доблесть. Командир полковник И. Ю. Юхневич¹¹ одним из первых в Войсках ПВО страны был награжден орденами «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» II и III степени и Трудового Красного Знамени. Орденов и медалей были удостоены многие офицеры и прапорщики.

К концу 80-х годов у ЦККП, если можно так сказать, открылось второе дыхание. В сжатые сроки военными строительными ор-

ганизациями совместно с подразделениями Минмонтажспецстроя (ММСС) было введено в эксплуатацию новое технологическое здание, в котором был развернут самый совершенный по тому времени вычислительный комплекс «Эльбрус» генерального конструктора В. С. Бурцева. Комплекс с быстродействием в миллионы операций в секунду обусловил возможность в автоматическом режиме наиболее полно использовать информацию от средств обнаружения СПРН, ПРО и специализированных комплексов контроля космического пространства для выполнения широкого круга задач, поставленных уже СККП.

Все положительное в освоении и эксплуатации средств СККП является результатом инициативной, осмысленной и напряженной работы И. Ю. Юхневича, а также главного инженера по этому направлению в службе вооружения управления командующего войсками ПРО и ПКО И. Г. Сергеева, главного инженера ЦККП В. В. Никольского, начальника штаба А. П. Зайцева¹², Л. К. Оляндера¹³ и многих других командиров и инженеров.

Теперь войска контроля космического пространства по заслугам объединены в составе отдельного корпуса.

Вызывает тревогу, что с распадом СССР резко сокращены ассигнования на завершение работ по специализированным средствам контроля. Участь же части из них, размещенных в странах СНГ, такая же, как и у узлов СПРН.

Система противокосмической обороны

Над проблемой уничтожения космических аппаратов военного назначения веро-

Радиолокационный узел предупреждения о ракетном нападении в Латвии. Строевой смотр.

ятного противника генеральный конструктор А. И. Савин с коллективом ЦНИИ «Комета» работали с 1962 года. К концу 60-х годов совместно с генеральным конструктором ракетной и космической техники В. Н. Челомеем¹⁴ был создан уникальный автоматизированный комплекс ПКО. Он состоял из наземного командно-вычислительного и измерительного пункта, расположенного в Подмосковье, специальной стартовой площадки на полигоне Байконур, ракеты-носителя и космического аппарата-перехватчика.

А. И. Савин, его заместитель К. А. Власко-Власов сконструировали оригинальную по научно-техническому замыслу, компактную радиолокационную станцию определения координат (космического аппарата-цели и перехватчика) и передачи команд (коррекции) на борт перехватчика (СОК и ПК), а также выносные приемные посты. На вычислительном комплексе была введена и отлажена боевая программа.

В свою очередь, В. Н. Челомей определил ракету-носитель, из принятых уже на вооружение, сконструировал космический аппарат-перехватчик с головкой самонаведения и осколочной боевой частью, а также специальный космический аппарат-мишень с размещенными на нем радиодатчиками, прекращение работы которых в момент поражения позволяли объективно определить и факт поражения, и степень вывода мишени (цели) из работоспособного состояния.

Воинские коллективы ПКО в Подмосковье и на Байконуре освоили технику, боевую эксплуатацию комплекса и с участием разработчиков были способны выполнить задачу по поражению аппарата-мишени.

В августе 1970 года по целеуказанию ЦККП комплекс ПКО впервые в мире поразил запущенный аппарат-мишень. На специальном приемном устройстве в Подмосковье было зафиксировано, что в момент поражения большинство радиодатчиков аппарата-мишени прекратили работу, а степень поражения — полное выведение мишени из строя.

После доработок и опытной эксплуатации с 1 июля 1979 года комплекс ПКО был поставлен на боевое дежурство. Интенсивно продолжались работы по расширению его боевых возможностей и повышению эффективности.

Задача ставилась так, чтобы в определенных условиях военно-политической обстановки по решению Верховного Главнокомандования войска ПКО и СККП были способны в короткое время разрушить основные космические системы военного назначения вероятного противника и тем

Радиотехнический узел предупреждения о ракетном нападении в Казахстане. После 25-километрового марш-броска, «уничтожения диверсионной группы», успешного выполнения учебной стрельбы из личного оружия.

самым существенно понизить эффективность применения стратегических наступательных сил и средств поражения на поле боя. И решалась эта задача весьма успешно.

Вспоминаю, как на совещании у первого заместителя начальника Генерального штаба С. Ф. Ахромеева¹⁵, проведенного в начале августа 1983 года, было в частности заявлено, что в одном из ближайших выступлений Ю. В. Андропов¹⁶ объявит о прекращении нами испытаний комплекса ПКО в одностороннем порядке. Я категорически возразил против этого и сказал, что нам необходимо еще хотя бы три-четыре месяца для экспериментального подтверждения реализуемых принципов модернизации комплекса. Ответ С. Ф. Ахромеева был резким: «О чем вы думали раньше?»... И 18 августа 1983 года после соответствующего заявления Ю. В. Андропова комплекс ПКО замолчал.

Командиру комплекса С. С. Мартынову¹⁷ пришлось перевести в другие части и представить к увольнению в запас многих офицеров и прапорщиков, превосходных профессионалов. Все это происходило именно тогда, когда было завершено техническое и организационное объединение ПРО, СПРН, СККП и ПКО, сложилась единая система ракетно-космической обороны (РКО), функционирующая автоматически по единому программно-алгоритмическому обеспечению. Потребовалось почти 20 лет, чтобы выполнить указание Д. Ф. Устинова о необходимости преодолеть разобщенность в создании этой уникальной стратегической оборонительной системы вооружения, служившей гарантом против развязывания ракетно-ядерной войны.

Что касается комплекса ПКО, то теперь

он оказался, как говорится, не у дел. Не-
нужным было сопряжение его с ЦККП и
создание там единого командного пункта.
Наверное, только ветераны ЦККП будут
помнить, сколько было затрачено ума и
труда для того, чтобы составить, вести и
ежечасно уточнять специальный Каталог с
элементами орбит космических аппаратов
военного назначения иностранных госу-
дарств. По ним поддерживалась постоянная
готовность к немедленной выдаче целеука-
заний комплексу ПКО для поражения.

Замечу, что в США в соответствии с
провозглашенной в 1983 году Р. Рейганом
доктриной осуществлялось ускоренное со-
здание противоспутникового комплекса
«Асат» на базе самолета Ф-15 с ракетами
воздух-космос «Срэм-Альтаир», которые
могли быть применены для поражения кос-
мических объектов на высотах до 1000 км.
В комплексе применяются самонаводящи-
еся ракеты с неядерной боеголовкой. Испы-
тания комплекса «Асат» американцы
успешно завершили в 1987 году и, видимо,
расставаться с ним не собираются. В каче-
стве ударных средств в космосе рассматри-
валось использование пилотируемых
космических кораблей «Шаттл» с установ-
кой на них различного оружия, включая
лазерное.

Хорошо, если бы нам не пришлось сожа-
леть о потерянном времени и расплачиваться
за принятые в 1983 году решения.

Арбитр в последней инстанции

Создание войск ПРО и ПКО диктовалось
научно-техническим прогрессом, с одной
стороны, и гонкой вооружений в космосе, в
которую был втянут и Советский Союз, — с
другой.

Наличие этих войск в составе Вооружен-
ных Сил СССР, а ныне России, сдерживало
военные амбиции США в 60-е, 70-е и 80-е
годы, да и сейчас служит гарантом от на-
несения неожиданного, безнаказанного,
безответного ракетно-ядерного удара по
нашей стране.

Не опасаясь навлечь на себя гнев своих
многочисленных оппонентов в родном Оте-
честве, утверждаю, что успешное становле-
ние и развитие войск было бы невозможно
без жесточайшего порядка, организации и
даже тоталитаризма в соответствующих не
коридорах, а кабинетах власти в ЦК
КПСС, Совмине СССР и Министерстве
обороны. И если не убеждает в этом своя
отечественная история, то рекомендую
взять пример с ... США.

Если бы подобная обстановка сложилась
30 лет назад, нам не удалось бы сделать и
толики того, что было создано в условиях
«холодной войны» в деле укрепления обо-

роноспособности. А сделано было немало, и
не хуже, а по определяющим позициям и
лучше, чем в Америке. Приведу конкрет-
ный пример.

Буквально с первых же дней после вступ-
ления в должность командующего войска-
ми ПРО и ПКО Войск ПВО страны я
столкнулся с тем, что все объекты ПРО и
СПРН, на которых к тому времени велись
работы, создавались во исполнение поста-
новлений ЦК КПСС и Совета Министров.
Поначалу полагал, что эти директивные
документы готовятся в аппарате ЦК и Сов-
мине. В дальнейшем, когда мне непосред-
ственно приходилось вместе с другими спе-
циалистами участвовать в разработке про-
ектов таких документов, понял, какой мно-
гогранный и творческий это труд, и какова
роль в нем ЦК КПСС.

Начиналась же работа над проектами
постановлений по войскам ПРО и ПКО в
НИИ Войск ПВО страны. Было создано
специальное управление стратегической
оценки и прогнозирования развития
средств нападения. По результатам анали-
за, математического моделирования и на-
турных экспериментов разрабатывались
тактико-технические задания на новые
средства вооружения. При этом учитыва-
лись сроки на разработку порядка пяти-
шести лет и дальнейшей эксплуатации в
течение не менее десяти лет.

Главными критериями были: высокая эф-
фективность и надежность при минимально
допустимом сроке создания и стоимости.
Замечу, в оборонной промышленности до
начала 80-х годов наш теперешний «дере-
вянный рубль» соответствовал 1,1 доллара
США. Тактико-технические требования
рассматривались на уровне Главного зака-
зывающего управления, моего управления
и после одобрения главнокомандующего
передавались в Военно-промышленную ко-
миссию. Однако приходилось выдерживать
длительную, изнурительную борьбу с мо-
гущественными генеральными конструктор-
ами, ибо перед ними ставились новые
сложные научно-технические вопросы.
Нужно было преодолевать и упорное со-
противление министерств-монополистов.
Ведь Минрадиопрому, Минавиапрому и
Минэлектронпрому, да и другим, предсто-
яло перестраивать производство, осваивать
новую элементную базу, возводить новые
заводы.

Противоречия между заказчиком и орга-
низациями промышленности, настаиваю-
щими на значительном снижении заданных
требований, нередко приводили к конфлик-
там. При решении спорных вопросов в ка-
честве последней инстанции выступал
отдел оборонной промышленности ЦК
КПСС, в котором работали такие крупные

Среди членов президиума Российской партийной конференции. 19 июня 1990 г.

ученые и инженеры, как Н. Н. Детьин, В. Ф. Федоров, Г. С. Савастеев. Согласованные проекты представлялись на подпись Председателю Совмина и направлялись в ЦК.

А здесь, и я это подтверждаю со всей ответственностью, на первом плане всегда были интересы государственные, отнюдь не министерств и ведомств. Хорошо зная это, научно-производственные, трудовые и воинские коллективы решали сложные задачи с высоким качеством в минимальные сроки, укладываясь в весьма ограниченные бюджетные средства. Повышение обороноспособности страны было для людей, непосредственно в этом участвующих, поистине святым делом.

Элита военно-промышленного комплекса

Комплексы и системы вооружения войск ПРО и ПКО создавались талантливыми учеными-конструкторами, военными и гражданскими. Каждый из них был личностью по-своему индивидуальной. Например, интеллигентнейшие люди, ученые с мировыми именами Ю. Б. Харитон, А. Л. Минц со своими достойными учениками Ю. В. Поляком, В. М. Иванцовым и В. К. Слокой. Взрывной, резкий в полемике Г. В. Кисунько и скромный, честнейший, трудолюбивый И. Д. Омельченко. Талантливый, жесткий, принципиальный А. Г. Басистов и умный, обаятельный М. Г. Миносян. Лояльный к своим соисполнителям В. Г. Репин. Уравновешенный, выдержанный, самокритичный А. И. Савин. Темпераментный, взыскательный В. М. Ковтуненко. Справедливый в оценке достигнутого П. Д. Грушин. Упорные и умелые Ф. А. Кузьминский, А. Н. Мусатов, В. П. Сосулников, Ф. Ф. Евстратов. Однако было то общее, что объединяло их всех — высокая ответственность за защиту

многонационального народа великой страны надежными средствами СПРН, ПРО, ПКО и СККП.

Различие же в подходах к решению фундаментальных научно-технических проблем, бескомпромиссная борьба, конкурирующие проекты дали в конечном счете возможность определить наиболее рациональные направления в оснащении войск вооружением.

Понимаю, что вряд ли имею право оценивать элиту нашего военно-промышленного комплекса, но многие годы совместной работы дают мне возможность сказать о каждом из них так, как подсказывает память.

Большинство ученых и конструкторов прошли армейскую службу. Г. В. Кисунько начал ее рядовым ленинградского ополчения, Р. А. Валиев — ополченцем в битве под Москвой. Непосредственно ответственный за вооружение войск ПРО и ПКО, заместитель министра радиопромышленности СССР — генеральный директор ОКБ «Вымпел» В. И. Марков был разведчиком партизанского отряда в Белоруссии, а сменивший его на этом посту О. А. Лосев — командиром разведывательной батареи пушечного артиллерийского полка на 2-м Белорусском фронте. Многие окончили военные училища и академии. И все они считали, что именно армия определила их дальнейшую судьбу.

С первого колышка

Создание войск РКО начиналось с выбора площадок под строительство комплексов вооружения. Генеральными, главными конструкторами определялись районы страны, при размещении в которых наиболее полно реализовывались бы тактико-технические характеристики комплексов,

наносился минимальный ущерб экологии, обеспечивалась надежная биологическая защита населения. Инженерное управление Войск ПВО страны — начальник К. В. Урвын — определяло допустимый объем капитальных вложений, при выборе площадок учитывало безусловное согласие местных органов власти, способствовало нормальным условиям работы.

В 70-е годы на строительстве одновременно нескольких площадок войск РКО работало до 100 тыс. военных строителей. В период завершения строительного-монтажных работ и широкого фронта монтажа и настройки технологической аппаратуры на одной площадке число строителей составляло 30 тыс., специалистов ММСС — двести тысяч, а промышленности — три-четыре тысячи человек. Военных строителей нужно было обеспечить жильем, столовыми, помещениями под мастерские и склады. И эта неизменно сложная задача решалась.

Конечно, возникало много проблем. Генеральные и главные конструкторы в ходе создания комплексов вооружения вносили существенные изменения в планировку технологических помещений, раскладку кабелей, ужесточали требования к качеству воды для охлаждения аппаратуры и температурно-влажностному режиму. Изменения в первоначальный проект вносили и представители ММСС. Заказывающее инженерное управление Войск ПВО страны поставляло аналогичные по характеристикам, но отличные от проекта агрегаты спецтехнического оборудования. Случалось, что ко времени поставки агрегаты, предусмотренные проектом, были сняты промышленностью с производства и заменялись другими. В результате требовалась переделка, дополнительные затраты и время.

Строительство на площадках в Подмоскovie велось Главным военно-строительным управлением Центра (начальник А. Г. Караогланов). Его девизом было: «Строить хорошо». Именно на выполнение этого требования нацеливались подчиненные офицеры, личный состав военно-строительных отрядов (ВСО). И до сих пор воинские части выражают признательность строителям главка за высокое качество, эстетичность объектов. Например, радиолокационного узла дальнего обнаружения с РЛС «Дунай-ЗУ», уже упоминавшегося мною.

В приграничных районах, где природные условия были более сложными, работы велись Главным управлением специального строительства, начальником которого был К. М. Вертелов¹⁸, а с 1979 года — Н. В. Чеков¹⁹. Они постоянно лично принимали участие в строительстве объектов СПРН, СККП войск РКО. Таким образом,

в том, что системы вооружения были созданы и надежно выполняют боевую задачу государственной важности, велика заслуга военных строителей.

Первый заместитель начальника строительства и расквартирования войск Министерства обороны СССР К. М. Вертелов — компетентный, волевой и требовательный человек, блестящий организатор — увлекал военных строителей на самоотверженный труд, умело маневрировал силами и средствами военно-строительных подразделений, создавая надежную организацию труда и добиваясь повышения его качества. Для решения проблем, связанных с переделками, по требованию конструкторов, К. М. Вертелов на каждой строительной площадке имел группу проектировщиков из ЦПИ-20 Министерства обороны, без права выезда. На месте оперативно с надлежащим оформлением они решали все возникающие вопросы.

Кроме того, К. М. Вертелов был инициатором разработки детальных «совмещенных графиков». В них определялось, какую технологическую аппаратуру и к какому сроку промышленность должна поставить на строительную площадку, степень готовности помещений и спецтехнического оборудования для монтажа и настройки аппаратуры. Военные строители и специалисты ММСС делали все от них зависящее, чтобы в срок выполнить свою часть работ. Отставание и срывы были в промышленности. Когда это стало очевидным, прекратилось огульное обвинение военных в срыве промежуточных и конечных сроков создания комплексов вооружения.

В течение нескольких лет в средствах массовой информации резко и справедливо критикуется состояние воинской дисциплины, воспитательной работы в военно-строительных отрядах. Да, дедовщина, преступность там были и есть. Негативное состояние дел во многих ВСО — результат, прежде всего, комплектования их призывниками, имеющими судимость, с низким образованием, слабым знанием русского языка. Большинство младших офицеров, непосредственно отвечающих за воспитание подчиненных, были из числа призванных из запаса на два года. О тяжелейших условиях обустройства, жизни и быта уже говорилось. Но ведь именно военными строителями созданы крупнейшие объекты оборонной промышленности и народного хозяйства.

Вместе с военными строителями в таких же условиях работали гражданские специалисты ММСС. Руководил ими заместитель министра Минмонтажспецстроя Б. В. Бакин²⁰ — человек очень деловой, глубоко знающий все многообразие сложных сис-

тем спецтехнического оборудования (спецтоков) для технологической аппаратуры, вентиляции, кондиционирования, пожаротушения и др. Он добивался оперативности в изготовлении и поставке металлоконструкций. И будучи министром, Б. В. Бакин наши объекты не забывал.

Умело и слаженно вели монтаж, настройку технологической аппаратуры специалисты головного производственно-технического предприятия Минрадиопрома, генеральным директором которого был В. Н. Казанцев. Из ведущих сотрудников этого предприятия на каждый объект назначались начальники, утверждаемые министерством. Они совместно с командирами и главными инженерами воинских частей организовывали постоянное, непосредственное участие личного состава в монтаже и настройке технологического оборудования, монтаже и наладке спецтехнических систем. Специалисты предприятия обучали личный состав, принимали экзамен на допуск к самостоятельной эксплуатации техники. После сдачи объектов в эксплуатацию эти начальники оставались здесь и возглавляли комплексные бригады представителей промышленности, выполняющих гарантийное обслуживание.

Управление командующего и профессиональные войска РКО

Истины ради нужно сказать о несомненных заслугах генералов, офицеров и служащих управления, самоотверженный, напряженный и творческий труд которых во многом способствовал созданию надежного противоракетного и противокосмического щита СССР. За период 1967-1986 годов состав управления омолаживался за счет лучших офицеров из войска. Но особенно значима роль первого состава офицеров — подготовленных и воспитанных в зенитной ракетной армии особого назначения, преимущественно инженеров, которые привнесли с собой профессионализм, высокую культуру и нравственность, ответственное, порядочное и добросовестное отношение к делу. Все они трудились с полным напряжением духовных и физических сил. Тяжело сознавать, что преждевременно ушли из жизни В. В. Голубев, С. И. Горюшкин, К. И. Зиханов, В. Д. Румянцев, А. А. Игнатов, И. А. Алешин, Ю. М. Гриднев.

Совместно с учеными НИИ, СНИИ и академией коллективом управления была разработана концепция боевого применения войска РКО в оперативно-стратегических операциях Войска ПВО страны. Основопологающим в ней было обоснование комплексного боевого

применения войска предупреждения о ракетном нападении, противоракетной, противокосмической обороны и контроля космического пространства при едином централизованном управлении с Центрального командного пункта Войска ПВО страны. Основные силы и средства сосредоточивались на решении задачи своевременного и достоверного предупреждения о ракетном нападении, и вместе с тем повышалась эффективность противоракетной и противокосмической обороны. Реализация концепции требовала, чтобы генеральные и главные конструкторы разработали единый боевой алгоритм и внедрили соответствующие программы на вычислительных средствах командных пунктов полностью автоматизированных систем вооружения. По мере развития и совершенствования комплексов и систем вооружения боевой алгоритм и программы уточнялись, как и концепция боевого применения войска РКО.

Концепция проверялась на учениях, проводимых под руководством главнокомандующего Войсками ПВО страны, начальника Генерального штаба и министра обороны СССР, а также в кризисных и аварийных ситуациях.

Управление планировало проведение в совокупности мероприятий по оперативно-тактической, боевой подготовке, материально-техническому обеспечению, укреплению воинской дисциплины и нравственной обстановки в воинских коллективах, особенно в среде младших офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат с тем, чтобы войска были способны выполнить боевую задачу государственной важности в любое время и в любых условиях.

Именно этому была подчинена систематическая работа комплексных групп управления в соединениях и частях. Кроме плановых проверок за период обучения и учебный год, проводились внезапные выезды в войска, которые приурочивались ко времени запуска отечественных и американских баллистических ракет и космических аппаратов. Это позволяло проверить степень боевой готовности по реальным целям.

Офицеры управления работали спокойно, деловито. Выявляя недостатки, они находили правильные решения по их устранению непосредственно в ходе работы. Учили личным примером.

Наряду с тактико-техническими, проводились и масштабные учения по наземной обороне. Опыт этих учений оказался и теперь не лишним, так как многие узлы СПРН и СККП находятся в странах СНГ, а некоторые — в районах военных конфликтов.

В таком же ключе работали в войсках управления армии, корпусов и дивизий.

Основополагающий армейский принцип «Делай, как я» имеет глубокий смысл. Именно так в далеком 1938 году меня, 19-летнего лейтенанта, учил командир 7-й батареи Тбилисского горно-артиллерийского училища капитан В.Т.Багдасарян²¹. Человек незаурядный. Настоящий профессионал. Его высокая, порой жесткая требовательность уживалась с внимательным и заботливым отношением к подчиненным. Он был поистине мастером обучения и воспитания командиров взводов, нашего многонационального коллектива курсантов.

Три года службы под его командованием оставили неизгладимый след во всей моей дальнейшей деятельности. Принимая те или иные решения, я всегда ориентировался на принципы, заложенные незабываемым комбатом. Как важно, чтобы у каждого молодого офицера в начале службы был свой Багдасарян, непосредственный командир, заслуживающий любви и уважения.

50 календарных лет службы Отечеству дают мне право утверждать, что высокая боевая готовность невозможна без адекватной профессиональной подготовки командиров, офицеров, инженеров всех степеней. Они являются определяющими в процессе обучения всего личного состава подразделений и частей. Новая боевая техника, непрерывная ее модернизация и совершенствование настоятельно требуют постоянного повышения своего профессионального уровня. Поэтому я, да и большинство руководящего состава соединений и частей, не считали для себя зазорным учиться у специалистов промышленности, инженеров в частях при каждом удобном случае, и даже за счет отпуска.

И дело не только в том, чтобы не отстать от развития техники, но и в способности аккумулировать разумные и обоснованные предложения из войск, добиваться их внедрения промышленностью. Буквально тысячи таких предложений существенно повысили эффективность и надежность техники, улучшили условия ее эксплуатации.

Боевая готовность невозможна без высокой нравственности обеспечивающих ее людей. На командире постоянно сфокусированы, если можно так сказать, десятки, сотни, тысячи глаз, от которых не скроешь ни фальшь в поведении, ни противоречивость в поступках. В полной мере реализовать принцип «Делай, как я» может только высокосовестливый, глубоко порядочный командир. Только тогда он может считаться профессионалом.

Буду откровенен — стать и всегда таким

оставаться — ноша, которая по силам не каждому. Удручающая обстановка монополизма, неприступной бюрократии, мздоимства, узаконенного должностного хамства, лакировки действительности на всех уровнях — вот та благодатная почва, на которой произрастают уродливые явления нашего бытия. И армия — не исключение.

Поначалу я прослыл в войсках, как теперь говорят, в их верхних эшелонах власти чуть ли не «белой вороной»: оплачивал обед в солдатской столовой, позакрывал во всех частях так называемые «греческие залы» для приема различных проверяющих и начальников, не допускал «тыканья» в общении с солдатами и офицерами, не употреблял бранных слов, не имел (да и не имею до сих пор) ни дачи, ни собственной машины. Если бы это было мелочью, то так бы мне и осталось «белой вороной», но со временем это стало вызывать раздражение у одних и радостное удивление и надежду — у других. Подчиненные поняли, что не просто можно, но и должно жить и служить так, как их командующий. С большим удовлетворением констатирую, что весь руководящий состав армии, корпусов, дивизий и частей имел высокий нравственный уровень.

Части в войсках РКО создавались заново. Многие взамен расформированных, имевших славные боевые традиции. И хотя все стало новым: ответственнее задачи и сложнее техника и вооружение, но традиции и Боевое Знамя должны оставаться неприкосновенными, аккумулирующими волю и честь защитника Родины. Именно поэтому я неоднократно обращался в Генеральный штаб с просьбой о преемственности наименований расформированных частей и соединений. Но ни понимания, ни даже отклика так и не дождался...

Нелишне вспомнить, что в 60-е годы организационно-штатная структура войск РКО определялась методом проб и ошибок. Навязываемая нам Главным организационно-мобилизационным управлением Генерального штаба типовая структура роты, батальона, полка противоречила опыту эксплуатации принципиально новых, полностью автоматизированных комплексов вооружения.

Со временем стало очевидно, что основным подразделением должен быть отдел. Это 20-40 офицеров и несколько прапорщиков и младших специалистов. Начальник отдела под личную ответственность принимал аппаратуру и оборудование, определял и готовил четыре смены боевого расчета из числа офицеров, три смены младших специалистов, группу регламентных работ. Он непосредственно отвечал за постоянную готовность и исправность всех

трех комплектов аппаратуры и оборудования, имея один — в режиме «боевая работа», второй — «готовы к боевой работе» и третий — в холодном резерве или на регламентных работах, в ремонте. Отделы объединялись в составе станции, центра, частей.

В состав частей входили отделы боевых алгоритмов и программ, ремонтно-поверительные базы, узлы связи и передачи информации, роты охраны и подразделения обеспечения.

Генеральный штаб возражения снял, учитывая важность выполняемой боевой задачи, статус частей поднял до бригад. Части получили наименования радиотехнических узлов, противоракетных, командно-вычислительных центров и вошли в состав дивизий, корпусов и армии. Примерно 60 проц. их численности составляли офицеры и прапорщики. Именно так складывалась основа профессиональной армии.

Тогда же, в конце 60-х годов, со всей остротой встала проблема подготовки кадров по специальностям войск РКО. По предложению П. Ф. Батицкого, поддержанному Генеральным штабом, в Военной командной академии противовоздушной обороны имени маршала Советского Союза Г. К. Жукова был создан специальный факультет — начальник П. Ф. Тушев, начальники кафедр В. С. Просветов и И. С. Федосеенко. В Военной инженерной радиотехнической академии ПВО три из шести факультетов и часть кафедр были переведены на новый профиль подготовки слушателей. Начальники факультетов — П. К. Грицак, Э. Я. Лусс, Г. В. Якубовский. Начальники кафедр — ученые с мировыми именами Я. Д. Ширман, Я. С. Шифрин, А. В. Колосов, А. А. Метешкин. Начальники академий — маршал авиации Г. В. Зимин²² и маршал артиллерии Ю. П. Бажанов с присущей им ответственностью отнеслись к становлению факультетов. Решительная поддержка Г. Ф. Байдукова позволила создать в академиях превосходную учебно-материальную базу по вооружению войск РКО. Из зенитных ракетных войск были переведены на новый профиль два училища, статус их был повышен. Это — Пушкинское высшее командно-инженерное училище радиоэлектроники — начальник В. И. Громадин и такое же Житомирское — начальник Е. Е. Полуэктов. Выпускники академий и училищ по профилю РКО имели высокий авторитет. Они назначались не только в войска, но и в части, подчиненные Генеральному штабу и Главному управлению космических средств. Развал сверхдержавы привел к тому, что Харьковской инженерной академии, Житомирского высшего

училища просто нет. Потеря для войск РКО, конечно, велика. Но часть преподавателей и курсантов из Житомира переведены в Кубинку, где на базе 12-го Учебного центра, готовившего младших специалистов, развернут филиал Пушкинского высшего училища.

Необходимость выдвижения молодых перспективных командиров для замещения должностей командующего войсками РКО, командующего армией, командиров корпусов и дивизий, начальников оперативных штабов настоятельно требовала их подготовки в Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР имени К. Е. Ворошилова. Так, В. К. Стрельников, окончивший эту академию в 1967 году и назначенный командиром отдельной дивизии предупреждения о ракетном нападении, по уровню своей подготовки, оперативному кругозору и способности командовать оказался на голову выше других старших офицеров в роде войск. Подтверждает это и мой личный опыт. И все равно пришлось преодолеть множество кадровых барьеров. Только поддержка начальника академии генерала армии М. М. Козлова и начальника кафедры по профилю ПВО генерал-лейтенанта Н. А. Асриева дали возможность ежегодно направлять в это учебное заведение по одному офицеру. Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР успешно закончили нынешний командующий войсками РКО В. М. Смирнов, командующий армией Н. И. Родионов и начальник штаба армии Н. К. Сергеев, командиры отдельных корпусов Н. П. Карташов и А. И. Суслов. Дальнейшее развитие и совершенствование войск РКО диктуют необходимость не прерывать, а продолжать подготовку достойных офицеров в этой академии.

Элитность оставшихся теперь только на территории России частей войск РКО сохраняется. Поддерживаются и традиции, что родились и окрепли вместе с нами. И отличие это определяется не уникальностью техники и вооружения, а прежде всего людьми, ею владеющими.

В условиях экономического хаоса и правового беспредела, захлестнувших страну, они остаются такими благодаря своему высокому профессионализму, патриотизму, честному исполнению сыновнего долга перед Родиной. В этом я убедился, когда в июне 1993 года побывал на встрече по существу уже с третьим поколением руководящего состава отдельной армии предупреждения о ракетном нападении. С поколением, способным не только сохранить, но и преумножить славные традиции войск РКО.

В 1978 году благодаря решительной под-

держке главнокомандующего А. И. Колдунова удалось пресечь реформаторский зуд высокопоставленных должностных лиц Главного штаба Войск ПВО страны, ГОУ Генерального штаба и не допустить развала управления и войск РКО. Теперь же управление раздергано по службам главкомата. Насколько это оправданно и какова участь войск, покажет будущее.

Вместо заключения

Вот так, в условиях строгого режима секретности, ковался ракетно-космический щит великой страны, исключавший возможность внезапного безответного ракетно-ядерного удара со стороны какого бы то ни было агрессора. В длительный период «холодной войны» военно-политическое руководство США и НАТО не могли не учитывать постоянную боевую готовность войск РКО и могучий ракетно-ядерный потенциал СССР.

В нашем постоянном соревновании с американцами по системам вооружения войск РКО ни победителей, ни побежденных нет. Наличие этих систем у обеих сторон предостерегало раньше, да и теперь, от самоубийственного соблазна решать возникающие проблемы при помощи «дубинки».

Как ни тяжело, но необходимо признать: политический и экономический развал Советского Союза привел к существенному нарушению группировки войск РКО, понизились их боевые возможности, в том числе и по защите России. Обидно и горько сознавать, что почти 30-летний напряженный труд ученых, оборонной промышленности, военных в определенной степени оказывается ненужным.

Обратимся к фактам. Большая часть радиотехнических узлов обнаружения баллистических ракет на траекториях полета оказались теперь на территории Латвии, Беларуси, Украины, Азербайджана, Казахстана. С середины 80-х годов на позициях всех этих узлов велись крупномасштабные работы по замене устаревших станций и созданию новых типа «Дарьял-У» и «Волга». В ценах того времени общая стоимость затрат составляла порядка 2,5 млрд. рублей. На январь 1990 года было освоено около 1,5 млрд. В настоящее время финансирование прекращено. Работы практически не ведутся. В таком же положении в ближнем зарубежье оказались и оптико-электронные комплексы контроля космического пространства. Может оказаться, что уже в ближайшие годы СНГ останется без наиболее надежных и точных средств СПРН на Северо-Западном, Западном и

Юго-Западном ракетопасных направлениях, а также без средств СККП на высотах до 40 тыс. км.

Что можно предпринять в сложившихся обстоятельствах? Думаю, прежде всего, внимательно отнестись к предложениям Президента Казахстана Н. А. Назарбаева. Россия, Беларусь и Казахстан могли бы заключить договор о коллективной безопасности, в котором наряду с другими вопросами были бы определены условия дислокации, обеспечения эксплуатации и организации несения боевого дежурства узлов войск РКО, а также финансирования работ по завершению создания новых станций. При этом на пункты государственного управления и КП министерств обороны за соответствующую оплату выдавалась бы информация предупреждения о ракетном нападении и космической обстановке. В дальнейшем к этому договору могли бы подключиться и другие страны СНГ, или заключить двусторонний договор с Российской Федерацией, взяв на себя обязательства, по которым узлы надгоризонтной радиолокации СПРН и оптико-электронные узлы СККП остаются российскими базами на согласованных и четко определенных условиях аренды, без права их захвата и дискриминации обслуживающего персонала. Особо следует оговорить право России на завершение создания новых станций.

Если политическое и военное руководство стран СНГ понимает ответственность за безопасность своих народов, то предлагаемые договоры — конкретный путь к сохранению и совершенствованию войск РКО. Важнейшее условие, которое непременно должно быть определено в договорах, — сохранение Межгосударственной корпорации «Вымпел», конструкторские организации и заводы которой оказались не только на территории России, но и на Украине и в Беларуси.

Ныне принято утверждать, что у нас нет противника, а с США и НАТО установились доброжелательные, партнерские отношения. Но надежные партнерские отношения могут быть только с равными по силе. Со слабым говорят языком диктата, навязывают свою волю. Россия же существенно ослаблена. Осталась одна великая держава — США. И теперь именно она диктует миру свои условия.

Создание войск РКО потребовало решения сложных научно-технических задач. Поистине космическая высота поставленной цели определила выбор людей, способных создавать комплексы, системы вооружения и управлять ими. На моих глазах молодые инженеры и офицеры —

представители различных национальностей — выросли в крупных ученых, конструкторов и военачальников.

Далеко не всем мы смогли воздать должное за их самоотверженный, беззаветный труд на пределе человеческих возможностей. Может быть именно такое самопожертвование драматически и предопределило ранний, невосполнимый уход многих из них.

Р.С. За время подготовки рукописи к публикации из жизни ушли В. П. Бармин, Н. И. Савинкин, М. И. Ненашев, Р. А. Валиев, М. Г. Миносян, Ю. В. Поляк.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Горелик Александр Леопольдович (р. 1923) — полковник-инженер. В 1968 г. заместитель начальника управления СНИИ. Главный теоретик и разработчик систем распознавания космических объектов при решении задач СККП и ПКО. Доктор технических наук, профессор. Лауреат Государственной премии.

2. Курланов Александр Дмитриевич (р. 1924) — генерал-майор. В 1967 г. начальник управления СНИИ. В 1982 г. председатель НТК ГУКОС. Доктор технических наук, профессор. Лауреат Государственной премии. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР. Действительный член Академии космонавтики имени Э. К. Циолковского.

3. Курышев Василий Иванович (р. 1913) — начальник кафедры Рязанского педагогического института. Доктор технических наук, профессор. Почетный член Астрономо-геодезического общества при Российской АН, лауреат диплома имени Юрия Гагарина Центра подготовки космонавтов.

4. Бажанов Юрий Павлович (1905-1975) — маршал артиллерии. В 1949 г. командующий артиллерией Приморского военного округа. В 1955 г. начальник Военной инженерной радиотехнической академии ПВО. Доктор военных наук, профессор.

5. Писарев Иван Парфенович (р. 1922) — генерал-лейтенант. В 1953 г. командир ЗРП. В 1959 г. начальник оперативного отдела. В 1965 г. начальник штаба зенитной ракетной армии особого назначения. В 1970 г. начальник штаба войск ПРО и ПКО Войск ПВО страны.

6. Сергеев Иван Гордеевич (р. 1937) — полковник. В 1965 г. старший инженер в СНИИ. В 1968 г. начальник отдела ЦККП. В 1980 г. главный инженер направления инженерно-ракетной службы в управлении войск ПРО и ПКО.

7. Курикса Александр Александрович (р. 1933) — ученый в области радиолокации и радионавигации. В 1971 г. начальник научно-исследовательского отделения в Межгосударственной корпорации «Вымпел». Доктор технических наук. Лауреат Государственной премии.

8. Очкасов Юрий Семенович (р. 1934) — полковник. В 1976 г. заместитель главного конструктора ЦККП. Кандидат технических наук.

9. Лосев Олег Андреевич (1923-1993) — генерал-лейтенант. Герой Социалистического Труда. В 1952 г. командир ЗРП. В 1958 г. начальник отдела, в 1973 г. заместитель, в 1979 г. первый заместитель начальника Главного управления вооружения Войск ПВО страны. В 1981 г. заместитель министра радиопромышленности. Лауреат Государственной премии.

10. Никольский Виктор Владимирович (р. 1942) — полковник. В 1978 г. начальник координационного вычислительного пункта. В 1980 г. заместитель командира ЦККП по вооружению. С 1988 г. по настоящее время заместитель командира отдельного корпуса по вооружению.

11. Юхневич Ипполит Юльянович (р. 1932) — полковник. В 1960 г. командир зенитного ракетного дивизиона. В 1966 г. заместитель командира комплекса ПКО. С 1973 по 1986 г. командир ЦККП.

12. Зайцев Александр Петрович (р. 1941) — генерал-майор. В 1984 г. заместитель командира. В 1986 г. командир ЦККП. С 1988 г. по настоящее время начальник штаба отдельного корпуса.

13. Оляндер Лефорг Константинович (р. 1934) — полковник. В 1971 г. заместитель начальника штаба по боевому управлению. В 1974 г. начальник отдела ЦККП.

14. Челомей Владимир Николаевич (р. 1914) — ученый и конструктор в области авиационной, ракетной и космической техники. Дважды Герой Социалистического Труда. Академик РАН. Лауреат Ленинской и двух Государственных премий.

15. Ахромеев Сергей Федорович (1923-1991) — Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза. В 1984-1988 гг. — начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Лауреат Ленинской премии.

16. Андропов Юрий Владимирович (1914-1984) — генерал армии. Советский партийный и государственный деятель. Герой Социалистического Труда. С ноября 1982 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС, одновременно с 1983 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Председатель Совета Обороны.

17. Мартынов Сергей Сергеевич (р. 1946) — генерал-майор. В 1984 г. командир комплекса ПКО. В 1992 г. командир дивизии предупреждения о ракетном нападении.

18. Вертелов Константин Михайлович (р. 1923) — генерал-полковник. Герой Социалистического Труда. В 1951 г. начальник строительства атомного производства на Урале. В 1971 г. начальник ГУСС МО. В 1979 г. первый заместитель начальника строительства и расквартирования войск Министерства обороны. В 1985 г. начальник Государственной экспертизы и инспекции Министерства обороны. Лауреат Ленинской и Государственной премий. Заслуженный строитель РСФСР.

19. Чеков Николай Васильевич (р. 1931) — генерал-полковник. В 1979 г. начальник ГУСС МО. В 1988 г. заместитель министра обороны по строительству и расквартированию войск. Лауреат Государственной премии.

20. Бакин Борис Владимирович (р. 1912) — Герой Социалистического Труда. В 1967 г. заместитель министра, в 1975 г. министр монтажных и специальных строительных работ. Лауреат Ленинской и Государственной премий.

21. Багдасарян Вардан Татевосович (р. 1907) — подполковник. В 1937 г. командир батареи курсантов Закавказской объединенной военной школы. В 1941 г. командир дивизиона 80-го артиллерийского полка 76-й горно-стрелковой дивизии. С 1943 по 1955 гг. командовал артиллерийскими учебными частями.

22. Зимин Георгий Васильевич (р. 1912) — маршал авиации. Герой Советского Союза. В 1960 г. первый заместитель главнокомандующего Войсками ПВО страны. В 1966 г. начальник Военной академии ПВО. Доктор военных наук, профессор.

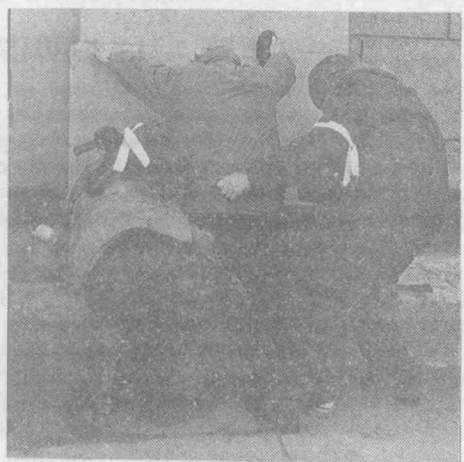

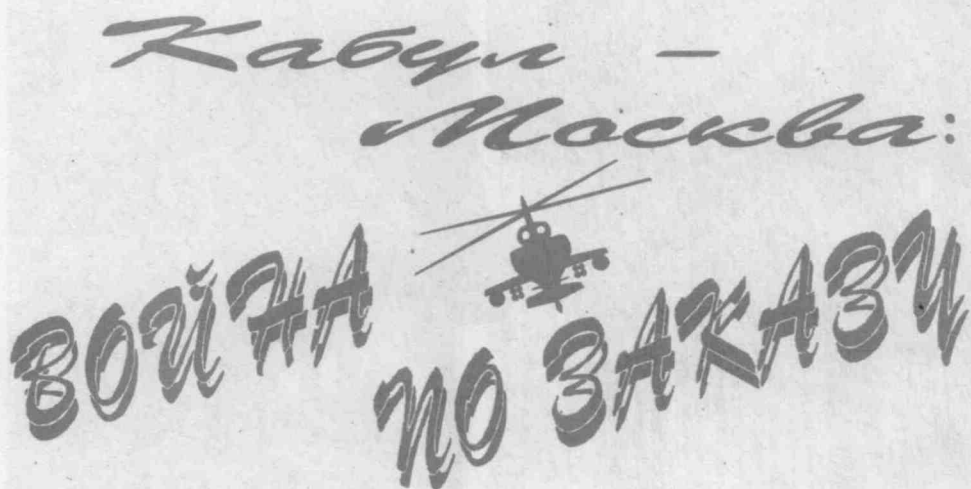
МОСКВА.
4 октября
1993 года

**Фото А. В. ПАВЛЮКА
и А. Е. ШАДРИНА**

ЭПОХА В ФОТОДОКУМЕНТАХ

ВВОД ИЛИ ВТОРЖЕНИЕ?

После лечения в кисловодском санатории я с женой возвращался в Москву. Около полуночи поезд прибыл на Курский вокзал. При выходе из вагона нас встретил незнакомый мне офицер, который сообщил, что меня ожидает генерал армии С. Ф. Ахромеев.

Через несколько минут я уже находился в Генеральном штабе. Справившись о моем самочувствии и извинившись за «похищение» с вокзала, С. Ф. Ахромеев перешел к деловой части разговора.

Суть его сводилась к следующему. Афганское правительство неоднократно обращалось к руководству нашей страны с настоятельной просьбой ввести советские войска в Афганистан. Мотивы прежние — взять под свою охрану государственные объекты, освободив афганскую армию для борьбы с мятежниками. Этот вопрос решен положительно. Есть договоренность о том, что афганская сторона выступит по радио и оповестит весь мир о своей просьбе. В Туркестанском военном округе началось мобилизационное учение, в ходе которого развертываются по штатам военного времени полевое управление 40-й армии, 5-я и 108-я мотострелковые дивизии, а также армейский комплект частей боевого и тылового обеспечения.

В общем, создается группировка войск для ввода в Афганистан. Для оказания помощи в решении мобилизационных вопросов туда должна выехать небольшая оперативная груп-

па во главе с С. Ф. Ахромеевым. Я был назначен его заместителем. От Главного управления боевой подготовки в ее состав включены полковники Л. К. Котляр, М. М. Мордас и Б. Я. Рогонцев.

Подобный поворот событий меня удивил. Неужели в Кабуле ухудшилась обстановка? Ведь в средствах массовой информации сообщалось о планомерном развитии Апрельской революции, ее поддержке народом и успешной борьбе с контрреволюцией. Так что же там произошло?

Я напомнил С. Ф. Ахромееву, что после возвращения нашей военной делегации из Афганистана мы представили министру обороны доклад, в котором четко указали, что вводить в эту страну наши войска нецелесообразно. Кроме того, мы подчеркивали, что свободолобивый афганский народ не смирится с вмешательством извне, приводили ряд фактов, подтверждающих этот вывод. Например, когда наш военный советник сделал незначительное замечание командиру полка афганской армии, то в ответ услышал: «Мы вас сюда не звали. Уезжайте в свою страну, а мы здесь разберемся сами».

— После прихода Амина к единоличной власти обстановка в стране резко изменилась к худшему, — пояснил С. Ф. Ахромеев. — Репрессии принесли массовый характер, чем существующий режим скомпрометировал себя и создались условия, в которых Амин может быть свергнут контрреволюцией.

— Но ведь Амин не первый и, наверное, не последний правитель, которого свергают в Афганистане? — заметил я.

— Все это так, — согласился С. Ф. Ахромеев.

**Маршал Советского Союза С. Л. Соколов
(в центре) на специальном сборе
по организации засад. Район Шинданда.
Март 1982 года.**

ев, — но вместе с контрреволюцией могут прийти и американцы, а это крайне нежелательно. К тому же у нас натянутые отношения с Китаем, который поддерживает Пакистан. Да и в Иране обстановка не ясна. Вот в такой ситуации и возник вопрос — что делать?

Позиция Генерального штаба однозначна — войска не вводить. Когда нам дали на проработку вопрос о вводе, мы подготовили справку министру обороны. В ней указывалось, что для принятия столь ответственного решения, как ввод войск в чужую страну, а тем более страну Востока, нужно располагать весьма веской аргументацией и что на сегодняшний день мы таковой не имеем.

Правда, руководство считает, что наши войска будут стоять гарнизонами и защищать существующий режим от попыток его свержения извне, а внутри страны с мятежниками справится афганская армия и мы вскоре оттуда уйдем. Конечно, скорее всего наш престиж и международное положение будут подорваны. Более того, появятся основания для обвинения Союза в агрессии. Но приказ есть приказ. Хотя Генеральный штаб, я еще раз говорю, возражает против ввода.

— Так все же к чему готовить дивизии — к вводу или к вторжению? — спросил я.

— И к первому, и ко второму, — прозвучало в ответ.

Утром 14 декабря 1979 года наша группа вылетела к месту базирования в город Термез. С. Ф. Ахромеев задержался до вечера в Москве. На аэродроме нас встретили командующий 40-й армией генерал-лейтенант Ю. В. Тухаринов и член военного совета армии генерал-майор А. В. Таскаев. Сразу же по прибытии в штаб командующий проинформировал о ходе отмотелизования. Развертывание полевого управления армии, соединений и час-

тей проходило без срывов. Несколько медленнее отмотелизовывались части и подразделения тыла. Требовалось заменить большое количество автомашин. Дело в том, что в ходе ежегодных мобилизационных сборов руководители предприятий задерживали у себя новые большегрузные машины, а вместо них отправляли в войска малогабаритные и даже технически неисправные. Командиры частей, понимая трудности гражданских организаций, закрывали на это глаза. Такая же история повторилась и сейчас, когда мобилизация была объявлена всерьез.

Части военно-воздушных сил округа были уже приведены в полную боевую готовность и завершили перегруппировку на приграничные аэродромы.

К вечеру в Термез прилетел С. Ф. Ахромеев и сообщил, что Амина убрали, а Якуб отнесся к этому спокойно. Никаких изменений обстановки в Афганистане не произошло. Это сообщение напряжение полностью не сняло. Зная немного Афганистан, я не исключал, что события могут развиваться непредсказуемо. На мой вопрос, кто занял место Амина, Сергей Федорович ответил, что об этом ничего не знает.

На основании полученной информации был уточнен и план работы нашей группы. Мне поручили курировать подготовку 5-й мотострелковой дивизии в Кушке, которой командовал генерал-майор Ю. В. Шаталин. Группа офицеров во главе с С. Ф. Ахромеевым оставалась в Термезе, где готовила полевого управления армии и 108-ю мотострелковую дивизию.

Следует сказать, что к нашему приезду управление 40-й армии во главе с генерал-майором Л. Н. Лобановым было укрупнено в основном офицерами и генералами штаба округа и представляло собой уже вполне работоспособный и достаточно слаженный организм.

Основное содержание нашей работы состояло в оказании помощи командирам в боевом слаживании подразделений, частей и соединений после их отмотелизования и сколачивании штабов как органов управления. Выполнение нашей задачи облегчалось тем, что в обоих гарнизонах уже работали офицеры округа, с которыми мы объединили свои усилия сразу же по прибытии в дивизию.

Подчеркну, развертывание и подготовка войск велись почти открыто.

Вскоре были получены официальные указания. Их суть заключалась в том, что советские войска в соответствии с договором о дружбе с Афганистаном и по просьбе его правительства вводятся в страну для оказания помощи в борьбе с внешней агрессией. Никаких других целей не преследуется. Как только вмешательство извне прекратится, советские войска будут незамедлительно выведены из страны.

Эти разъяснения были восприняты личным составом с пониманием.

19 декабря 1979 года мне позвонил С. Ф. Ахромеев и сказал, что заболел и улетает в Москву. Он также сообщил, что акция против Амина, оказывается, не проводилась, но части афганской армии приведены в повышенную боевую готовность, а в Кабуле войска заняли все ключевые позиции. У меня сразу мелькнула мысль: если это соответствует действительности, то ввод наших войск в Афганистан означает войну. Вероятно, поэтому поступила команда на развертывание еще одной мотострелковой дивизии. Но для ведения войны все равно этих сил было недостаточно. На мой вопрос, достоверна ли данная информация, Сергей Федорович ответил, что она требует уточнения. У меня сложилось впечатление, что он тоже не получает достаточной информации из Москвы. Мне было поручено временно возглавить работу оперативной группы. Я вылетел в Термез, оставив старшим в гарнизоне полковника Л. К. Котляра.

Готовя войска к вводу в Афганистан, я не мог

найти ответа на вопрос — что же все-таки будет: ввод или вторжение?

На первый взгляд, никакого различия в содержании этих двух понятий нет. В действительности же разница между ними огромная. Вторжение — это вступление вооруженных сил одного государства на территорию другого без согласия его руководства. Естественно, вторгшиеся войска встречают не только вооруженное сопротивление другой стороны, но и ненависть народа. Обычно такие действия заканчиваются крупными военными конфликтами или войной. Ввод — это вступление войск одной страны на территорию другой с согласия или по просьбе ее правительства. Условия пребывания введенных войск в этом случае совершенно иные.

Неясность ситуации объяснялась тем, что не было окончательной, на официальном уровне договоренности между правительствами двух государств. Тем не менее я думал, что все-таки будет ввод или вообще наши войска останутся на месте. Ведь осуществлять вторжение силами двух-трех дивизий — абсурд. Правда, мог быть и третий вариант — когда объявят ввод, а фактически будет вторжение. Этот вариант был бы наиболее нежелательным и, я бы сказал, авантюрным и заведомо губительным.

В ходе работы мы убедились, что сроки готовности частей, указанные в мобилизационных планах, нереальны — чрезмерно занижены. Кроме того, отсутствие программы боевого слаживания ставило многих офицеров запаса в тупик, особенно командиров взводов.

Мы вынуждены были уже в ходе отмотелизования разрабатывать нужную программу, но в нашем распоряжении было слишком мало времени.

Все свои замечания и предложения, основанные на проведенном отмотелизовании, я доложил лично начальнику Генерального штаба Маршалу Советского Союза Н. В. Огаркову. Он меня внимательно выслушал и попросил все сказанное изложить письменно. В дальнейшем большинство наших предложений было учтено при переработке мобилизационных планов.

Вечером 23 декабря я в очередной раз докладывал начальнику Генерального штаба Н. В. Огаркову о готовности дивизий к маршу.

Маршал проинформировал меня о том, что ориентировочно ввод наших войск намечается начать во второй половине дня 25 декабря. Предусматривается ввести 108-ю мотострелковую дивизию, а от 5-й мотострелковой дивизии только разведывательную группу. Штаб армии оставить на месте. В состав 40-й армии пока включить 5-ю и 108-ю мотострелковые дивизии и 860-й отдельный полк Среднеазиатского военного округа, который начинает выдвижение завтра. 56-я отдельная десантно-штурмовая бригада пока остается в распоряжении округа. Задача будет поставлена ориентировочно завтра во второй половине дня.

Крепость в Герате. В средней башне находился командный пункт 5-й мотострелковой дивизии.

В течение следующего дня мы еще раз проверили подготовку 108-й мотострелковой дивизии к маршу. Совершенно не ко времени пришел приказ о смене командира дивизии. Я предложил генералу Ю. П. Максимова, чтобы генерал К. А. Кузьмин вел дивизию в назначенный ей район, а потом сдал ее новому командиру — полковнику В. И. Миронову. Юрий Павлович согласился со мной.

Во второй половине 24 декабря позвонил генерал армии В. И. Варенников (бывший в то время начальником Главного оперативного управления Генерального штаба) и передал, что сегодня в Термез прибудет начальник оперативного управления Генерального штаба афганской армии с группой офицеров. Цель его приезда — проведение совместной рекогносцировки для уточнения районов размещения советских войск на территории Афганистана. Встреча и ведение переговоров с делегацией возлагались на командующего 40-й армией. Мне не рекомендовалось встречаться с ней. Чем была вызвана такая секретность, я не знал.

Прибытие военной афганской делегации вселяло уверенность, что договоренность о вводе наших войск в Афганистан достигнута. По прошлым встречам я знал начальника оперативного управления Генерального штаба афганской армии генерал-лейтенанта Бабаджана, который занял этот пост, перейдя на сторону революции. Со своими обязанностями он справлялся с трудом и деловых качеств не проявил. Вел себя очень осторожно. Со всеми рекомендациями наших советников безоговорочно соглашался, но не принимал никаких мер для их реализации, находя каждый раз десятки отговорок.

Поэтому приезд Бабаджана ни в коей мере не означал его собственной инициативы. Он мог приехать только с разрешения начальника Генерального штаба майора Якуба, безгранично преданного Амину.

Именно такая ситуация убеждала меня в том, что договоренность о вводе, я подчеркиваю — вводе наших войск в Афганистан между правительствами обеих стран достигнута.

В 2 часа 25 декабря я докладывал Маршалу Советского Союза Н. В. Огаркову по аппарату ВЧ:

— 108-я мотострелковая дивизия к маршу готова. Ожидаем получения задачи и время начала движения. Прошу учесть, что для наводки моста нам потребуется 6-7 часов. С военной делегацией афганской армии мы все вопросы решили.

— Сейчас готовится директива, которая после подписания ее министром обороны Д. Ф. Устиновым будет направлена в округ, — сообщил Н. В. Огарков. — Для вашей ориентировки передаю ее краткое содержание. Внутриполитическая обстановка в Афганистане сложная и имеет тенденцию к обострению. По просьбе правительства страны наши войска

На пункте управления боевыми действиями в провинции Вардак. Июль 1980 года.

вводятся в Афганистан для стабилизации положения, освобождения афганской армии от охранных функций и переключения ее на борьбу с контрреволюцией.

Вводимая группировка войск включает 40-ю армию (108-я и 5-я мотострелковые дивизии, 860-й отдельный мотострелковый полк, 56-я отдельная десантно-штурмовая бригада, 353-я армейская артиллерийская и 2-я зенитно-ракетная бригады; 103-я воздушно-десантная дивизия и 345-й отдельный парашютно-десантный полк; 34-й смешанный авиационный корпус). Кроме того, в качестве резерва будут выдвинуты после отмотобилизования на кабульское направление 201-я мотострелковая дивизия из САВО, а на кушкинское направление — 68-я мотострелковая дивизия из ТуркВО. (Вскоре после ввода армейская артиллерийская и зенитно-ракетная бригады, а также отдельные ракетные дивизионы двух мотострелковых дивизий были выведены из Афганистана.)

Одновременно с началом выдвижения 108-й мотострелковой дивизии высаживаются на аэродромы: Баграм — 3-й батальон 345-го отдельного воздушно-десантного полка; Кабул — 103-я воздушно-десантная дивизия под командованием генерал-майора И. Рябченко. Авиация пока остается на месте.

С этой информацией сразу были ознакомлены командарм, комдив, что позволило без спешки завершить погрузку всего имущества на автотранспорт, еще раз уточнить расчет марша и маршрут движения, поставить задачи

всему личному составу и разъяснить цели нашего ввода, а также заблаговременно построить походные колонны.

Утром 25 декабря позвонил Н. В. Огарков и сообщил, что переход государственной границы установлен в 15 часов по московскому времени (по местному 17 часов).

Командарм Ю. В. Тухаринов в это время проводил рекогносцировку вместе с афганской делегацией. Я был у командующего округом, когда он вернулся и докладывал.

— Прилетев в Кундуз, мы сразу отправились к Абдулле Амину — старшему брату главы государства, отвечающему за северные провинции Афганистана. Когда мы вошли, он сидел за столом. Не встал и даже не поздоровался. Жестом указал на диван. Разговор шел о размещении наших войск. Он был осведомлен об их предполагаемом вводе в Афганистан и размещении на севере страны. Абдулла назвал несколько мест, которые при моем осмотре оказались непригодными для размещения. Прошу вас, товарищ командующий, разрешить нам становиться своим лагерем, предварительно согласовав этот вопрос с местными властями.

После некоторого раздумья Ю. П. Максимов дал такое разрешение.

В назначенное время передовой отряд 108-й мотострелковой дивизии и передовой эшелон 103-й воздушно-десантной дивизии пересекли государственную границу с Афганистаном на земле и в воздухе.

Всю ночь с 25 на 26 декабря 1979 года мы следили за движением дивизии. Утром 26 декабря полковник Б. Я. Рогонцев, который двигался со штабом дивизии, доложил, что два полка вышли в указанные районы с опережением расчетного времени на 1,5-2 часа. Марш проходил нормально. Многие жители вышли навстречу нашим колоннам. Когда они останавливались, мужчины и мальчики подходили к машинам, проявляя определенный интерес и дружелюбие. Да, так было. Другое дело, что в дальнейшем ситуация изменилась. Но при вводе наших войск были доброжелательность и радушие определенной части народа. Далее полковник Рогонцев сообщил, что шоссе на дороге, обозначенной на карте на участке Ташкурган-Кундуз, нет. Она еще даже не начала строиться, и вместо нее сплошные песчаные барханы. Поэтому части, которые должны были размещаться в городе Кундузе, пошли в обход по маршруту длиной 120-150 километров.

Доложив обстановку в Москву, я выехал на аэродром, где встретил прилетевшего из столицы С. Л. Соколова. Он рассказал, что в руководстве Министерства обороны много дебатов по поводу ввода наших войск. Мнения были и «за», и «против». Когда было принято окончательное решение, то на Соколова возложили руководство этой операцией.

На следующий день обстановка в Кабуле

резко изменилась. Начался так называемый «второй этап» Апрельской революции, который ознаменовался тем, что бывший глава государства Амин был убит. Главой государства, премьер-министром, генеральным секретарем ЦК НДПА и верховным главнокомандующим стал Бабрак Кармаль.

Для стабилизации обстановки в столице туда в 19 часов 30 минут выступила 108-я мотострелковая дивизия, а 5-я мотострелковая дивизия получила задачу в 1 час 00 минут 28 декабря 1979 года пересечь государственную границу и двигаться в направлении Кушка, Герат, Шинданд.

Второй суточный переход был гораздо труднее первого. Это объяснялось не только наличием на маршруте горного перевала Саланг, но и отсутствием карт у командиров взводов. Особенно опасным был участок дороги протяженностью около 100 км через перевал. Ночью дорога обледенела. На подъеме буксовала колесная техника, а на спуске гусеничные машины шли юзом.

Вентиляция в тоннеле была рассчитана на прохождение его одиночными машинами, а здесь шли сплошные колонны бронетанковой техники с дизельными двигателями. Из-за большой загазованности водители были вынуждены надеть противогазы, и тем не менее к назначенному сроку дивизия вошла в Кабул.

Управление двумя дивизиями и другими частями, вошедшими в Афганистан, полностью взяла на себя оперативная группа штаба 40-й армии. Что собой представляет «второй этап» революции, каково ее содержание, направленность, никто ответить не мог. Средства массовой информации быстро подхватили эту терминологию и шумели о ней, на раскрывая ее сути. Вскоре о «втором этапе» Апрельской революции перестали говорить и писать так же внезапно, как и начали.

После отправки 108-й и 5-й мотострелковых дивизий и передачи управления ими и другими частями, вошедшими в Афганистан, оперативной группе 40-й армии наша группа свои усилия сосредоточила на боевом слаживании 201-й и 68-й мотострелковых дивизий, которые завершили автомобилизацию и подтянулись к государственной границе.

4 января 1980 года наша группа в количестве 18 человек во главе с маршалом С. Л. Соколовым прилетела в Кабул. Здесь была настоящая русская зима: яркое солнце, много снега и мороз — 15-20 градусов.

На аэродроме нас встречали новый посол Ф. А. Табеев, министр обороны Афганистана подполковник Мухамед Рафи, член президиума Революционного совета Абдул Кадыр, новый главный военный советник генерал-полковник С. К. Магомедов и другие официальные лица.

Прямо с аэродрома мы поехали в посольство. Ф. А. Табеев, бывший первый секретарь обкома Татарской АССР, приехал в Афгани-

стан недавно, а поэтому обстановкой еще полностью не владел, но оценивал ее как сложную и острую. Посол отмечал, что новое руководство страны находится в стадии становления и нуждается в помощи, хотя уже и предпринимает попытки ущемить права членов НДПА фракции Хальк. Такое заявление настораживало. Не начнется ли обратный процесс, когда фракция Парчам, находясь у власти, будет в привилегированном положении, а против фракции Хальк начнутся гонения?

Все высказывания посла и особенно его выводы носили категоричный характер. Чувствовалось, что говорит человек, привыкший повелевать. До назначения послом Табеев пользовался репутацией высокопоставленного кадрового партийного работника, обладавшего в республике огромной властью, привыкшего к беспрекословному выполнению его указаний. Он внутренне был убежден, что успешно справится с новыми обязанностями.

Словом, и в Афганистане Табеев продолжал себя чувствовать больше секретарем обкома, чем послом.

В этот же день С. Л. Соколов, посол и я были приняты Б. Кармалем. Встретил он нас очень приветливо.

Подойдя к С. Л. Соколову, заинтересовался его самочувствием, выразил удовлетворение нашим приездом и предложил всем сесть. В обращении был весьма любезен, но чувствовалась некоторая настороженность. Беседа носила общий, я бы даже сказал, ознакомительный характер.

Б. Кармаль говорил в основном о тех трудностях, с которыми он встретился, вступив на пост главы государства, и о том, какую помощь желательно было бы получить от нашей страны. По всему было видно, что новый глава государства не обрел еще уверенности и только знакомится с теми многочисленными обязанностями, которые возложены на него.

Сергей Леонидович — дипломат от Бога — очень умело вел беседу, направляя ее в нужное русло. Он неоднократно подчеркивал, что наши войска введены в Афганистан, чтобы морально поддержать руководство страны и оказать психологическое воздействие на антиправительственные силы. Войска могут взять под свою охрану важнейшие государственные объекты и высвободить афганскую армию для борьбы с мятежниками, за укрепление народной власти. При необходимости они готовы оказать помощь афганским подразделениям и частям в обучении личного состава и подготовке к боевым действиям. Что же касается обеспечения афганской армии вооружением, боевой техникой и военным имуществом, то этот вопрос следует решать на правительственном уровне.

Вечером мы беседовали с генералами и офицерами аппарата главного военного советника. Полученные от них данные свидетельствовали, что новое руководство ДРА в

принципе признано офицерским корпусом афганской армии, хотя оно еще и не контролирует обстановку в стране. После ввода наших войск отмечается активизация действий сил контрреволюции в ряде районов и особенно на северо-востоке страны. Уже имели место случаи нападения на наши одиночные автомашины, появились первые раненые и убитые. Произошли антиправительственные выступления в Кандагаре. Многие командиры корпусов, дивизий, бригад и полков, которые являлись членами НДПА фракции Хальк, заменены офицерами, состоявшими в фракции Парчам. Такая акция вызвала брожение в среде офицеров от фракции Хальк, так как порождала у них неуверенность в будущем и как следствие — инертность и безразличие к своим служебным обязанностям.

В армии начали широко распространяться различные панические слухи, и им многие верили, ибо официальные опровержения в войска не поступали. Моральный дух личного состава значительно снизился, а воспитательная работа запущена.

Информация была неутешительная. С. Л. Соколов подчеркнул, что советники, находящиеся в войсках, по сути работают в боевых условиях. Это требует от них большого мужества. Велика их заслуга в том, что они не допустили конфликтов между афганскими и советскими войсками при вводе последних в страну.

В конце своего выступления Сергей Леонидович отметил:

— Хочу обратить особое внимание на недопустимость вовлечения советских войск в вооруженную борьбу с мятежниками, их функции совершенно иные, о них я уже вам говорил.

Утром следующего дня состоялась наша встреча с министром обороны Афганистана. Подполковник Мухамед Рафи своим внешним видом как бы демонстрировал независимость и вместе с тем скромность.

С. Л. Соколов проинформировал его о проделанной нами работе и планах на два ближайших дня, а также дал оценку положения дел в армии и высказал пожелания для их улучшения.

Надо сказать, по опыту прежней работы и уровню военных знаний М. Рафи не был готов к должности министра обороны. Кроме того, как личность он не выделялся в офицерской среде. Его не знали, и ему трудно было рассчитывать на поддержку офицерского корпуса. Но нужно отдать должное: Рафи не переоценивал свои силы и не строил иллюзий. Он так и не смог освоить новые для него обязанности и в конце года, под предлогом направления на учебу в советскую военную академию, был освобожден от должности.

В ходе нашей встречи министр мало говорил, больше слушал, а в заключение сказал:

— Опыт Советской Армии для нас служит образцом того, как нужно защищать свою родину. Без вашей помощи нам будет трудно

решить эту задачу в короткие сроки. Я возлагаю большие надежды на советских военных советников. Они очень добросовестны, и мы высоко ценим их работу. Я прошу оказать мне лично посильную помощь в освоении как можно скорее новых для меня обязанностей. Все высказанные вами рекомендации мы принимаем с благодарностью.

Сразу же после этой встречи мы вылетели в Кандагар, а в последующие дни — в Багра, Герат и Шинданд, где побывали в трех афганских пехотных дивизиях и частях 5-й мотострелковой дивизии под командованием генерала Ю. В. Шаталина.

Перед нами предстала неприглядная картина. Афганских дивизий как единого целого практически не существовало.

Подразделения находились на значительном расстоянии друг от друга и не имели связи не только между собой, но и со штабами своих частей.

Не лучше выглядели и местные органы власти. Не имея связи с провинциальными центрами и столицей, они были предоставлены сами себе. Телефонная связь была разрушена мятежниками почти по всей стране. Население получало информацию о положении в республике из уст духовенства, которое в своем большинстве находилось в оппозиции к революционным преобразованиям.

Особенно удручающее впечатление осталось от посещения 20-й афганской пехотной дивизии в Баграме. 4-й артиллерийский полк, пехотный батальон 10-го пехотного полка и два батальона 31-го пехотного полка перешли на сторону мятежников в знак протеста против ввода наших войск. В 31-м пехотном полку осталось всего 60 офицеров из 130 и около 100 из 1300 солдат. Боеспособность сохранял только 24-й пехотный полк, расположенный в Файзабаде на удалении 200-250 км от штаба дивизии.

По нашему заключению, дивизия как боевая единица перестала существовать.

Во время первого посещения Афганистана мне приходилось бывать в этих гарнизонах. Сравнивая положение, которое было 2-3 месяца тому назад, с нынешним, я отметил резкое ухудшение. Среди офицеров царил растерянность. Одной из причин упаднических настроений была повсеместная замена командиров старшего звена зачастую неподготовленными кадрами, но зато сторонниками Б. Кармала. Распространившиеся среди личного состава апатия и инертность еще больше усиливались всевозможными паническими слухами. Было очевидно: необходима борьба не только с мятежниками, но и главным образом — с деморализацией армии.

Конечно, такая обстановка не могла не вызвать беспокойности у С. Л. Соколова, и он считал необходимым вновь поделиться своими соображениями с министром обороны М. Рафи. Встреча состоялась сразу же по возвращении нашей группы в Кабул. Сергей Леонидович ознакомил министра со своей оценкой армейских дел, после чего сказал:

— Существующее положение в армии не следует оценивать как безнадежное. У государства достаточно сил, чтобы противостоять мятежникам. Главная задача министерства сейчас, на мой взгляд, укрепление порядка и организованности в армии и обеспечение безоговорочной поддержки ею нового руководства страны.

Мы считаем, что настало время активизировать вооруженную борьбу армии с мятежниками. Ведь сидя в гаонизонах, контрреволюцию проводить нельзя.

— Товарищ маршал, — обратился М. Рафи к С. Л. Соколову, — хочу сразу же воспользоваться вашей любезностью и прошу выделить из состава советских войск небольшие силы, чтобы вместе с афганскими подразделениями отбить у мятежников артиллерийские склады 20-й пехотной дивизии. Они расположены в населенном пункте Нахрин, где дислоцировался артиллерийский полк, перешедший на сторону врага.

— Мы поможем вам, — ответил С. Л. Соколов, — выделим для совместных действий одно-два подразделения советских войск. Но возвращение артиллерийских складов я считаю только частью задачи. Ведь не все подразделения артиллерийского полка перешли на сторону мятежников. Нужно, опираясь на оставшиеся верными революции подразделения, восстановить его боеспособность. Кроме того, вероятно, потребуется ваша помощь для восстановления местных органов власти. Кстати, в дальнейшем обстановка в стране может потребовать от нас в ряде случаев совместных действий. К этому нужно готовиться. Будьте правильно, если уже сейчас мы предпримем совместные шаги для установления дружеских отношений между личным составом наших армий.

В последующем мы не раз встречались с министром обороны Афганистана для решения самых разнообразных вопросов и всегда с его стороны было полное понимание существующих проблем.

*Генерал-полковник в отставке
В. А. МЕРИМСКИЙ*

Фото из архива автора

(Продолжение следует)

ИНТРИГИ

*Генерал-полковник
в отставке
И. С. ГЛЕБОВ*

В ГЕНЕРАЛЬНОМ ШТАБЕ

Не прошло и трех месяцев после окончания Великой Отечественной войны, как я оказался на службе в Оперативном управлении Генерального штаба. Я смог убедиться, что Генштаб — хорошо слаженная организация, имеющая в своем составе квалифицированных специалистов военного дела, способных твердо и четко управлять вооруженными силами. Бросалось в глаза хорошо отлаженное взаимодействие между управлениями. Во всем чувствовалось присутствие традиций, заложенных такими военачальниками, как А. И. Егоров¹, Б. М. Шапошников², А. М. Василевский³ и А. И. Антонов⁴. Последний в это время продолжал успешно возглавлять Генеральный штаб. Заметен был в деятельности коллектива стиль генералов и офицеров, окончивших Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР имени К. Е. Ворошилова⁵. Было приятно приобщиться к делам, которыми занимались люди, умудренные опытом руководства войсками в годы Великой Отечественной войны, применить свои знания и опыт, приобретенные на фронте. И все же работать довелось в то время, когда всевластие политического сыска, подозрительности и страха в полном объеме распространялось и на Вооруженные Силы.

Как только я пришел на работу в Генштаб, нашлись доброжелатели, которые советовали мне воздерживаться от критических замечаний в адрес руководства. Это не значит, что в Генштабе работали молчуны и бездумные исполнители, а недостатки не устранялись. Напротив, сложился определенный стиль, который позволял работать творчески. Дружеские советы дали мне генерал-лейтенант Н. А. Ломов, который, как

и я, был заместителем начальника оперативного управления, и многие другие. Они обратили мое внимание на то, что среди сотрудников Генштаба есть много осведомителей ведомства безопасности. По этой причине я старался воздерживаться от критических замечаний, особенно по вопросам, непосредственно не связанным с моей работой.

От начальника Оперативного управления С. М. Штеменко⁶ я получил указание организовать командно-штабные занятия с генералами и офицерами. Через два дня доложил ему свои соображения, предложив сначала дать для решения начальникам направлений и отделов контрольную задачу в соответствии с новым Боевым уставом, чтобы получить более полное представление о профессиональной подготовке подчиненных. Предложение получило одобрение. Примерно через неделю задачу решили все, а еще через три дня я сделал общий разбор, в котором отметил индивидуальные, а также общие, характерные для всех недостатки. Указал, в частности, на нечеткую, а порой и неправильную оценку противника, недостаточное знание опыта минувшей войны. Когда я пришел к С. М. Штеменко, то, как ни странно, тот уже знал о моих выводах и сказал раздраженно: «Не думайте, что только вы усвоили опыт войны: в Генеральном штабе также этот опыт изучали и используют». И порекомендовал мне больше советоваться с ним, особенно перед тем, как давать оценку начальникам направлений и отделов.

Позже я убедился, что, оценивая работу подчиненных, С. М. Штеменко широко практиковал наушничанье. Это подтвердил и Н. А. Ломов, человек исключительно че-

стный и порядочный. Он предупредил: «От них [осведомителей] мы не зависим, но опасаться подвохов надо». Того же мнения придерживался и начальник направления генерал-майор С. М. Енюков. Жизнь ставила перед выбором — либо бороться с мещанскими пороками, либо слушать доброжелательные советы сослуживцев, либо при первой возможности уйти работать в войска. Но скоро мрачные настроения улетучились в процессе напряженной работы.

В середине октября 1945 года А. И. Антонов после доклада И. В. Сталину поставил задачу: в 1946 году развернуть оперативную подготовку войск, для чего к 30 октября подготовить соответствующую директиву. В основу оперативной подготовки следовало положить обобщенный опыт войны с учетом перевооружения армии и флота. Трудности были невероятные. Значительный объем теоретической работы требовал глубокого знания состояния дел в войсках, специфических проблем военнотехнической политики. К тому же нельзя было разрабатывать тематику и содержание оперативной подготовки без четкого плана использования оперативных объединений...

Возникали вопросы, но на них ни А. И. Антонов, ни С. М. Штеменко ответов не давали. А Штеменко еще и упрекнул меня в том, что я создаю дополнительные трудности в выполнении задач по организации оперативной подготовки. Правда, помог А. И. Антонов — он дал указание определять тематику для оперативных объединений исходя из обстановки на их стратегических направлениях. Выработанные нами соображения обсудили и предварительно доложили И. В. Сталину. Во время беседы у А. И. Антонова с глазу на глаз он разрешил мне по сложным вопросам обращаться к нему лично.

Для работы над проектом директивы по оперативной подготовке я привлек всех подчиненных мне начальников направлений и отделов, а также представителей главных штабов. Материал был готов к 25 октября 1945 года. Его просмотрели Штеменко и Антонов. Первый внес лишь одну поправку. (Мы записали, что в войну фронты вели наступление на глубину 600 км, к примеру 1-й и 2-й Белорусские, а С. Штеменко без всяких на то оснований исправил — на глубину 500 км.) Генерал армии А. И. Антонов сам тщательно отредактировал проект директивы и готов был утвердить его, но усомнился, нужно ли военным округам, флотам, воздушным ар-

миям проводить два учебных сбора в год. В конце концов решил оставить текст без изменений.

30 октября я убыл в командировку в Группу советских оккупационных войск в Германии. По указанию И. В. Сталина подготовленный документ был отдан маршалу Г. К. Жукову⁷ для согласования. Георгий Константинович высказал свои замечания. Однако самое принципиальное из них — «учить войска производить оперативный отход» — в директиву не включили. После победоносной войны дух наступления глубоко укоренился в психологии и мышлении нашего политического и военного руководства. Печальный опыт начального периода Великой Отечественной войны не пошел впрок.

Вспоминается и другой «яркий» эпизод. Еще в первые дни моего пребывания в Генштабе А. И. Антонов дважды поручал мне тщательно ознакомиться с проектом Положения о Министерстве Вооруженных Сил СССР⁸, учредить которое намечалось в начале 1946 года. Но так получилось, что я не мог получить свободного экземпляра. И вот после согласования директивы А. И. Антонов вновь обязал меня представить свои замечания по Положению в недельный срок. Однако и на этот раз в оргбуправлении не нашлось свободного экземпляра Положения. Мой однокашник по академии Генштаба генерал А. В. Голубев разъяснил мне, что фактически разработкой документа занимается С. М. Штеменко и я скорее всего могу «попытать счастья» в его кабинете. И действительно, в тот же день я получил требовавшийся мне материал. Причем С. М. Штеменко предупредил, что Положение составлено исходя из того, что возглавлять министерство будет И. В. Сталин⁹.

При изучении проекта Положения у меня возник вопрос, почему на командующего артиллерией Сухопутных войск возлагается обязанность оснащения вооружением не только Сухопутных войск, но и всех видов Вооруженных Сил. Так же непонятно было возложение аналогичных обязанностей на начальника связи Сухопутных войск и начальника инженерных войск. Доложил об этом С. М. Штеменко. Он грубо оборвал меня, напомнив, что министром Вооруженных Сил будет И. В. Сталин и, значит, так надо.

Тем не менее я продолжал настаивать на нецелесообразности такой организации. Но С. М. Штеменко вновь обвинил меня в

непонимании простых жизненных истин. После колебаний я решил доложить о своих соображениях А. И. Антонову. Он спокойно выслушал меня и заметил, что ему все известно и на Высшем военном совете¹⁰ эти вопросы будут решены.

Надо заметить, что Положение о Министерстве Вооруженных Сил в дальнейшем претерпело изменения. Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов¹¹ обратился к И. В. Сталину с письмом, в котором просил подчинить его министру Вооруженных Сил, поскольку на командующего артиллерией Вооруженных Сил СССР возложено развитие и оснащение вооружением всех видов и родов Сухопутных войск. И. В. Сталин дал согласие. По такого же рода мотивам представили доклады начальник войск связи И. Т. Пересыпкин¹² и начальник инженерных войск М. П. Воробьев¹³. Эти просьбы также были удовлетворены. В результате в подчинении у главного командующего Сухопутными войсками Г. К. Жукова остались начальник управления боевой подготовки, начальник химических войск и уставной отдел.

Хорошо помню, что когда из Германии весной 1946 года приехал маршал Г. К. Жуков, то первое, что его возмутило, это Положение о Министерстве Вооруженных Сил. Он прямо заявил, что это нежизненная затея и он не может согласиться с Положением. Откровенность и смелость Г. К. Жукова послужили поводом для того, чтобы приписать знаменитому военачальнику не свойственные ему ошибки и взгляды. Тогда-то я вспомнил совещание командующих фронтами, флотами, армиями после Парада Победы, на котором Сталин цинично прокомментировал известные крылатые слова о том, что победителей не судят. Вскоре последовала расправа над Г. К. Жуковым*. Затем были преданы суду главнокомандующий ВВС главный маршал авиации А. А. Новиков¹⁴, министр ВМФ адмирал флота Н. Г. Кузнецов**, снят с должности главнокомандующий ПВО генерал-полковник М. С. Громадин¹⁵. При этом пострадали несколько десятков генералов и адмиралов, непосредственно работавших с Жуковым, Кузнецовым, Новиковым и Громадиным. Выходило, что единственным руководителем и победителем в прошедшей войне был И. В. Сталин.

Г. К. Жуков был назначен командующим войсками Одесского военного округа,

а главнокомандующим Сухопутных войск и первым заместителем министра Вооруженных Сил стал маршал И. С. Конев¹⁶. В этой связи Положение о Министерстве Вооруженных Сил было доработано. Все надуманные и нежизненные разделы о главкомах и командующих родами войск были отменены. В то же время в Генеральном штабе было создано новое управление для связи с армиями стран народной демократии. Возглавил его генерал-лейтенант М. И. Дратвин. Я лично знал его по совместной работе в Военной академии Генштаба до войны, а в 1944-1945 гг. он был у нас в 48-й армии представителем Ставки.

М. И. Дратвин был эрудированным и опытным работником, хорошим организатором и исполнителем. Одно время он являлся начальником Управления делами Наркомата обороны.

И вот как-то заходит ко мне возбужденный Дратвин и спрашивает: «Как вы работаете со Штеменко?» Я ему ответил, что, мол, трудно, грубит часто. А он мне в ответ: «Я с ним работать не могу!» Через несколько дней после еще одного «крупного» разговора со Штеменко генерал Дратвин скончался от инфаркта. Оказывается, Штеменко вызывал Дратвина, чтобы объявить о том, что вместо него будет назначен другой человек. Но этот «другой» — генерал С. — успел войти в доверие к Молотову и получить назначение послом в Данию. Ну а М. И. Дратвину «придворные» интриги стоили жизни.

Кончался 1945 год, а директива по оперативной подготовке на 1946-й все еще находилась у И. В. Сталина. Следует сказать, что перед тем, как докладывать ее первому лицу в государстве, с Дальнего Востока приехал Маршал Советского Союза А. М. Василевский, назначенный первым заместителем министра Вооруженных Сил. Он почти неделю безотрывно занимался проектом директивы по оперативной подготовке. Василевский внес в готовящийся документ много ценных мыслей, явившихся плодом богатейшего опыта, накопленного в Великую Отечественную войну. Он уточнил тематику оперативных учений, где четко просматривались требования по отработке взаимодействия между оперативными объединениями. По его указанию была дополнительно разработана краткая программа командирской и штабной подготовки. Лишь после этого А. И. Антонов доложил директиву И. В. Сталину. Но, видимо, последнему со-

* См.: Воен.-истор. журнал. 1993. № 5. С. 27.

** См. там же. 1992. № 12; 1993. № 1-4, 6, 7, 10.

держание документа не очень понравилось. И как следствие — мой первый послевоенный отпуск «повис в воздухе». Выручил А. М. Василевский. Он дал указание в 22.00 31 декабря 1945 года отпустить меня на отдых. При этом заметил: «Если что-либо не доделано в директиве, это вина наша, руководителей, а не Глебова».

Между тем в 1946 году намечалось проведение Генштабом первого сбора командующих и начальников штабов с целью ознакомления с новым комплектом стрелкового, танкового и авиационного вооружения, новой организацией стрелковой дивизии, уточнения некоторых вопросов по оперативной подготовке и новому Полевому уставу. Кроме сбора планировались армейское командно-штабное двустороннее учение в Киевском военном округе и фронтовое командно-штабное учение в Закавказском военном округе с привлечением управлений Черноморского флота и Каспийской флотилии. Одновременно продолжалось обобщение опыта второй мировой войны по тематике плановых учений.

Генштаб разработал также план оперативных мероприятий в военных округах, на флотах, в армиях с участием руководящего состава из Министерства Вооруженных Сил. Отдельно по плану Генштаба осуществлялся контроль за мероприятиями по оперативной подготовке в других военных округах, на флотах, в армиях, военных академиях и институтах. Первая осечка произошла в вопросе привлечения стрелкового корпуса новой организационной структуры на оперативное учение в Киевском военном округе. Новый главнокомандующий Сухопутными войсками И. С. Конев категорически отрицал целесообразность участия стрелкового корпуса в учении по двум причинам: первая — он не подготовлен в тактическом отношении и вторая — местность, где должно проводиться армейское учение, не позволяет осуществить полное боевое развертывание войск и может дискредитировать саму идею новой организационной структуры. После короткого совещания у первого заместителя министра Вооруженных Сил Н. А. Булганина было принято решение оперативное учение в Киевском военном округе проводить без привлечения войск. Но тогда, как мне сообщили, проявилась амбиция И. С. Конева: «Мы еще сами не проводили таких учений, а Генштаб хочет делать это за нас».

Оперативное учение было своевременно

подготовлено, и штаб КВО во главе с генерал-майором Г. А. Тер-Гаспаряном¹⁷ на учении показал достаточную подготовленность и умение в управлении войсками. Зато командующий Киевским округом генерал-полковник А. А. Гречко¹⁸ действовал неуверенно, неумело. Это было отмечено в подготовленном мной заместителем генералом К. Ф. Скоробогаткиным разборе. Но руководитель учения С. М. Штеменко грубо потребовал разбор переделывать: ошибки в управлении войсками приписать Г. А. Тер-Гаспаряну, а А. А. Гречко дать положительную оценку. Наши доводы и возражения вызвали раздражение и негативную реакцию Штеменко. Пришлось ночью переделывать доклады. Я выступил с разбором общего хода учения и оценкой деятельности штаба округа. Оценку же действий руководителей КВО из официального итогового документа пришлось исключить. В докладе С. М. Штеменко как руководителя учения фактически излагались требования к деятельности командующего, ошибки же самого Гречко были представлены как недостатки Тер-Гаспаряна. Эта интрига нужна была и для Гречко, и для Штеменко, который с помощью первого был принят Н. С. Хрущевым, тогда Первым секретарем ЦК Компартии Украины. А незадолго до пострадавший боевой и безудержно храбрый генерал Тер-Гаспарян перенес несколько инфарктов и через некоторое время скончался.

В 1947 году в связи с успехами национально-освободительных сил в Китае было намечено провести крупное оперативное учение с тем, чтобы помочь китайскому народу покончить с властью Чан Кайши¹⁹. Руководителем учения намечался первый заместитель начальника Генштаба А. И. Антонов, а я — начальником штаба руководства. И вот, когда до отъезда на учение оставалась неделя, Сталин заявил Антонову, что он потребуется здесь, и приказал подобрать другого руководителя учения. Тотчас С. М. Штеменко собрал у себя все материалы и усердно стал их изучать, давая понять, что руководителем будет он. Однако за два дня до отъезда Сталин назначил руководителем учения Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского²⁰. И тогда А. И. Антонов дал мне указание связаться с Малиновским, вылететь в Хабаровск со всеми материалами по учению и ознакомить его с ними до прибытия штаба. Но Р. Я. Малиновский заявил мне по теле-

фону, что разработка на учение утверждена И. Сталиным, и все участники должны прибыть вместе со штабом руководства. И попросил меня по приезде на Дальний Восток кратко ознакомить его с темой, целью, планом и другими документами.

Штеменко, как только узнал об этом, дал мне указание забрать все материалы, находившиеся у него, и заняться подготовкой к отъезду. Ни одного указания по учению мне не дал и со мною до отъезда не встречался. Лишь перед отъездом он сказал, что Сталин поставил вопрос: «Почему Антонов был начальником Генштаба, награжден маршалским орденом «Победа» и не является маршалом?» — и велел ему, Штеменко, переговорить со всеми маршалами и выяснить у них, достоин ли А. И. Антонов присвоения указанного звания. Впоследствии я узнал от Штеменко, что все маршалы, за исключением И. С. Конева, единодушно высказались за присвоение А. И. Антонову звания Маршал Советского Союза. Лишь И. С. Конев ответил вопросом на вопрос: «А фронтом он командовал?» Поэтому и не было принято никакого решения. Выслушав это, я, немного подумав, заметил: «А почему он не спросил И. С. Конева, а был ли он начальником Генштаба?» Штеменко грубо оборвал меня: «Что еще есть у вас для доклада?» Больше к этому вопросу он не возвращался.

В 1950 году Министерство Вооруженных Сил было разделено на Военное министерство СССР, которое после Н. А. Булганина²¹ возглавил Маршал Советского Союза А. М. Василевский, и Военно-морское министерство СССР. Как-то С. М. Штеменко, будучи уже начальником Генерального штаба, собрал совещание начальников управлений и поставил вопрос: «Какие представления Генерального штаба, в том числе по важным вопросам Вооруженных Сил, направляемые в Совет Министров, не получают разрешения и на какие Совмин не отвечает?» Он приказал начальникам управлений доложить ему об этом. Требовалось и мое участие. Я одним из первых доложил, что у меня в управлении указанных проблем нет, и попросил освободить меня от заседания. С. М. Штеменко упрекнул меня в том, что я не интересуюсь положением дел в Генштабе. Я не принял этого упрека и доложил, какие конкретно вопросы мне надо решить в ближайшие часы. Штеменко с укором разрешил уйти.

В итоге совещания, как мне стало известно, Н. А. Ломову было поручено подго-

товить И. В. Сталину, а также в Совет Министров перечень предложений, на которые не получены ответы и по которым не приняты необходимые меры.

Через некоторое время я узнал, что представление разномножено и разослано всем членам Политбюро, главнокомандующему министру и военно-морскому министру, а также другим лицам, ответственным за военные поставки и выполнение общих задач. После заседания Политбюро и Совета Министров военный министр А. М. Василевский собрал всех начальников управлений и сделал сообщение. Он представил нового начальника Генерального штаба — Маршала Советского Союза В. Д. Соколовского²². Заседание Политбюро, по мнению А. М. Василевского, проходило очень интересно. Во-первых, оно было расширенным. Во-вторых, необычным был порядок на нем. Вначале слово было предоставлено Н. А. Булганину, как первому зампредсовмина, ведающему военными вопросами. Он сгруппировал все (примерно 80) вопросы в пять блоков и в течение полутора часов докладывал их содержание. В ходе доклада Н. А. Булганин не раз обращался к маршалу А. М. Василевскому и другим, спрашивая: «Так это?» Обсуждать перечисленные вопросы на заседании Политбюро не стали, единогласно решив: «Все ясно». Тогда-то И. В. Сталин и попросил внести предложение: «Видимо, Штеменко еще молод и не совсем освоил все направления работы Генштаба. Целесообразно освободить его от должности начальника и дать возможность поработать ближе к войскам, назначив начальником штаба ГСВГ. Так же следует поступить и с Ломовым. Послать его на Дальний Восток на должность начальника штаба Главкома войск Дальнего Востока». Затем было объявлено постановление о назначении начальником Генерального штаба маршала В. Д. Соколовского.

В чем же смысл этой истории? Берия²³, вероятно, не поладил с Булганиным и использовал в своих целях Штеменко, с которым всегда поддерживал тесные отношения. Сталин это прекрасно понял и поспешил укрепить руководство Генштаба.

Как свидетельствовал генерал В. Ф. Мернов, которого Штеменко взял к себе в штаб ГСВГ начальником оперативного управления, Берия почти каждый вечер звонил Штеменко, успокаивал его и твердо обещал, что он возвратится в Генеральный штаб. И действительно, в июне 1952 года С. М. Штеменко вернулся, но на должность

первого заместителя начальника Генштаба. Однако в начале 1953 года Сталин умер и всесильный Берия потерял влияние в Политбюро. Более того, стало ясно, что он был правой рукой И. В. Сталина. Берия обвинялся в деятельности, направленной против Политбюро, и его арестовали. Характерно, что после его ареста С. М. Штеменко фактически оказался отстраненным от работы, а затем вызван к следователю по особо важным делам. Перетрусив, распрощался с семьей. Позже он рассказывал жене о своих переживаниях. Надо отметить, что в беседе со следователем Штеменко успокоился. Ему предъявлялось обвинение в том, что он информировал Берия о вопросах, составляющих военную и государственную тайну, в частности о дислокации, составе и предназначении войск в Подмоскowie. С. М. Штеменко ответил, что, действительно, о состоянии и умонастроениях командования и войск иногда беседы с Берией велись. Но эти вопросы были известны в органах безопасности, так как в каждом соединении и части имеется уполномоченный службы безопасности, подчиненной Берии. Таким образом, обвинения в разглашении военной и государственной тайны отпали. Однако по решению Политбюро за близкую связь с Берией генерал армии С. М. Штеменко был разжалован в генерал-лейтенанты, снят с должности и назначен помощником командующего Приволжским военным округом.

Через некоторое время потребовался заместитель начальника Генштаба по разведке, и Г. К. Жуков, бывший в то время министром обороны, высказался за назначение на эту должность С. М. Штеменко, как человека, знающего работу Генштаба и потребности его разведки. Это предложение было утверждено, причем Штеменко присвоили звание генерал-полковника.

Однако не прекращались интриги и против самого Г. К. Жукова, и как следствие возникали новые обвинения против Штеменко: он якобы помогал создать орган для политического переворота, задуманного Жуковым. В итоге в октябре 1957 года Г. К. Жуков был освобожден от должности министра обороны, а С. М. Штеменко — от недавно занятой должности и назначен заместителем командующего войсками Закавказского военного округа. Но Штеменко вновь выручают друзья. А. А. Гречко — первый заместитель министра обороны, главнокомандующий Объединенными вооруженными силами

государств — участников Варшавского Договора, сменивший на этом посту И. С. Конева, которого Хрущев терпеть не мог, предложил последнему назначить Штеменко начальником штаба Сухопутных войск. Что, конечно, и было сделано в 1962 году. В дальнейшем Гречко добивается, чтобы первым заместителем начальника Генштаба — начальником штаба Объединенных вооруженных сил государств-участников Варшавского Договора был назначен Штеменко. Эту должность он занимал с апреля 1968 года до самой кончины.

А. А. Гречко в свою очередь безошибочно держал нос по ветру и сумел войти в доверие к Л. И. Брежневу, который поручил ему встретить Н. С. Хрущева, вызванного из Крыма на заседание Политбюро, созванное с целью освобождения его от должности Генсека. Гречко заверил Брежнева, что успокоит Хрущева и подготовит его к этому заседанию. И представьте, сделал. После смерти маршала Р. Я. Малиновского Гречко становится министром обороны.

Рассказанная история должна напомнить современникам, которые, к сожалению, тоже не всегда ограждены от таких нравственных пороков, как интриганство и подхалимаж, что с этим злом несомненно призвание защитника Отечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Егоров Александр Ильич (1883-1939) — Маршал Советского Союза (1935). С июля 1931 по сентябрь 1935 г. начальник Штаба РККА, с сентября 1935 г. по май 1937 г. начальник Генштаба.

² Шапошников Борис Михайлович (1882-1945) — Маршал Советского Союза (1940). Май 1928 — июнь 1931 г. — начальник Штаба РККА, май 1937 — август 1940 г., июль 1941 — май 1942 г. — начальник Генштаба.

³ Василевский Александр Михайлович (1895-1977) — Маршал Советского Союза (1943). Дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). С июля 1945 г. главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке. Май 1942 — февраль 1945 г., март 1946 — ноябрь 1948 г. — начальник Генштаба, заместитель и первый заместитель министра Вооруженных Сил СССР.

⁴ Антонов Алексей Иннокентьевич (1896-1962) — генерал армии (1943). С 1942 г. первый заместитель начальника Генерального штаба и начальник Оперативного управления Генштаба. Февраль 1945 — март 1946 г. — начальник Генштаба. В 1943-1945 гг., 1946-1948 гг. и 1954-1955 гг. первый заместитель начальника Генштаба.

⁵ Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил СССР им. К. Е. Ворошилова. Создана в 1936 г. Это название носила также в 1918-1921 гг. Общевоин-

сковая военная академия (с 1921 г. — Военная академия РККА, с 1925 г. — Военная академия имени М. В. Фрунзе). Имя К. Е. Ворошилова присвоено в 1941 г.

6 Штеменко Сергей Матвеевич (1907-1976) — генерал армии (1968). С 1943 г. первый заместитель начальника, с мая начальник Оперативного управления Генштаба. После войны начальник Главного оперативного управления, затем заместитель начальника, с июня 1950 по июнь 1952 г. начальник Генштаба Советской Армии. С 1962 г. начальник Главного штаба — первый заместитель Главнокомандующего Сухопутными войсками, начальник Главного оперативного управления — заместитель начальника Генштаба, с 1968 г. — первый заместитель начальника Генштаба — начальник штаба Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского Договора.

7 Жуков Георгий Константинович (1896-1974) — Маршал Советского Союза (1943), четырежды Герой Советского Союза (1939, 1944, 1945, 1956). После Великой Отечественной войны — главнокомандующий Группой советских войск в Германии и главноначальствующий Советской военной администрации (июнь 1945 — март 1946). С марта по июнь 1946 г. главнокомандующий Сухопутными войсками и заместитель министра Вооруженных Сил. 3 июня 1946 г. Совет Министров СССР своим постановлением утвердил предложение Высшего военного совета от 1 июня об освобождении Маршала Советского Союза Г. К. Жукова от должности главнокомандующего Сухопутными войсками и освободил от обязанностей заместителя министра Вооруженных Сил, назначив его командующим войсками Одесского военного округа.

8 25 февраля 1946 г. на базе НКО и Наркомата ВМФ создан Народный Комиссариат Вооруженных Сил СССР, который в марте 1946 г. переименован в Министерство Вооруженных Сил.

9 И. В. Сталин возглавлял Наркомат обороны СССР с июля 1941 по февраль 1946 г., Наркомат Вооруженных Сил СССР — с 25 февраля 1946 по март 1946 г., Министерство Вооруженных Сил СССР — с марта 1946 по март 1947 г.

10 В апреле 1946 г. в связи с образованием Министерства Вооруженных Сил СССР создан Высший военный совет при министре Вооруженных Сил. Упразднен в 1950 г. В том же году были образованы Главные военные советы Военного министерства и вновь созданного Военно-морского министерства, которые существовали до их объединения в 1953 г. в единое Министерство обороны СССР.

11 Воронов Николай Николаевич (1899-1968) — главный маршал артиллерии (1944), Герой Советского Союза (1965). С марта 1943 по март 1950 г. командующий артиллерией Вооруженных Сил СССР.

12 Пересыпкин Иван Терентьевич (1904-1978) — маршал войск связи (1944). С мая 1939 по июль 1944 г. нарком связи СССР, с июля 1941 г. одновременно заместитель наркома обороны СССР — начальник Главного управления связи Красной Армии. В 1946-1956 гг. начальник войск связи Сухопутных войск.

13 Воробьев Михаил Петрович (1896-1957) — маршал инженерных войск (1944). В 1945-1952 гг. начальник инженерных войск Советской Армии, Сухопутных войск.

14 Новиков Александр Александрович (1900-1976) — главный маршал авиации (1944), дважды Герой Советского Союза (17. 4. 1945 и 8. 9. 1945). С мая 1943 по март 1946 г. командующий ВВС Красной Армии. С апреля 1945 по февраль 1952 г. находился в

тюрьменном заключении по сфабрикованным обвинениям.

15 Громадин Михаил Степанович (1899-1962) — генерал-полковник (1943). С 1945 г. командующий войсками округа ПВО, с 1946 г. — Войсками ПВО страны.

16 Конев Иван Степанович (1897-1973) — Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945), Герой ЧССР, Герой МНР. В 1946-1950 гг. главнокомандующий Сухопутными войсками, заместитель и первый заместитель министра Вооруженных Сил СССР.

17 Тер-Гаспарян Геворг Андреевич (1903-1949) — генерал-майор (18. 5. 1943), с 11. 5. 1949 г. генерал-лейтенант, начальник штаба — первый заместитель командующего войсками Киевского военного округа (28. 7. 1945 — 10. 6. 1949).

18 Гречко Андрей Антонович (1903-1976) — Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1958, 1973), Герой ЧССР. В Великую Отечественную войну вступил командиром 34 кд, с 18 января 1942 г. командир 5-го кавкорпуса, с апреля 1942 г. командующий 12А, 47А, 18А, 56А, с 16 октября 1943 г. заместитель командующего Воронежским (1-м Украинским) фронтом, с декабря 1943 г. командующий 1 гв. А. В 1945-1953 гг. командующий войсками КВО, затем главнокомандующий войсками в Германии. С 1957 г. первый заместитель министра обороны СССР, главнокомандующий Сухопутных войск, с 1960 г. первый заместитель министра обороны СССР и главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора. В 1967-1976 гг. министр обороны СССР.

19 Чан Кайши, Цзян Цзешу (1887-1975) — маршал, глава гоминдановского режима, свергнутого в 1949 г. в результате народной революции в Китае.

20 Малиновский Родион Яковлевич (1898-1967) — Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза (1945, 1958). В 1945-1947 гг. командующий войсками Забайкальско-Амурского военного округа, в 1947-1953 гг. Главнокомандующий войсками на Дальнем Востоке.

21 Булганин Николай Александрович (1895-1975) — Маршал Советского Союза (1947-1958), с 1958 г. генерал-полковник. С 1922 г. на хозяйственной работе, в 1931-1937 гг. Председатель Моссовета. С 1937 г. заместитель Председателя Совнаркома СССР. В годы Великой Отечественной войны член военных советов ряда фронтов. С 1944 г. член Государственного Комитета Обороны и заместитель наркома обороны СССР. С 1947 г. заместитель Председателя Совета Министров СССР и одновременно в 1947-1949 гг. министр Вооруженных Сил СССР. В 1953-1955 гг. министр обороны СССР. В 1955-1958 гг. Председатель Совета Министров СССР. Член ЦК КПСС в 1934-1961 гг. Член Политбюро (Президиума) ЦК в 1948-1958 гг.

22 Соколовский Василий Данилович (1897-1968) — Маршал Советского Союза (1946), Герой Советского Союза (1945). С марта 1949 г. первый заместитель министра Вооруженных Сил СССР (с февраля 1950 г. — военного министра СССР). С июня 1952 по апрель 1960 г. начальник Генштаба — первый заместитель военного министра (с марта 1953 г. — министра обороны СССР).

23 Берия Лаврентий Павлович (1899-1953) — Маршал Советского Союза (1945), Герой Социалистического Труда. В 1938-1945 гг. нарком внутренних дел СССР, в 1941-1953 гг. заместитель Председателя Совнаркома СССР (с 1946 г. — Совета Министров СССР). В 1953 г. министр внутренних дел СССР.

ОСОБЫЙ В ОГНЕ

ВЫСОКИЕ ГОСТИ
ИЗ МОСКВЫ

В Будапешт начали прибывать советские партийные, государственные и военные руководители.

Утром 25 октября на нашем командном пункте в здании министерства обороны неожиданно появились председатель Комитета госбезопасности СССР И. А. Серов¹, первый заместитель начальника Генштаба генерал армии М. С. Малинин² с небольшой группой генералов и офицеров. Не выслушав нас, они высказали недовольство нерешительными действиями наших частей, не способных справиться с отрядами вооруженных студентов.

То же самое Серов доложил по ВЧ. По молодости, не думая о возможных последствиях, я сказал: «Вы, Иван Александрович, не разобрались в обстановке. В городе идут бои, для решительных действий требуется больше сил, чем имеется. У нас, по существу, всего дивизия. Давайте проедем по городу...»

С прибывшим генералом М. И. Повалием на танке проехали по городу. Дважды нас обстреляли из пулеметов, неоднократно повстанцы преграждали нам путь. Лишь когда мы возвратились в министерство обороны и Повалий обо всем рассказал, приехавшие генералы поняли, что здесь происходит. Лашенко понравилось, что я не испугался Серова, и он сказал, чтобы я и впредь никого не боялся. Прибывшие вскоре в Будапешт А. И. Микоян³ и М. С. Сулов⁴ выслушали уже более объективный доклад. Мы со своей стороны проинформировали о действиях войск в городе, отметив, что бездеятельность полиции и частей венгерской армии на руку восставшим. Ю. В. Андропов, И. А. Серов, А. И. Микоян и М. А. Сулов считали, что в Венгрии налицо крупномасштабный им-

периалистический заговор. Если СССР не окажет вооруженной помощи, Венгрия станет жертвой контрреволюционного переворота и агрессии со стороны НАТО. Вместе с тем, они полагали, что нас поддержат венгерские коммунисты и рабочие. Однако венгерское правительство просило, чтобы наши войска огонь не вели, не предпринимали никаких активных действий, но тем не менее задачи, возложенные на них, продолжали выполнять. Наше командование вынуждено было учитывать эти пожелания.

Нам было трудно правильно оценить происходящие в Венгрии события. Понимая справедливость протеста трудящихся против клики Ракоши — Гере, желание правительства Имре Надя исправить допущенные ошибки, мы в то же время замечали сначала скрытые, а затем и явные попытки изменить существующий строй. Так и получилось: представители бывшего господствующего класса повели дело к реставрации буржуазного режима.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ПОВСТАНЦЕВ УСИЛИВАЕТСЯ

Утром 25 октября к Будапешту подошла 33-я гвардейская механизированная дивизия генерала Г. И. Обатурова⁵, а к вечеру 128-я гвардейская стрелковая дивизия полковника Н. А. Горбунова. Обе вошли в состав Особого корпуса.

К этому времени сопротивление повстанцев в центре столицы усилилось. В связи с этим 33-й дивизии была поставлена задача очистить от вооруженных отрядов центральную часть города в секторе Кебанья, ул. Юллей и районы, прилегающие к Дунаю, в том числе здание Радио, казарму

Продолжение. См.: Воен.-истор. журнал. 1993. № 10.

КОРПУС БУДАПЕШТА

На улицах Будапешта. Конец октября 1956 г.

«Килиана» и район кинотеатра «Корвин». Следовавший в авангарде дивизии 104 гв. мп, продвигаясь с боями вдоль набережной, первым вышел к зданию парламента.

Подошедшему к исходу дня 25 октября 315 гв. сп подполковника Н. С. Никифорова — передовому отряду 128-й гвардейской стрелковой дивизии — была поставлена задача уничтожить вооруженные отряды в Буде (западная часть города).

В центре вооруженные отряды повстанцев уже создали опорные пункты и оказали сильное сопротивление, применяя для борьбы с танками противотанковые и зенитные орудия, гранатометы, противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью.

Некоторые части дивизии генерала Обатурова понесли потери сразу же при входе в город. Были подбиты танк и бронетранспортер, в которых следовали командиры двух полков, уничтожены штабные радиостанции. Артиллерийский полк на проспекте Ференц попал в засаду и почти полностью потерял второй дивизион. Командир полка Е. Н. Коханович был смертельно ра-

нен. Генерал Обатуров и его штаб в течение следующего дня организовали разведку в районе очагов сопротивления, приступили к боевым действиям. В последующие дни части дивизии очистили многие кварталы, однако не смогли овладеть опорными пунктами в районе кинотеатра «Корвин» и казармы «Килиана». Там находилось до тысячи человек, несколько танков и орудий. Это был сильный узел сопротивления, ликвидация которого могла иметь решающее значение для разгрома вооруженных отрядов в Будапеште. Боевые действия по его уничтожению намечалось начать через несколько дней, утром 28 октября совместными усилиями частей 33 гв. мд и венгерских подразделений 5-го и 6-го механизированных полков. На рассвете, накануне атаки, венгерские части получили приказ своего правительства об отмене боевых действий. Объяснялось это тем, что повстанцы якобы готовы сложить оружие, с ними об этом ведутся переговоры. Имре Надь после переговоров с руководителями вооруженных отрядов Ласло Иван-Ковачем, Гергеєм Понграцем и другими поддер-

жал их требования и за полчаса до начала атаки, позвонив по телефону в министерство обороны, заявил, что, если будет совершено нападение на «Корвин», он уйдет в отставку. Это спасло вооруженные отряды от разгрома.

РОКОВОЕ РЕШЕНИЕ ВЕНГЕРСКОГО РУКОВОДСТВА

Имре Надь и Янош Кадар, несмотря на жесткие заявления, которые делались по политическим соображениям, в конечном итоге не согласились на вооруженное подавление восстания в Будапеште. Венгерское правительство и партийное руководство не овладели ходом событий.

Продолжались активные действия в Будапеште. 128 гв. сд была поставлена задача уничтожить восставших в этом районе и обеспечить поддержание там порядка. Подразделения 57 мп и 83 тп 17 гв. мд убыли в прежние районы дислокации для прикрытия границы с Австрией.

Считалось, что возможны провокации со стороны американских и западногерманских войск.

В Будапеште оставались и действовали три наши дивизии: две (2-я и 33-я гв.) механизированные и одна (128-я гв.) стрелковая. Их общая численность достигала 20 тыс. человек.

Нашей оперативной группе в Будапеште практическую помощь оказывала группа офицеров Генерального штаба под руководством генерала армии М. С. Малинина, в которую входили генерал-майоры М. И. Повалий, Я. Т. Сирук и несколько офицеров.

Генерал Повалий постоянно находился с нами. От него мы узнавали о принятых руководством министерства обороны СССР решениях, знали, сколько войск направлено в Венгрию, какие части будут переданы в состав Особого корпуса, каковы предполагаемые сроки их подхода. Часто знакомили друг друга с содержанием своих донесений в Генеральный штаб, нередко готовили совместные донесения.

Генерал армии М. С. Малинин в основном находился с нашим послом Ю. В. Андроповым и генералом И. А. Серовым, поддерживал связь с руководителями венгерского правительства. У нас он появлялся обычно неожиданно, иногда уточнял задачи и давал рекомендации по их выполнению, докладывал начальнику

Генерального штаба маршалу В. Д. Соколовскому, тем самым освобождая нас от лишних переговоров с Москвой.

Министр обороны Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в действиях войск Особого корпуса не вмешивался, не звонил по телефону ВЧ, не присылал грозных шифровок и указаний, нас не ругал, вероятно понимая сложность обстановки и наши трудности. Возможно это было своеобразной реакцией на решение Н. С. Хрущева⁶ о вводе советских войск в Будапешт.

ТЕРРОР ПОВСТАНЦЕВ

В нашей печати систематически сообщалось, что вооруженное выступление в Венгрии инспирировано Западом и в нем в основном участвовали бывшие хортистские офицеры, жандармы и подрывные элементы с Запада. Конечно, в этом была доля истины. Среди повстанцев было немало деклассированных элементов. Их поддерживали представители бывших господствующих классов Венгрии и определенные силы на Западе. Однако выступление носило массовый характер, в нем участвовали и многие тысячи трудящихся, недовольных режимом Ракоши — Гере. В боях участвовали сотни венгерских студентов, молодых рабочих, военнослужащих.

Радиостанции «Свободная Европа» и «Голос Америки» не были безучастными в этой борьбе: призывали к усилению действий повстанцев. При этом наряду с объективным освещением ряда событий многие факты в пропагандистских целях преподносились в искаженном виде. Особенно это касалось событий на площади у парламента 25 октября. В то же время замалчивались жуткие факты террора восставших, разгрома ими партийных комитетов и зверской расправы над их защитниками.

Венгерское правительство, обратившись за помощью к советским войскам, никаких решительных мер по восстановлению общественного порядка не предпринимало. Полиция и венгерская армия по-прежнему бездействовали. В этих условиях восстановить порядок в Будапеште без помощи полиции, венгерской армии и органов госбезопасности советские войска не могли. Когда они получили приказ не открывать огня, им воспользовались вооруженные группы для усиления своих сил и действий из-за угла. Так, принимавшие пищу воины 6-го мехполка были внезапно в упор об-

Накануне эвакуации семей военнослужащих на Родину. Полковник Е. И. Малашенко с женой Тамарой Алексеевной.

стреляны автоматчиком во дворе одного из домов. В результате девять человек получили ранения, один был убит.

В поселке Дунакеси, в 20 км севернее Будапешта, нападению подверглись две наши машины с продовольствием и горючим. Напавшие подожгли бензоцистерну и грузовую машину, расстреляли восемь солдат охраны. Захватив старшего группы раненого капитана Г. И. Моисеенкова, они начали издеваться над ним, а затем завернули в плащпалатку, облили бензином и подожгли.

БОИ В ПРОВИНЦИИ

Массовые волнения захватили и провинцию. Приезжавшие в города и населенные пункты столичные эмиссары стремились вызвать вооруженные столкновения, организовывали погромы. Создавались «революционные комитеты», которые брали власть в свои руки. Выпущенные из тюрем уголовники пополнили ряды повстанцев, а кое где даже заняли главенствующие посты в созданных ими органах власти, запугивая и преследуя честных граждан. В городе Кекемете преступники захватили склад с оружием и приступили к террористическим актам и грабегам.

Тактика повстанцев была проста. Вооруженные группы захватывали здания обла-

стных, городских и районных комитетов партии и советов, разоружали полицейских, склоняли венгерские части и подразделения к сдаче оружия и переходу на свою сторону, расстреливали государственных и партийных работников и активистов. Они пытались и в Будапеште разоружать отдельных наших военнослужащих и небольшие группы солдат.

Генерал Лашенко приказал оказывать решительное сопротивление. Командиры частей и подразделений были предупреждены, что будут отстранены от должности, если допустят разоружение и захват оружия и боеприпасов.

Однажды мне позвонил командир 195-й истребительной авиационной дивизии полковник П. С. Кирсанов и, сообщив, что повстанцы напали на склады и аэродром, попросил прислать для охраны танки. Я посоветовал ему до прибытия подкрепления поставить самолеты в круг и открыть огонь из пушек и пулеметов по нападающим, как это делалось на фронте. Это возымело действие.

ОРУЖИЕ ДЛЯ ПОВСТАНЦЕВ

События в Венгрии разворачивались с головокружительной быстротой. Не все подробности были известны нам тогда, но чувствовалось, что в венгерском правительстве нет единства в вопросах борьбы с восставшими и восстановлением общественного порядка.

В этих условиях командованию и нашим войскам действовать было трудно. Творились непонятные вещи. Так, в первые дни мятежа, разоружив повстанцев, мы передали их полиции, а через несколько дней снова захватили некоторых из них. Позднее стало известно, что по распоряжению начальника полиции Шандора Копачи все задержанные были отпущены и оружие им было возвращено.

Имре Надь, возглавив правительство, потребовал вооружить партийный актив. Оружие доставили в райкомы, в полицию и на крупные предприятия, но оно попало в руки восставших. Когда стало об этом известно, нам было заявлено, что все оружие якобы последними захвачено.

Коммунисты, защищавшие общественные здания, министерства, райкомы, 26-27 октября получили приказ венгерского правительства немедленно сдать все оружие с

целью прекратить кровопролитие. Многие выполнили приказ и заплатились за это. Вскоре некоторые из них были убиты повстанцами, которые, конечно, и не думали сдавать свое оружие.

Части венгерской армии сопротивления восставшим не оказывали. Не получив приказа о ведении активных и решительных действий, они бездействовали. А отдельные подразделения и части венгерской армии и полиции под влиянием событий попросту разбежались, что дало возможность повстанцам захватить большое количество оружия и боеприпасов. Надо сказать, что на сторону восставших перешли подразделения некоторых воинских частей и строительных батальонов.

С ВЕРОЙ В ПРАВОТУ РАБОЧЕГО КЛАССА

Наши солдаты и офицеры, несмотря на бой, неплохо относились к венгерскому населению. Мы верили в правоту рабочего класса и обеспечивали его оружием. Некоторые венгерские трудящиеся оказывали нам помощь. Не раз охрана заводов поддерживала действия наших подразделений. Некоторые рабочие, врачи, медсестры, несмотря на угрозы, оказывали помощь раненым и снабжали солдат продовольствием.

В те суровые дни мне пришлось встречаться не только с венгерскими руководителями и военачальниками, но и с активными участниками выступления.

Руководители вооруженных отрядов требовали признать созданные ими «революционные комитеты». Некоторые партийные и профсоюзные деятели просили убрать наши танки, охраняющие здания парткомов. Они якобы мешают их работе. Поступали нам обращения о выводе советских войск из Будапешта. Мы отвечали, что по этому вопросу следует обращаться к своему правительству, которое попросило ввести в Будапешт наши войска.

Мне пришлось разговаривать с Бела Кохутом и Яношем Дерианом. Их представили как захваченных американских шпионов, недавно переброшенных для подрывных действий в Венгрию. После разговора с ними я понял, что это никакие не шпионы и не подготовленные террористы, а обычные молодые венгерские парни. Бежавшие недавно из Венгрии, они на днях вернулись обратно и примкнули к одному из вооруженных отрядов.

Однажды ко мне обратилась женщина в слезах с просьбой освободить ее сына. Позвонил в комендатуру и выяснил, что парня задержали при оказании вооруженного сопротивления. Из пистолета он стрелял в наших солдат. Накануне его передали венгерским властям. И подобных встреч было в те дни немало...

ПОВСТАНЦЕВ ОБЪЯВЛЯЮТ ГЕРОЯМИ

28 октября Имре Надь в своем вечернем выступлении по радио заявил: «Правительство осуждает взгляды, в соответствии с которыми нынешнее грандиозное народное движение рассматривается как контрреволюция... Для поддержания порядка и восстановления общественной безопасности из подразделений армии и полиции, а также из вооруженных отрядов рабочих и молодежи будут незамедлительно образованы новые органы охраны общественного порядка».

В тот же день центральное руководство Венгерской партии трудящихся одобрило заявление правительства ВНР. В передовой статье органа ЦР Венгерской партии трудящихся «Сабад неп» происходящие события так же оценивались как «национальное демократическое движение», а вооруженные повстанцы уже назывались «борцами за свободу».

Газеты сообщали, что в провинциях повсеместно создаются новые органы местной власти, а на предприятиях рабочие советы.

После того как Имре Надь назвал вооруженное выступление «народно-демократическим движением», а повстанцев «борцами за свободу», революционерами, героями стали и все те, кто громил учреждения народной республики, уничтожал коммунистов, сторонников социализма.

Венгерское руководство в те октябрьские дни переложило тяжелую и неблагоприятную миссию борьбы с повстанцами в Будапеште на советские войска. А теперь выходило, что защитники прежней власти, в том числе и советские войска, вели борьбу против демократически настроенных масс.

Вслед за этим Имре Надь публично заявил, что «советские войска начинают возвращаться на свои базы». Началась истеричная, враждебная кампания против советских войск с требованием их немедленного вывода из Будапешта и с территории Венгрии.

В эти дни к нам, в здание министерства обороны, приехал посол Ю. В. Андропов. Петр Николаевич Лашенко пригласил его позавтракать вместе с нами. Как раз накануне Имре Надь и его помощники назвали повстанцев «борцами за свободу». Получалось, что мы боремся против свободы. Юрий Владимирович сказал, что он говорил А. И. Микояну и М. А. Сулову о том, что в Венгрии происходит контрреволюционный мятеж и возглавляет его Имре Надь. Вооруженное выступление в Венгрии, считал он, имеет антисоциалистический характер, в нем участвует незначительная часть трудящихся, в основном бывшие хортисты, контрреволюционеры, деклассированные и подрывные элементы, переброшенные с Запада. Мне показалось, что Ю. В. Андропов продолжал односторонне оценивать происходящие события, выхватывая из всей массы факты, имеющие лишь антисоциалистическую направленность.

Затем перешли к самому главному. Что делать в связи с требованием о выводе наших войск из Будапешта? П. Н. Лашенко полагал, что в сложившейся обстановке наши войска надо выводить из города, так как они, по существу, бездействуют.

Ю. В. Андропов не согласился: «Что, оставим народную власть, коммунистов и патриотов, не растерзание?» Лашенко сказал, что пусть они сами защищают себя и свою власть. Мы не должны за них воевать. Кто желает, путь уходит с нами. «Советские войска уйдут, — сказал Андропов, — а завтра здесь будут США и их союзники. Надо разгромить в Будапеште вооруженные отряды мятежников, и все здесь успокоится». Такого же мнения придерживались А. И. Микоян и М. А. Сулов. Они считали, что обстановка в Венгрии ухудшается и надо усилить военную помощь.

ВЫВОД СОВЕТСКИХ ВОЙСК ИЗ БУДАПЕШТА

А в это время Имре Надь под давлением правых сил, рвущихся к власти, расширил состав правительства и упразднил органы государственной безопасности. По просьбе уже обновленного венгерского правительства наши войска повсеместно прекратили ведение огня в городе.

30 октября правительство Имре Надь потребовало немедленного вывода советских войск из Будапешта. В 17 часов того же дня будапештское радио, прервав передачу, сообщило, что правительство Советского Союза удовлетворило требование Имре Надь о выводе советских войск из Будапешта.

В ночь на 31 октября начался вывод наших войск из Будапешта. К исходу того же дня все советские соединения и части сосредоточились в 15-20 км от города. Штаб Особого корпуса разместился на аэродроме в Текеле, где базировалась одна из наших авиационных частей. В районах сосредоточения соединения и части приводили в порядок боевую технику и вооружение, пополнялись личным составом, боеприпасами, горючим и продовольствием.

В Будапеште и ряде других городов было неспокойно, имели место случаи, когда повстанцы расправлялись с коммунистами, партактивом и сотрудниками госбезопасности, громили здания партийных и государственных органов, разрушали памятники советским воинам. Несмотря на объявление о прекращении огня, они предприняли штурм здания будапештского горкома партии, смертельно ранили секретаря горкома Имре Мезе и зверски убили 24 защищавших его венгерских солдат.

31 октября в казарме «Килиана» делегаты «революционных военных советов» армии, полиции и «национальной гвардии» избрали «революционный комитет обороны». Его возглавили генерал-майор Бела Кирай⁷, бывший хортистский офицер и перешедший в первые дни вооруженного выступления на сторону повстанцев Пал Малетер⁸. В тот же день Малетер был произведен в генералы и назначен заместителем, а затем министром обороны.

Бела Кирай возглавил организацию вооруженных сил, формирование отрядов «национальной гвардии» и приступил к подготовке их к боям против советских войск. Он был назначен комендантом Будапешта.

В одном из пунктов принятого воззвания «революционного комитета» говорилось о необходимости денонсировать Варшавский Договор. Стали раздаваться голоса реваншистских элементов об отторжении от ряда сопредельных стран бывших венгерских территорий и создании «великой Венгрии».

Н. С. ХРУЩЕВ ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЯ

После заявления 1 ноября венгерского правительства о выходе из Варшавского Договора, нейтралитете Венгрии и настоячивых требованиях о немедленном выводе советских войск судьба Венгрии была predetermined. Нельзя было рассчитывать, что советское руководство во главе с Н. С. Хрущевым согласится с этими требованиями.

Определенное влияние на позицию советских руководителей оказали усиливавшийся разгул террора, разгром будапештского горкома партии, доклады Сулова, Микояна, а также информация бывших венгерских руководителей, находившихся в Москве. Ракоши, Гере, Ревая и другие все еще надеялись возвратиться в Венгрию.

Агрессия Израиля, Англии и Франции против Египта, начавшаяся 29 октября, позволила Н. С. Хрущеву действовать без оглядки, так как теперь внимание западных держав было приковано к ближневосточному кризису. В свою очередь, по-видимому, и руководители этих стран полагали, что для нападения на Египет созданы благоприятные условия, ибо Советский Союз занят венгерскими событиями.

Однако в тот период творилось много непонятного. В последний день октября была опубликована Декларация советского правительства о невмешательстве во внутренние дела дружественных стран. А через два-три дня в Румынии, затем в Югославии с участием Китая было принято решение об оказании Венгрии военной помощи.

Нас информировал генерал армии М. С. Калинин, что руководство советскими войсками в Венгрии возложено на главнокомандующего Объединенными вооруженными силами государств-участников Варшавского Договора маршала И. С. Конева⁹, прибывающего в Сольнок. На территорию Венгрии в ближайшее время начнут выдвижение 38-я армия и 8-я механизированная армия из Прикарпатского военного округа. Воздушно-десантные части приступили к захвату венгерских аэродромов. В частности, на аэродром Веспрем уже высадились два полка 31-й гвардейской воздушно-десантной дивизии.

Декларация советского правительства и последовавшие мероприятия вызвали у всех нас недоумение.

Семья наших офицеров в Венгрии, чтобы не подвергать их опасности, начали переправлять в Советский Союз железнодорожным и автомобильным транспортом через Чехословакию, а также военно-транспортными самолетами, высвободившимися после переброски воздушно-десантных частей.

Поздним вечером 1 ноября на аэродроме Текель, где находился штаб Особого корпуса, прибыл Янош Кадар в сопровождении трех человек. Один из них был сотрудником советского посольства.

На вопрос, как там в Будапеште, Кадар ответил, что он вышел из состава правительства Имре Надя и теперь думает, что делать дальше.

В Текель прибыл И. А. Серов и вскоре Я. Кадар на нашем самолете улетел в направлении Сольнок, Мукачево. Снова Яноша Кадара я увидел дней через пять, когда он на бронетранспортере из Сольнока приехал в Будапешт. Его сопровождали подполковник А. И. Федюкин и венгерские сотрудники госбезопасности.

Еще до прибытия Я. Кадара в Текель, вечером 1 ноября, венгерское радио передало его выступление о создании новой Венгерской социалистической рабочей партии. Через два дня было сообщено, что Янош Кадар, Ференц Мюнних¹⁰, Антал Апро¹¹, Иштван Кошпа¹² вышли из состава правительства Имре Надя и создали венгерское революционное рабоче-крестьянское правительство.

В открытом письме к венгерскому трудовому народу они писали, что как члены правительства, потерявшего способность действовать, не могут дальше безучастно относиться к тому, чтобы под прикрытием демократии контрреволюционные террористы и бандиты зверски убивали наших лучших братьев рабочих и крестьян, держали в страхе наших мирных граждан, создавали в стране анархию и на долгое время отдали народ под иго контрреволюции.

В опубликованном в те дни воззвании революционного рабоче-крестьянского правительства к венгерскому народу говорилось, что венгерское революционное рабоче-крестьянское правительство в интересах народа, рабочего класса, родины обратилось с просьбой к командованию советских войск, чтобы оно помогло разбить черные силы реакции и контрреволюции, возродить народный социалистический

строй, восстановить порядок и спокойствие в стране.

В соответствии с просьбой венгерского революционного правительства советские войска должны были помочь правительству Я. Кадара разгромить мятежников, восстановить существовавший строй, общественный порядок и спокойствие в Венгрии.

Примечания

¹Серов Иван Александрович (1906-1990) — генерал армии. В 1954-1958 гг. — председатель КГБ СССР.

²Малинин Михаил Сергеевич (1899-1960) — генерал армии. В 1952-1960 гг. — первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР.

³Микоян Анастас Иванович (1895-1978) — государственный и партийный деятель. В 1955-1964 гг. — первый заместитель председателя Совета министров СССР. Член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС.

⁴Суслов Михаил Андреевич (1902-1982) — партийный деятель. С 1947 г. секретарь ЦК КПСС, член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС.

⁵Обатуров Геннадий Иванович (р. 1915) — генерал армии (1979). В Советской Армии с 1935 г. Участник Великой Отечественной войны. В послевоенный период командующий войсками округа, начальник Военной академии имени М. В. Фрунзе.

⁶Хрущев Никита Сергеевич (1894-1971) — партийный и государственный деятель. С 1953 г. первый секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1958-1964 гг. председатель Совета Министров СССР. В октябре 1964 г. снят со всех постов.

⁷Бела Кирай (р. 1912) — офицер хортистской армии. В 1950-1951 гг. начальник военной академии, генерал-майор. В 1951 г. арестован и приговорен к пожизненному заключению. В сентябре 1956 г. освобожден. С октября 1956 г. — председатель революционного комитета обороны, командующий национальной гвардией, комендант Будапешта. В ноябре 1956 г. эмигрировал в США, в 1989 г. вернулся в Венгрию.

⁸Пал Малетер (1917-1958) — офицер венгерской армии. Был командиром корпуса, начальником строи-

тельных войск. С 30 октября 1956 г. — первый заместитель министра и министр обороны в правительстве Имре Нада. Генерал-майор. 3 ноября 1956 г., возглавляя венгерскую делегацию на переговорах, был арестован И. А. Серовым. На процессе Имре Нада и его соратников приговорен к смертной казни.

⁹Конев Иван Степанович (1897-1973) — Маршал Советского Союза. Дважды Герой Советского Союза, Герой ЧССР, Герой МНР. С 1945 г. — главнокомандующий Центральной группой войск, в 1946-1950 гг. и 1955-1956 гг. — главнокомандующий Сухопутными войсками, с 1951 г. — командующий войсками ПрикВО, с 1956 г. — первый заместитель министра обороны и одновременно главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств-участников Варшавского Договора. В 1960-1961 гг. и с 1962 г. — в группе генеральных инспекторов Министерства обороны. В 1961-1962 гг. — главнокомандующий ГСВГ.

¹⁰Ференц Мюнних (1886-1967) — деятель венгерской компартии. Был на подпольной партийной работе. Жил и работал в СССР. Участник гражданской войны в Испании и второй мировой войны. Находился на дипломатической работе. 23 октября 1956 г. избран в состав Центрального руководства. С 4 ноября — заместитель председателя революционного рабоче-крестьянского правительства, где на него было возложено руководство вооруженными силами. Член Политбюро ЦК ВСРП. В 1958-1961 гг. возглавлял Совет министров ВНР.

¹¹Антал Апро (1913-?) — деятель венгерской компартии. В 1953-1956 гг. заместитель председателя Совета министров ВНР. В октябре 1956 г. руководитель военного комитета партии, с ноября 1956 г. член революционного рабоче-крестьянского правительства. 1957-1965 гг. член Политбюро ЦК ВСРП. В 1971-1984 гг. председатель Государственного собрания ВНР.

¹²Иштван Кошша (1904-1965) — деятель венгерской компартии. До 30 октября 1956 г. в составе руководящих органов партии. В 1955-1956 гг. заместитель председателя госплана, министр финансов. 4 ноября 1956 г. — член революционного рабоче-крестьянского правительства.

*Генерал-лейтенант в отставке
Е. И. МАЛАШЕНКО*

Фото из архива автора

(Продолжение следует)

Н. Н. ГОЛОВИН

ВОЕННЫЕ УСИЛИЯ РОССИИ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ХОД ВОЙНЫ И НАСТРОЕНИЯ АРМИИ И ТЫЛА В КАМПАНИЯХ 1914-1916 ГГ.

Увольнение великого князя Николая Николаевича

Смена Верховного главнокомандующего произошла 23 августа 1914 года. Верховным главнокомандующим стал государь с начальником штаба генералом Алексеевым. По существу говоря, последний и становился теперь Верховным главнокомандующим. Это понимала вся армия и это в известной степени примирило с происшедшей переменой, так как высшие лица штаба великого князя Николая Николаевича были крайне непопулярны.

Какое впечатление произвела эта смена на армию?

«Этот значительный, по существу, акт, — пишет генерал Деникин в своем труде «Очерки русской смуты», — не произвел большого впечатления. Генералитет и офицерство отдавали себе ясный отчет в том, что личное участие государя в командовании будет лишь внешнее, и потому всех интересовало более вопрос, кто будет начальником штаба?».

«Назначение генерала Алексева успокоило офицерство. Что касается солдатской массы, то она не вникала в технику управления; для нее царь и раньше был верховным вождем армии и ее смущало несколько одно лишь обстоятельство: издавна в народе укоренилось убеждение, что царь несчастлив».

Эти строки, написанные одним из наиболее видных вождей белого движения,

Окончание. См.: Воен.-истор. журнал. 1993. № 1, 2, 4, 6, 7, 9, 10.

Генерального штаба
полковник Н. Н. ГОЛОВИН.
1907 г.

Фото предоставил А. Г. КАВТАРАДЗЕ

грешат тем же непониманием народных масс, которое привело затем самого автора цитированных выше строк к крушению. То, что при смене Верховного главнокомандования снаружи царило полное спокойствие,

это верно. Более того, мы сами были свидетелями того, с каким энтузиазмом встречали государя войска впервые после того, как он стал Верховным главнокомандующим. Но это нисколько не противоречило тому, что удаление великого князя Николая Николаевича сопровождалось глубоким сожалением именно солдатской массы. В представлении этой массы великий князь Николай Николаевич носил благородный облик поборника правды, решительного искоренителя лжи, грозного для всех и в то же время справедливого для всех.

«Прошло три-четыре месяца войны, — пишет Михаил Лемке в книге «250 дней в царской Ставке», — и Николай Николаевич стал просто популярен. В армии о нем говорили не иначе как с восторгом, а часто с благоговением».

Вокруг имени великого князя стали создаваться легенды. Народные массы стремились воплотить в нем черты любимого вождя.

Вот свидетельство иностранного наблюдателя русской армии. Оно принадлежит перу неоднократно нами цитированного британского генерала А. Нокса. Приводимые строки написаны им для Британской энциклопедии: «Великий князь Николай Николаевич был прежде всего патриотом с сильно развитым чувством долга. Хотя благодаря принадлежности к царской семье ему было гарантировано высокое положение в армии, он тем не менее посвятил себя научному изучению своей профессии. Его служебная деятельность показывает, что он имел все качества военного вождя. Приятный внешне, он обладал неограниченной энергией, сильной волей и способностью быстро решаться. Всякая интрига была абсолютно чужда его благородному характеру. Он имел исключительный дар внушать веру в себя и любовь. Его справедливость одинаково притягивала и сердца генералов и сердца солдат. Многочисленные рассказы про него, распространявшиеся среди русских солдат-крестьян, рисовали его легендарным героем, защитником святой России против германизма и разращенности двора. Солдаты верили, что он, очень строгий в вопросах воинской дисциплины, одинаково требователен в этом отношении к генералам, а также к самому себе».

Популярность Алексеева была иная. В армии она распространялась главным образом на офицерские круги. Командный состав видел в нем наиболее знающего из всех русских генералов руководителя, а армейский рядовой офицер — своего брата, вышедшего на высшие ступени иерархии

исключительно благодаря личным заслугам.

Солдатская масса его мало знала: в нем не было тех внешних черт, которые требуются малокультурным массам для облика их героев. То же самое происходило и в стране: все мало-мальски образованные слои знали Алексеева, уважали его и верили ему; народные же массы его совсем не знали.

Вот почему и в армии и в общественных кругах, как свидетельствуют о том многочисленные мемуары, наилучшим разрешением вопроса считалось оставление Верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича и назначение к нему нового начальника штаба в лице Алексеева.

Устраняя от должности Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, государь отказывался от действия чрезвычайно важной моральной силы. Он думал, что эта моральная сила, заключающаяся в народной популярности великого князя, может быть вполне заменена монархической традицией. Эта мысль была в свое время отлично сформулирована в английской газете «Daily Chronicle», так объяснявшей английской публике состоявшуюся в русском Верховном главнокомандовании перемену: «Царская власть обладает какими-то мистическими и отеческими свойствами, неотразимо действующими на душу русского народа. Решение царя вновь свидетельствует о тесных узах, существующих между народом и царем-батюшкой. Принимая на себя верховное командование, царь ясно доказал, что не может быть сомнения в решимости России довести войну до конца».

Ошибка в подобной точке зрения заключалась прежде всего в том, что для успешного доведения войны до победного конца необходима не замена сил, а сложение всех имеющихся в распоряжении сил. Испытания, предъявленные России, были слишком велики, чтобы позволять себе отказ от какой бы то ни было из имеющихся в распоряжении сил. Несомненно, что здесь мы видим одно из наиболее ярких проявлений того примитивного отношения к современной сложной социальной жизни, которое мы обнаружили во всех областях государственной жизни России.

Настроения солдатских масс

Когда окончилось намеченное Верховным главнокомандованием отступление, по мере того как войска устранились на новых линиях обороны и спокойная рука

генерала Алексеева приводила все в порядок, настроение армии стало улучшаться.

Особое свойство русского солдата быстро оправляться от тяжелых поражений замечено было еще немцами и включено было ими в характеристику русской армии.

Вот в каких словах в 1913 году отмечено это свойство германским большим генеральным штабом: «Русский солдат очень вынослив в физическом отношении и мало требователен. Вместе с этим русская военная часть обладает исключительной способностью быстро оправляться после неудачных боев и быть опять способной к упорной обороне»¹ (выделено авт. — Н. Г.).

Интересно сравнить эту оценку русского солдата, написанную до войны внимательно изучившим русскую армию немецким генеральным штабом, с заметкой, написанной тоже внимательным иностранным наблюдателем русской армии в 1915 году генералом Ноксом. В октябре 1915 года он заносит в свои записи: «Хотя после долгих напряжений русский солдат выглядит печально (невзрачно), тем не менее он обладает исключительной способностью к быстрому восстановлению своей боеспособности»².

Мы вполне отдаем себе отчет, как трудно оценивать настроение солдатских масс, в особенности русских масс того времени. Единственным показателем этого настроения могли являться только отчеты военной цензуры о письмах, посылаемых из армии. К глубокому сожалению, мы лишены возможности использовать этот богатый архивный материал, остатки которого хранятся в России и ждут своего исследования. По ним можно было бы дать общую картину изменения в настроении армии.

Некоторые интересующие нас указания можно найти в записи генерала Нокса, сделанной им в начале февраля 1916 года: «Во время моего посещения Северного фронта в феврале я был поражен тем восторгом, с которым офицеры говорили о духе солдат. Цензоры 12-й армии (по-видимому, крайне правые) читают все письма и классифицируют по отражающимся в них настроениям так: а) хорошее; б) недовольство или подавленность; в) жалобы на офицеров; г) жалобы на пищу и т. д. В большинстве частей 80 проц. писем должны быть отнесены к первой категории (хорошее настроение); в некоторых же частях эта категория занимает все 100 проц.»

Эта заметка генерала Нокса подтверждается и другим источником. В книге Лемке

«250 дней в царской Ставке» упоминается о сводке военно-цензурного отчета штаба армий Западного фронта, относящейся тоже к началу февраля 1916 года.

Согласно этой сводке корреспонденция, посланная из армий Западного фронта, была распределена так: 2,15 проц. писем, написанных в угнетенном настроении; 30,25 проц. писем бодрых; 67,60 проц. писем уравновешенных, но содержащих в себе спокойную веру в конечный успех русской армии.

Эти данные тем более интересны, что они относятся к фронтам, совершившим наибольший отход в летнюю кампанию 1915 года.

Последние месяцы 1915 года сопровождался относительно затишьем на нашем театре. Были некоторые частные операции, но их масштаб был небольшой и в общем можно установить с несомненностью, что русские армии морально отдохнули и к началу 1916 года настроение масс русской армии оправилось. Оно не носило на себе печать того горячего порыва, который был присущ началу войны, оно представляло собой спокойную уверенность. Это как раз отвечает той громадной организационной работе, которая творилась генералом Алексеевым по восстановлению нашей вооруженной силы после катастрофы летом 1915 года.

Но в этом восстановившемся настроении армии ярко проглядываются два тревожных симптома:

а) общее недовольство «тылом», под которым прежде всего понималась деятельность правительства. Это недовольство подготовляло во всех слоях армии почву чрезвычайно благоприятную для всякого рода слухов о бездарности, злоупотреблениях и даже изменах в верхах страны. Всякая критика быстро передается из уст в уста. Одним словом, армия, морально восстановившись в военном отношении, в политическом отношении представляет собой разболевшийся организм, к которому легко может привиться всякая зараза. Армия все более и более превращается в резонатор, в котором всякое революционное настроение тыла находит быстрый и многократный отзвук;

б) разочарование к концу 1915 года в союзниках. В самом деле, полное жертвенное порыва действия русской армии в 1914 году заставили немцев перенести центр тяжести своих действий на летнюю кампанию 1915 года против России. Это резко меняет распределение немецких сил между французским и русским фронтами. Как мы говорили выше, в августе 1914 года это взаимоотношение выражалось так: 79 проц.

¹ Kuhl von. Der deutsche Generalstab. S. 68.

² With the Russian Army in 1914-1917. P. 350.

германских сил, действующих против французской, британской и бельгийской армий и 21 проц. германских сил, действующих против России. В январе 1915 года это взаимоотношение определяется так: против французской, британской и бельгийской армий — 69 проц., против русской армии — 31 проц.³

Таким образом, наши союзники не смогли помешать германцам удвоить свои силы против России и навалиться на нее, как раз в самое критическое для русской армии время.

Прежняя жертвенная готовность по отношению к своим союзникам сменяется в русской армии чувством горькой обиды и разочарования.

Пусть об этом разочаровании в союзниках свидетельствует один из их представителей, а именно неоднократно цитированный нами генерал Нокс. В воспоминаниях он записывает свой разговор 1 октября 1915 года с генерал-квартирмейстером штаба армий Западного фронта: «Разговор коснулся доли тягот, выпавших на долю каждого из союзников, и маленький Лебедев⁴, горячий патриот, увлекся вовсю. Он сказал, что история осудит Англию и Францию за то, что они месяцами таились, как зайцы в своих норах, свалив всю тяжесть на Россию. Я, конечно, спорил с ним и указывал ему, что если бы не Англия, то Архангельск и Владивосток были бы заблокированы и Россия вынуждена была бы заключить мир весной 1915 года. Я напоминал ему, что, хотя в мирное время мы имели лишь ничтожную армию, сейчас ее численная сила почти равна русской, и это несмотря на то, что численность нашего населения всего 45 000 000, а России — 180 000 000. Относительно Франции я повторил слова Делькассе, что для того чтобы усилия России достигли уровня напряжения Франции, первая должна была бы мобилизовать 17 000 000. Лебедев ответил, что не желает сравнивать, что сейчас делает каждая из армий, но он сожалеет, что в Англии не понимают, что текущая война непосредственно грозит ее существованию. Несомненно, что Англия делает много, но она не делает всего, что она могла бы делать. Россия же ничего не бережет и все отдает; что может быть ей дороже, чем жизнь ее сынов? Но она широко ими жертвует. Англия же широко дает деньги, а людей своих бережет. Число людей, которыми Россия готова жертвовать, ограничивается лишь возможностями их вооружения. Эти возможности, как я знаю,

ограничены. Англия ведет эту войну, как будто это обыкновенная война, но это не так. Из всех союзников России легче всего заключить сепаратный мир. Правда, она при этом может потерять Польшу, но Польша России совсем не нужна. России придется заплатить контрибуцию, но через 20 лет после этого Россия восстановит все свои силы. Не таково положение Англии. Если Германия выиграет войну, то через 20 лет Германия будет иметь флот в три раза сильнее английского. Затем он сказал: «Мы же продолжаем войну. Мы отдаем все. Думаете ли вы, что нам легко видеть длинные колонны населения, убегающего перед вторгающимися немцами. Мы прекрасно сознаем, что дети на этих повозках не доживут до весны». Что мог я ответить на это, ибо я знал, что многое из того, что говорил Лебедев, была правда. Я говорил, что мог. Я надеюсь только, что говорил не глупее того, что высказывали некоторые из наших государственных деятелей, на беседах которых я присутствовал».

В толще армии и в глубинах народа широко всходила мысль, что будто бы война нам была ловко навязана союзниками, желавшими руками России ослабить Германию. Автору часто приходилось слышать начиная с зимы 1915-1916 гг. циркулировавшую среди солдатской массы фразу: «Союзники решили вести войну до последней капли крови русского солдата».

Мысль о том, что русский народ втянут в войну вопреки его интересам особенно легко прививалась к темным народным массам, в которых доверие к правительству было в корне подорвано.

Кампания 1916 года

Кампания 1916 года начинается опять требованием со стороны союзников помощи от России.

Германские атаки на Верден ускоряют начало наступательных операций на наших Северном и Западном фронтах. Несмотря на то что время года делало невозможным ведение в России каких-либо наступательных операций, русское Верховное главнокомандование решило все-таки произвести такую в широком размере для отвлечения на себя немецких сил с французского театра. Атаки начались на Западном фронте в районе озера Нароч 15 марта и на Северном фронте в районе Якобштадта и Двинска 21 марта. Прорывы не удались. Захват 2-3 тысяч пленных и оттеснение противника на некоторых участках на 2-3 версты, конечно, не отвечали тем громадным потерям, которые понесли русские армии. 30 марта приказано было

³ General Buat. L'armee allemande pendant la guerre, 1914-1918.

⁴ Генерал Павел Лебедев. — Примеч. Н. Г.

приостановить наступление. Правда, помощь французам была осуществлена, так как с 22 по 30 марта германские атаки у Вердена прекратились, но неудача наступления не могла не оказать влияния на моральную сторону русского командования.

В этом мы можем убедиться из одного характерного разговора с генералом Алексеевым, записанного М. Лемке в его книге «250 дней в царской Ставке». Этот разговор происходит 29 марта⁵, т. е. непосредственно под впечатлением вышеупомянутых наступлений на наших Северном и Западном фронтах.

М. Лемке, состоявший офицером военцензурного отделения Ставки, беседовал со своим начальником генерал-квартирмейстером Ставки генералом Пустовойтенко, когда в комнату вошел М. В. Алексеев.

В завязавшемся разговоре М. В. Алексеев сказал:

— Да, настоящее не весело...

— Лучшее ли будущее, ваше высокопревосходительство? — спросил М. Лемке.

— Ну, это как знать... — ответил М. В. Алексеев. — О, если бы мы могли его предупредить без серьезных ошибок. Это было бы величайшим счастьем для человека дела и величайшим несчастьем для человека чувства...

— Верующие люди не должны смущаться таким заглядыванием, потому что всегда будут верить в исправление всего высшею волею, — вставил Пустовойтенко.

— Это совершенно верно, — ответил Алексеев, — и вы знаете, только ведь и живешь мыслью об этой высшей воле, как вы сказали. А вы, вероятно, не из верующих? — спросил он М. Лемке.

— Просто атеист, — посмеялся Пустовойтенко...

— Нет, а я вот счастлив, что верю и глубоко верю в Бога, и именно в Бога, а не в какую-то слепую и безличную Судьбу. Вот вижу, знаю, что война кончится нашим поражением, что мы не можем кончить ее чем-нибудь другим, но вы думаете меня это охлаждает хоть на минуту в исполнении своего долга? Нисколько, потому что страна должна испытать всю горечь своего падения и подняться из него рукой Божьей помощи, чтобы потом встать во всем блеске своего богатейшего народного нутра.

— Вы верите также в это богатейшее нутро? — спросил Лемке.

— Я не мог бы жить ни одной минуты без такой веры. Только она и поддерживает меня в моей роли и моем положении... Я человек простой, знаю жизнь низов гораздо

больше, чем генеральских верхов, к которым меня причисляют по положению. Я знаю, что низы ропщут, но знаю и то, что они так испакошены, так развращены, так обезумлены всем нашим прошлым, что я им такой же враг, как Михаил Савич⁶, как вы, как все мы...

— А вы не допускаете мысли о более благополучном выходе России из войны особенно с помощью союзников, которым надо нас спасти для собственной пользы?

— Нет, союзникам вовсе не надо нас спасать, им надо только спасать себя и разрушить Германию. Вы думаете, я им верю хоть на грош? Кому можно верить? Италии, Франции, Англии... Скорее Америке, которой до нас нет никакого дела... Нет, батюшка, вытерпеть все до конца, вот наше предназначение, вот что нам предопределено, если человек вообще может говорить об этом... Армия наша — наша фотография. Да это так и должно быть. С такой армией в ее целом можно только погибать. И вся задача командования свести эту гибель к возможно меньшему позору. Россия кончит прахом, оглянется, встанет на все свои четыре медвежьи лапы и пойдет ломать... Вот тогда мы узнаем ее, пойдем, какого зверя держали в клетке. Все полетит, все будет разрушено, все самое дорогое и ценное признается вздором и тряпками...

— Если этот процесс неотвратим, то не лучше ли теперь же принять меры к спасению самого дорогого, к меньшему краху, хоть нашей наносной культуры? — спросил Лемке.

— Вы бессильны спасти будущее, никакими мерами этого не достигнуть. Будущее страшно, а мы должны сидеть сложа руки и только ждать, когда же все начнет валиться. А валиться будет бурно, стихийно. Вы думаете, я не сижу ночами и не думаю хотя бы о моменте демобилизации армии. Ведь это же будет такой поток дикой отваги разнуздавшегося солдата, который никто не остановит. Я докладывал об этом несколько раз в общих выражениях, мне говорят, что будет время все сообразить и что ничего страшного не произойдет; все так-де будут рады вернуться домой, что о каких-то эксцессах никому в голову не придет... А между тем к окончанию войны у нас не будет ни железных дорог, ни пароходов, ничего — все износили и изгадили своими собственными руками.

Может быть, при передаче этого разговора М. Лемке стусил краски. Но мы думаем, что все-таки он верно рисует пессимистическое настроение в верхах нашего главного командования, явившееся результатом неудач нашего наступления против немцев.

⁵ По новому стилю.

⁶ Генерал М. С. Пустовойтенко. — Примеч. Н. Г.

Это влияние ярко сказалось и на совещании главнокомандующих, собранном в Ставке 14 апреля. Если внимательно проштудировать протокол этого совещания, станет совершенно очевидным, что главнокомандующий Северным фронтом генерал Куропаткин и главнокомандующий Западным фронтом генерал Эверт «потеряли сердце»; они не верят в успех, хотя и не смеют это сказать прямо. Один только главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Брусилов бодро смотрит на предполагаемое в мае общее наступление.

Тем не менее генерал Алексеев настаивает на том, что главный удар должен быть произведен на нашем Западном фронте. Но пониженное настроение духа главнокомандующего Западным фронтом генерала Эверта сказывается на том, что время начала общего наступления откладывается.

Тем временем на Итальянском театре произошла катастрофа. От России снова требуется экстренная помощь. План наступления, намеченный генералом Алексеевым на лето 1916 года, был нарушен требованием ускоренной помощи итальянцам. Это нарушение расчетов генерала Алексеева, несомненно, должно было отразиться на всем стратегическом ходе событий в Галиции и помешать генералу Алексееву использовать в полной мере достигнутые в Галиции тактические результаты.

22 мая (4 июня) четыре русские армии (8, 11, 7, и 9-я) Юго-Западного фронта начали свои атаки, которые и привели к величайшей Галицийской битве 1916 года, продолжавшейся около четырех месяцев. Тактические результаты этой битвы были громадными. Взято было в плен 8 924 офицера, 408 000 нижних чинов, захвачено 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов. Отнята у противника территория более чем в 25 000 кв. км. Таких результатов не достигла ни одна наступательная операция наших союзников в 1915, 1916 и 1917 гг.

С общесоюзной точки зрения, стратегические результаты нашего наступления в Галиции были также большими: во-первых, итальянская армия была спасена, так как австро-венгерская армия должна была прекратить свое наступление в Италии и перебросить против России до 15 дивизий; во-вторых, положение французской армии было сильно облегчено, так как немцы вынуждены были перебросить с французского театра на наш 18 дивизий⁷ и четыре дивизии сформированных внутри страны; в-

третьих, положение союзников на Салоникском фронте тоже значительно облегчено, так как с этого фронта было увезено против России 3,5 германской дивизии и 2 лучшие турецкие дивизии; в-четвертых, новое решительное поражение австро-венгерских армий вынуждало Германию усилить постоянную поддержку своего близкого к окончательному крушению союзника; в-пятых, успех русской армии обусловил выступление Румынии против центральных держав.

Надлом духа в стране

Но все перечисленные стратегические выгоды выпадают не на сторону России, а на долю союзников. Даже выступление Румынии было для России менее выгодным, чем пребывание ее в нейтралитете, ибо это выступление заставило нас уступать Румынии часть нашего заграничного ввоза, который и без того был катастрофически ограниченным.

Боевые успехи, достигнутые на Юго-Западном фронте, вызвали подъем настроения в тех частях русской армии, которые дрались на Юго-Западном фронте. В противоположность этому влиянию неудача попыток прорыва германских позиций на нашем Западном и Северном фронтах отрицательно сказалась на духе дравшихся там войск. На Западном фронте после ряда колебаний главнокомандующего этим фронтом генерала Эверта была произведена атака в середине июня на Барановичском направлении, повторенная затем после перегруппировки в первых числах июля. При обоих этих наступлениях мы не имели того превосходства в артиллерийском огне, которое требуется современными условиями огневого боя. Неся громадные потери, наши войска продвинулись лишь на незначительное расстояние, после чего атаки и были прекращены. Но даже в таких неблагоприятных условиях наши наступления поставили немцев в очень трудное положение. Сам Людендорф признает, что положение немцев было близким к критическому.

Неудачи попыток прорыва немецких позиций на Северном и Западном фронтах чувствительнее отражались в нашем тылу и на общественном настроении, нежели победы в Галиции и на Кавказе (Эрзерум).

В растущем пессимизме все ошибки нашего командного состава рассматривались в увеличительное стекло. При этом совершенно упускалось из виду, что атаки наших союзников не приводили к большим результатам, чем наши атаки против немцев, несмотря на то, что в распоряжении

⁷ Снимаемая 18 дивизий с французского фронта, немцы немедленно формируют там новые 18 дивизий, но эти формирования производятся за счет уничтожения егерских батальонов во всех дивизиях. Таким образом, общая сила немцев во Франции все-таки уменьшилась на число отправленных против России дивизий.

союзных генералов было такое обилие технических средств, о котором у нас даже мечтать не смели.

Характерным документом, пропитанным этим преувеличенно критическим отношением к нашему командному составу, является Записка председателя Государственной думы М. В. Родзянко, составленная в конце 1916 года⁸. В ней много несправедливого, фактически неверного, и тем не менее она исторически чрезвычайно интересна как показатель тех настроений, которые господствовали в наших общественных кругах и которые, несомненно, влияли и на настроения армии. Охарактеризовать эти настроения можно так: вера в окончательный успех и доверие к командному составу совершенно подорваны. Вот те выводы, к которым приходит в своей Записке М. В. Родзянко.

«Подводя итоги вышесказанному, — пишет он, — приходится прийти к нижеследующим основным положениям, которыми армия объясняет себе неудачи 1916 года:

1. Русское высшее командование либо не имеет заранее подготовленных планов операций, либо, если их имеет, не выполняет (Ковельская операция).

2. Высшее командование не умеет или не может организовать крупную операцию на вновь открывающемся фронте частью за неимением достаточных сведений, частью за полной хозяйственной беспомощностью военных властей (Румынская операция).

3. Высшее командование не имеет единообразных методов обороны и нападения и не умеет подготавливать наступление.

4. В деле назначения и смены командного состава нет системы, и назначения на высшие посты носят часто случайный характер, благодаря чему посты занимают лицами не соответствующими занимаемому посту.

5. Высшее командование не считается с потерями живой силы и не проявляет достаточной заботливости о солдатах.

Эти основные причины, повлекшие за собой остановку наступления генерал-адъютанта Брусилова, повлекли за собой наш разгром в Румынии. Те же причины, которые потушили величайший в истории этой войны прорыв войск в начале 1916 года, ликвидировали и наши Румынские операции. Устранение этих общих причин неудач необходимо для победы, ибо армия отчетливо сознает, что если эти причины не будут устранены, то победы мы, несмотря ни на какие жертвы, не добьемся. Сознание это проникло глубоко в ряды

⁸ Записка еще нигде не напечатана; одна из ее копий хранится в Hoover War Library; эта Записка представляет собой тот доклад, посланный в Ставку, о котором М. В. Родзянко упоминает в своих воспоминаниях «Крушение империи».

армии и не только в ряды офицеров, но и в ряды простых солдат, и это обстоятельство при обсуждении вопроса о дальнейшем продолжении войны нужно всегда иметь в виду. Армия перестала верить своим вождям, армия не допускает, чтобы вожди могли бы распоряжаться целесообразно и правильно, армия находится в таком состоянии, что всякий злой слух, всякая клевета комментируются и принимаются как лишнее доказательство полной неспособности командного состава побороть встречающиеся на их пути затруднения и вести армию к победе. В силу этого в армии появляется вялое настроение, отсутствие инициативы, паралич храбрости и доблести. Если сейчас как можно скорее будут приняты меры к улучшению высшего командного состава, к принятию какого-либо определенного плана, к изменению взглядов командного состава на солдата и к подъему духа армии справедливым возмездием тех, которые неумелым командованием губят плоды лучших подвигов, то время, пожалуй, не упущено. Если та же обстановка сохранится до весны, когда все ожидают либо нашего наступления, либо наступления германцев, то успеха летом 1917 года как и летом 1916 года ожидать не приходится».

Читая теперь эти строки, трудно даже представить себе, что они написаны после величайшей из побед, равной которой не было одержано за 1914, 1915 и 1916 годы ни одним из союзников. Так смотрело на создавшееся положение вещей подавляющее большинство сознательной части армии и страны.

Что же происходило в темных солдатских и народных массах?

И в армии, и в стране ощущались потери, понесенные в 1916 году, которые достигали 2 060 000 убитыми и ранеными и 344 000 пленными⁹. Эти потери были тем более чувствительны, чем слабее было сознание в необходимости их для России; последнее же являлось непосредственным следствием того, что в народных массах доверие к правительству и вера в союзников были окончательно подорваны.

Осознание приносимых жертв является одним из основных условий для увеличения жертвенной способности народных масс. Это социально-психический закон, общий для всех народов. Вот вывод, сделанный одним французским военным писателем генералом Сериньи на основании его наблюдения за происходившим во Франции: «Объясните народу, что требования национальной охраны вынуждают применить всю совокупность коммерческого флота для перевозки американских войск и что вслед-

⁹ В одну только летнюю кампанию 1916 г. потери достигли 1 200 000 убитыми и ранеными и 212 000 пленными.

ствие этого размеры продовольствия должны быть сокращены до минимума. Он поймет это и примет как неизбежность. Но если вы отдадите резкий приказ сжать свои животы, он возмутится. В течение трех лет Германия испытывала с изумительной выдержкой гораздо худшие лишения, и это потому, что путем речей, газетных статей, лекций ее народу дали уразуметь всю необходимость требуемых жертв»¹⁰.

В этом отношении существовавшее в России положение было крайне неблагоприятным. Ни правительство, ни сами народные массы не были подготовлены к современным сложным формам управления. Представители первого привыкли только приказывать, считая даже, что всякие излишние рассуждения только подрывают авторитет власти, вторые вследствие своей малой культурности не были способны подняться выше интересов «своей колокольни» и осознать интересы широкого государственного значения. Положение же ухудшалось еще тем, что все представители русской интеллигенции были отброшены к концу 1916 года правительством в лагерь оппозиции. И в результате вместо того, чтобы слышать из уст представителей своих более образованных классов слова бодрости и разъяснения, народные массы слышали только критику, осуждение и предсказания неминуемой катастрофы.

Мы считаем, что для оценки настроения наших общественных кругов чрезвычайно характерны выдержки из письма А. И. Гучкова, написанного 15 (28) августа 1916 года генералу М. В. Алексееву: «Ведь в тылу идет полный развал, ведь власть гниет на корню. Ведь, как ни хорошо теперь на фронте, но гниющий тыл грозит еще раз, как было год тому назад, затянуть и ваш доблестный фронт, и вашу талантливую стратегию, да и всю страну в невылазное болото, из которого мы когда-то выкарабкались со смертельной опасностью. Ведь нельзя же ожидать исправных путей сообщения в заведывании г. Трепова, хорошей работы нашей промышленности на попечение князя Шаховского, процветания нашего сельского хозяйства и правильной постановки продовольственного дела в руках графа Бобринского. А если вы подумаете, что вся власть возглавляется г. Штюрмером, у которого (и в армии, и в народе) прочная репутация если не готового предателя, то готового предать, что в руках этого человека ход дипломатических сношений в настоящем и исход мирных переговоров в будущем, а, следовательно, и вся наша будущность, то вы поймете, Михаил Васильевич, какая смертельная тревога за судьбу нашей Родины охватила и

общественную мысль, и народные настроения... Мы в тылу бессильны или почти бессильны бороться с этим злом. Наши способы борьбы обоюдоостры и при повышенном настроении народных масс, особенно рабочих масс, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализовать. Я уже не говорю, что нас ждет после войны, надвигается потоп, и жалкая, дрянная, слякотная власть готовится встретить этот катаклизм мерами, которыми ограждают себя от проливного дождя: надевают галоши и открывают зонтик... Можете ли вы что-нибудь сделать? Не знаю. Но будьте уверены, что наша отвратительная политика (включая и нашу отвратительную дипломатию) грозит пересечь линии вашей хорошей стратегии в настоящем и окончательно исказить ее плоды в будущем. История, и в частности наша отечественная, знает тому немало грозных примеров».

Выражение всеобщего недовольства, окончательное падение авторитета власти, предчувствие, даже уверенность в надвигающейся страшной катастрофе, можно увидеть решительно во всех мемуарах, относящихся к этому времени. Во всех слоях общества и народа ползли слухи один мрачнее другого. Почти открыто говорилось о необходимости династического переворота.

Страна была окончательно деморализована. Из такого тыла не мог уже вливаться в армию дух бодрости; такой тыл мог только вносить в армию дух разложения.

*Публикацию подготовил
И. А. АНФЕРТЬЕВ*

**В 1994 году редакция
продолжит публикацию
известных широкому
читательству материалов
о российской армии.
В ближайших номерах
мы начнем печатать
отрывки из книги
«РОССИЙСКИЕ ОФИЦЕРЫ».**
Из них читатель узнает,
было ли дореволюционное
офицерство на самом деле
далеким от народа,
сословным и кастовым,
что за обстоятельства влияли
на карьеру офицера,
каким был его духовный
и нравственный облик,
материальное положение.

¹⁰ General Serigny. Reflexions sur l'art de la guerre.

СОБЫТИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ (1891-1903 гг.)

При всей незначительности многих государств и той роли, которую они играли в мировой политике, их сочувствие или дружба имели для нас и чисто практическое значение. Русским эскадрам при их движении на Дальний Восток приходилось идти, между прочим, и мимо владений Дании, Испании, Голландии и пр. Очевидно, для нас было далеко не безразлично, как отнесутся эти государства к русским интересам и к потребностям наших морских сил. Дружелюбное же настроение тех государств, которые, подобно Румынии, примыкали к нашей западной границе, усиливало безопасность пограничной черты, т. е. позволяло нам свободнее располагать имеющимися здесь войсками для отправки их на тот же Дальний Восток¹.

Из числа остальных пограничных с Россией держав Швеция, Турция и Персия, занятые главным образом своими внутренними делами, оставались совершенно спокойными. 30 января султан пригласил к себе русского посла и просил его доложить государю императору, что, сожалея о войне, в которую вопреки своей воле вовлечена Россия, он, султан, от глубины души желает его величеству полного благополучия и убежден, что русские войска покроют себя славою². На запрос, сделанный в начале февраля Англией, какое положение займет Турция, если англичане примкнут к японцам в их борьбе с Россией, турецкое правительство отвечало, что оно твердо намерено и при подобных обстоятельствах соблюдать строгий нейтралитет. Но если бы русское правительство дало своему Черноморскому флоту приказание пройти через проливы, то Турция затруднилась бы принять какие-либо меры...³

Наш же сосед на Дальнем Востоке Корея усиленно заявляла всем державам о своем твердом намерении соблюдать в начинавшейся здесь борьбе «строжайший нейтралитет»⁴. Голос ее не был услышан, и она сделалась для Японии такой же первоначальной базой, какой она уже была для японцев еще десять лет тому назад в период японо-китайской войны.

Одним из интереснейших вопросов являлся для нас вопрос о том, останется ли нейтральным в надвигавшейся борьбе Китай и насколько добросовестно выполнит он свои обязанности в том случае, если не примет вооруженного участия в этой борьбе. «В случае вооруженного столкновения с Японией, — писал наместник графу Ламздорфу, — вопрос о нейтралитете Китая имеет для нас несомненно большое значение»⁵.

Хотя секретный договор 1896 года, не отмеченный ни одним из позднейших соглашений, и возлагал на Китай обязательства союзника при нападении японцев на русские владения Тихого океана, тем не менее становилось очевидным, что все последующие события — видимое сближение Китая с Японией, восстание боксеров 1900 года, бомбардировка китайцами Благовещенска, разрушение ими же русских железнодорожных линий, появление русских войск в Маньчжурии... что все это вместе взятое, наряду с усиленным давлением на Китай со стороны Англии и Японии, решительно отклонит Китай от добросовестного и точного выполнения обязательств 1896 года. Эти предположения осуществились вполне...

Но если мы не могли рассчитывать на Китай как на союзника, мы все же могли требовать от него, чтобы он оставался по крайней мере нейтральным.

В этом отношении поведение Китая в случае

Окончание. См.: Воен.-истор. журнал. 1993. № 10.

нашей войны с Японией долгое время рисовалось нам совершенно неопределенным.

Уже в октябре 1903 года появились слухи, что между Японией и Китаем начались переговоры о союзе и что в случае войны армии китайских генералов Юаньшикая и Ма будут двинуты на север...⁶ 18-го из «серьезного источника» пришло известие, что если мы не сделаем уступки относительно Маньчжурии, то Япония и Китай весьма скоро объявят нам войну⁷. В конце декабря были получены сведения, что с согласия печилийского вице-короля японцы устраивают продовольственную базу близ Тяньцзина⁸. Тогда же подполковник Самойлов писал начальнику временного военного штаба наместника генералу Флугу, что совместные действия Китая и Японии против нас — дело, по-видимому, решенное...⁹.

Между тем китайские сановники уверяли, что о совместных действиях Китая с Японией не может быть и речи¹⁰, а за три недели до объявления войны по собственному почину сообщили японскому и французскому посланникам в Пекине, что в случае разрыва России с Японией Китай будет держаться самого строгого нейтралитета...¹¹. Впоследствии, уже по объявлении войны, Лессар писал, что Китай, по-видимому, вполне искренне заявляет о своем нейтралитете. По его словам, при китайском дворе убедились, что возбуждение в соседних с Китаем странах найдет отголосок в самой империи, что в этом кроется главная опасность, что все усилия правительства должны быть направлены к обеспечению порядка, и прежде всего в самой столице. А достигнуть этого возможно только при самом строгом нейтралитете¹².

Мысли китайского правительства расходились, однако, с его делами. Кроме того, оно было бессильно обуздать деяния и стремления отдельных властей. Юаньшикай, вице-король Печили, требовал, например, чтобы китайские войска были передвинуты к северу, к пограничной с Маньчжурией линии, требовал, то во время, когда двор и князь Цин, расположенные к России сравнительно дружелюбно, неоднократно заявляли, что «Китай непоколебимо намерен строго соблюдать объявленный им нейтралитет»¹³.

Тот же Юаньшикай говорил русским представителям, что сохранит на севере Китая полнейший нейтралитет и спокойствие в течение всей войны лишь в том случае, если Россия даст формальное обещание, что не будет отчуждать земель ни в Монголии, ни в Кашгаре¹⁴. При подобном влиянии и значении отдельных вице-королей немудрено, что обещания центрального правительства не вызывали к себе особого доверия и вопрос о сохранении Китаем строгого нейтралитета был подвержен серьезному сомнению. Само объявление об этом нейтралитете сделано Китаем 30 января¹⁵. Впоследствии пришлось повторить это заявление еще несколько раз¹⁶.

Как только началась война, американский статс-секретарь по иностранным делам Хэй сей-

час же предложил державам войти в общее соглашение относительно ограничения борьбы между Россией и Японией известными пределами и относительно нейтрализации китайской территории¹⁷.

Эта идея возникла прежде всего в Берлине, где, по уверению германского посла в Вашингтоне барона Штернбурга, были очень озабочены господствовавшим в те дни в Китае брожением умов, возраставшей агитацией секретных обществ и предположенным выездом из Пекина богдыхана и императрицы-регентши. По мнению берлинского кабинета, если бы русско-японские операции перешли на территорию собственно Китая, то здесь несомненно вспыхнули бы новые беспорядки, еще более грозные по своим размерам, чем смуты 1900 года. Наиболее целесообразной мерой против этих нежелательных и опасных беспорядков являлась, по расчету германского правительства, нейтрализация Китая и ограничение военных действий известными пределами. Только подобным путем и можно было успокоить пекинский двор и китайский народ, а вместе с тем избежать и новых осложнений.

По словам барона Штернбурга, берлинский кабинет сам охотно взял бы на себя инициативу указанного выше предложения, если бы не боялся встретить со стороны некоторых держав, и в особенности со стороны Англии, недоверчивого отношения к мотивам подобного шага. Германский посол добавил, что то же предложение, сделанное Соединенными Штатами, имеет несравненно больше шансов найти благоприятный отклик у других кабинетов.

Предложение берлинского кабинета было встречено Рузвельтом и Хэем с полным восторгом. Им казалось, что оно является средством, могущим увенчать их лаврами и составить новый триумф американской дипломатии¹⁸. Но они ошиблись.

Германия, конечно, первая и без всяких оговорок присоединилась к американскому предложению. Австро-Венгрия также дала свое согласие, но при этом подчеркнула почти полное отсутствие ее интересов на Дальнем Востоке. Остальные державы, подписавшие Пекинский протокол 1901 года, за исключением России, Франции, Англии и Японии, ответили в утвердительном смысле, эти же четыре державы — с известными оговорками и дополнениями.

Франция заявила, например, о желательности распространить нейтрализацию и на иностранные концессии в Китае¹⁹, а Англия запросила разъяснений по некоторым непонятным для нее пунктам и ответила, что мысль Хэя требует внимательного обсуждения. В действительности она боялась, что нейтрализация Китая может помешать ей в ее планах относительно устья р. Янтсекианга²⁰.

Япония заявила о своей готовности принять американское предложение, если оно вместе с тем будет принято и русским правительством и если Россия будет строго придерживаться изложенных в ноте Хэя условий²¹.

Но Россия как раз и не могла принять американское предложение без известных ограничений.

Нейтрализация Китая при полной неизвестности, в каких частях Азиатского материка последует высадка японских войск и какого образа действий будут держаться как Япония, так и почти открыто сочувствовавшие ей державы, была бы, по словам графа Ламздорфа, актом, направленным исключительно в ущерб России, для которой «операционной базой служила как раз китайская пограничная территория»²²... Поэтому 5 февраля русский министр иностранных дел отметил, что Россия готова присоединиться к общему соглашению держав о нейтрализации Китая только в том случае, если сам Китай будет строго соблюдать все правила нейтралитета, если Япония будет честно относиться к принимаемым ею на себя обязанностям и к установленным началам международного права и если, конечно, нейтрализация Китая не распространится на Маньчжурию, территория которой силой обстоятельств будет служить для обеих сторон театром их боевых операций²³.

Последняя оговорка была принята и остальными державами. Даже англичане нашли, что требование о нейтрализации Маньчжурии было бы безрассудным²⁴. Делькассе заявил, что, говоря о необходимости ограничить военные действия известными пределами, ни он, ни кабинеты Лондона и Берлина и не думали о Маньчжурии²⁵. Сам Хэй нашел русские оговорки вполне справедливыми²⁶ и просил русского посла в Вашингтоне уверить графа Ламздорфа, что американское предложение не заключало в себе никакой враждебной нам задней мысли²⁷. В результате русским правительством было установлено, что линия, отделяющая нейтральной территории Китая от остальной Маньчжурии, пойдет по железным дорогам Инкоу — Губанцзы — Синь-Миньтин и, не доходя пяти верст от этого пункта, повернет на запад по р. Ляохэ. Никаких возражений на это решение со стороны остальных держав не последовало. Попытки китайцев настоять, чтобы границей нейтральной территории была признана р. Ляохэ, закончились неудачей.

Почти одновременно с этим общим вопросом возник и частный вопрос о нейтрализации Печилийской провинции. Подобная мера должна была предупредить волнения в китайской столице и столкновение между охраняемыми отрядами русской и японской миссий²⁸. К французскому посланнику в Пекине Дюбайлю, первым сделавшему это предложение, примкнули германский, итальянский и английский посланники, причем последний оказал Дюбайлю даже особое содействие. Однако германский посланник почти не принимал никакого участия в совещаниях остальных трех и высказал Лессару свое убеждение, что берлинский кабинет откажется от каких-либо мероприятий в этой области, если таковые не войдут в виды русского правительства²⁹. В действительности и предложение г. Дю-

байля могло только повредить русским интересам³⁰. Поведение Китая, быть может, вынудило бы нас нанести ему удар у стен Пекина. В таком случае нейтрализация Печилийской провинции помешала бы нашему плану и в то же время развязала бы руки китайцам, которые успели бы безнаказанно сосредоточить здесь, в ближайшем соседстве от нашего фланга, самые крупные силы. При столкновении с одной Японией та же нейтрализация не дала бы нам, как писал наместник, никакой реальной выгоды ввиду того, что в перенесении туда военных операций едва ли встретилась бы какая-либо надобность³¹...

Но самым стеснительным и неблагоприятным для нас явлением необходимо было признать появление на нашем правом фланге китайских войск Ма, за которыми стояли еще 50 тыс. человек Юаньшикая³².

При первом же известии о разрыве между Россией и Японией китайцы решили перевезти из Баодинфу в Шанхайгуань особый отряд в 10 800 человек при 24 орудиях³³. Передвижение таких сравнительно крупных сил из отдаленного пункта Печилийской провинции к границе Маньчжурии было принято нами за прямую угрозу, и китайскому правительству были сделаны надлежащие представления. В результате отправка этого отряда была отменена и китайцы заявили, что для борьбы с хунхузами они вышлют в Цзиньчжоу и Чаоян лишь самые небольшие силы.

Однако это заявление оказалось неверным. 17 февраля от наместника были получены сведения, что в Печилийской провинции китайцами вновь предприняты весьма внушительные военные приготовления. Так, десяти тысячный корпус генерала Ма шел к Чаояну и должен был расположиться в районе Чаоян—Гуаннин, железная дорога между Пекином и Синь-Миньтином стала усиленно охраняться, причем из Шандуна был выслан четырехтысячный отряд и вновь подготавливались еще 6 тыс. человек...

По предложению русского правительства французский, германский и американский посланники сделали попытки приостановить движение китайцев. Французский посланник указывал на весь вред отправки к северу больших войсковых масс, так как вследствие этого отвлекаются сколько-нибудь надежные силы из других частей Китая... Лишенные же средств для поддержания порядка, вице-короли не будут в состоянии бороться с волнениями и в конце концов вновь повторятся события 1900 года³⁴. Американский посланник Кончер также говорил о невозможности оставлять без войск все провинции Китая³⁵. Соединенные Штаты опасались, что Китай, сосредоточив на пограничной линии в Печили свои войска, вызовет затем «каким-нибудь неосторожным действием» известные осложнения и в результате Россия окончательно присоединит Маньчжурию к своим владениям³⁶.

Представления посланников успехом не увенчались, а представления Лессара встретили хотя и вежливый, но решительный отказ. Повторяя

обыкновенные уверения в дружбе и обещания сохранить нейтралитет, кн[язь] Цин говорил, что принимаемые меры отнюдь не направлены против России и что они вызваны необходимостью поддержать в стране спокойствие и защитить миссионеров от хунхузов, которые ввиду военных действий в Маньчжурии сосредоточиваются на границе Печилийской провинции...

В начале марта были получены сведения, что передвижение китайских войск к северу принято по настояниям Японии³⁷. Прикрываясь китайскими силами и сочувствием местного населения, японцы получали возможность пользоваться и той железнодорожной линией на Синь-Миньтин, которая приводила их в ближайшее соседство к правому флангу русских армий. По мере наших неудач тон китайских газет становился по отношению к России все более и более вызывающим³⁸.

Из сказанного выше видно, что подготовка к войне в политическом отношении в сущности отсутствовала. Мы имеем за собой сочувствие многих народов, но этим все дело и ограничивалось. Отношения же к нам государств, имевших для данной борьбы наибольшее значение, т. е. отношения Англии, Германии и Китая, оставались или безусловно враждебными, или маловыясненными.

В результате мы не имели твердой уверенности ни за свой тыл в Европе, ни за свой правый фланг (а отчасти и тыл) на самом театре борьбы. Никаких союзников на случай вооруженного столкновения с Японией подготовлено не было, никакой помощи стратегии со стороны политики оказано не было. Это легко объясняется существовавшей в нашем Министерстве иностранных дел полной уверенностью в том, что решение вопроса о мире и войне не зависит от нас самих и что, следовательно, при нашем искреннем желании не доводить дела до кровавой борьбы мы всегда успеем известными уступками умиротворить взволнованную Японию.

В свою очередь последняя успела еще в 1902 году обеспечить себя союзом с Англией на целых пять лет, т. е. на срок, с избытком покрывавший даже наиболее долгий период намеченной японцами войны. В то же время, выступив защитницей англо-американских и китайских интересов в Маньчжурии, Япония приобрела и моральную поддержку Америки, и сочувственную помощь Китая. Поддержка же Америки могла оказаться весьма ценной как в ту минуту, когда Япония понесла бы крупную неудачу, так и в ту, когда ей понадобились бы деньги на дальнейшее продолжение тяжелой борьбы.

Таким образом, Россия начинала эту борьбу без союзников, а Япония — опираясь на два государства, владевшие сильнейшими в мире эскадрами и богатейшими запасами золота. Получалась знакомая страница из русской истории — одиночество русского человека в его борьбе с внешними врагами³⁹ и наличие хотя и скрытых, но, безусловно, сгруппированных враждебных сил...

Вместе с тем в 1904–1905 гг. повторилась еще и другая страница истории. С нами произошло на Дальнем Востоке то же самое, что уже случилось здесь с русскими людьми во второй половине XVII столетия, когда «русским, слишком выдвинувшимся вперед без обеспечения надлежащей базы, пришлось уступить Китаю», пришлось очистить Албазин и по Нерчинскому трактату на целых полтора столетия отказаться от дальнейшего движения на Амур и Китай⁴⁰.

Как в том, так и в другом случае мы были, в общем, в центре государства много сильнее, чем наши враги, но были вынуждены вести борьбу на далекой от этого центра и потому слабой окраине... «Борьба наша на Дальнем Востоке с Японией, — писал контр-адмирал Макаров еще в 1896 году, — не будет борьбой двух государств, а борьбой одного государства против колонии другого»⁴¹. Между тем, по меткому выражению китайцев, «концом даже сильного самострела ничего нельзя сделать». Вероятность неудачи русского оружия была предсказана еще в 1871 году одним из лиц, хорошо изучивших и Японию, и ее народ, и всю обстановку на Дальнем Востоке. «Борьба в пределах Японских островов или на Японских морях, — писал Венюков, — имеет для России всю вероятность на неудачный исход, ибо местности эти от средоточия ее сил удалены на 12–15 тыс. верст, а японцы тут у себя дома»⁴².

В указанном выше печальном историческом факте из XVII столетия лежит, однако, и счастливое указание на будущее: Нерчинский трактат хотя и отдалил, но не остановил нашего дальнейшего движения к Тихому океану. Ко второй половине XIX века Амур все же оказался не в китайских, а в русских руках.

Очень возможно, что судьба Нерчинского трактата ожидает и договор, заключенный в 1905 году в еще более отдаленном и чуждом для нас Портсмуте...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нейтралитет объявили: Соединенные Штаты (tel. du comte Cassini, 31 Janvier (13 Fevrier) 1904; МИД, всеподдан. доклады с 1 января 1904 г.); Румыния (депеша Гирса от 24 февраля 1904 г., № 20); Аргентина (нота французского представителя в Буэнос-Айресе графу Ламздорфу от 14 февраля 1904 г.); Австро-Венгрия («Wiener Zeitung» от 17 февраля 1904 г.); Испания (офиц. «Мадридская газета» от 11 февраля 1904 г.); Великобритания (объявление от 29 января (11 февраля) 1904 г.); Дания (нота от 11 февраля 1904 г.); Германия (объявление от 31 января (13 февраля) 1904 г.); Франция (объявление от 2(15) февраля 1904 г.); Швеция и Норвегия (королевский декрет от 27 января (9 февраля) 1904 г.); Нидерланды (офиц. «Правительственный вестник» от 31 января 1904 г., № 25; МИД, дело о нейтралитете).

² Телегр. д. т. с. Зиновьева от 30 января (12 февраля) 1904 г. (МИД, всеподдан. доклады с 1 января 1904 г.).

³ Депеша Зиновьева от 7(20) февраля 1904 г., № 34. (МИД, дело о нейтралитете Англии).

⁴ Депеша Павлова от 1(14) января 1904 г.; депеша гр. Кассини из Вашингтона от 18(31) января 1904 г.;

сообщение корейского посланника от 23 января 1904 г. (МИД, дело № 8, ч. 10).

⁵ Телегр. ген.-адм. Алексеева от 20 января (2 февраля) 1904 г. (МИД, переговоры с Китаем, третий период, ч. 6).

⁶ Рапорт воен. агента в Японии заместнику 18(31) октября 1903 г., № 185. (Дело бывш. VII отд. Главн. штаба №12).

⁷ Дешеша ген. Дессино из Шанхая от 18 ноября 1903 г., № 345. (Дело ВУА, № 38983, л. 143).

⁸ Всеподдан. доклад воен. министра от 29 декабря 1903 г. (Дело бывш. VII отд. Главн. штаба № 12).

⁹ Письмо воен. агента в Японии ген. Флугу от 9 (22) декабря 1903 г. (Дело ВУА, № 39008, л. 8).

¹⁰ Дешеша Лессара от 27 декабря 1903 г. (МИД, дело № 8, ч. 9).

¹¹ Дешеша Лессара от 5(18) января 1904 г. (Там же).

¹² Телегр. Лессара от 29 января (11 февраля) 1904 г. (МИД, всеподдан. доклады с 1 января 1904 г.).

¹³ Заявления Лянфана от 16(29) апреля и от 20 апреля (3 мая) 1904 г. (Телегр. Лессара от тех же чисел; МИД, отношение Китая к русско-японской войне).

¹⁴ Телегр. надв. сов. Лаптева из Тянцина от 31 января 1904 г. (МИД, всеподдан. доклады с 1 января 1904 г.).

¹⁵ Телегр. Лессара от 30 января 1904 г. (МИД, всеподдан. доклады с 1 января 1904 г.).

¹⁶ Телегр. Лессара от 2(15) мая 1904 г. (МИД, дело о нейтрализации южной части Мукденской провинции).

¹⁷ Tel. secr. du comte Cassini, 29 Janvier (11 Fevrier) 1904. (МИД, дело о нейтрализации южной части Мукденской провинции).

¹⁸ Дешеша гр. Кассини из Вашингтона от 11 (24) февраля 1904 г., № 9. (МИД, дело о нейтрализации южной части Мукденской провинции).

¹⁹ Телегр. гр. Кассини от 1(14) февраля 1904 г. (МИД, дело о нейтрализации южной части Мукденской провинции).

²⁰ Tel. secr. du comte Benckendorff, 29 Janvier (11 Fevrier) 1908. (МИД, дело о нейтрализации южной части Мукденской провинции).

²¹ «Япония совершенно готова... И при условии, что Россия возьмет подобные обязательства и что она выполнит по доброй воле честно пункты и условия такой комбинации». (Здесь и далее текст, отмеченный курсивом, в оригинале на французском языке. Перевод В. А. Авдеева). (Ответ японского императорского правительства на предложение правительства Соединенных Штатов в отношении нейтралитета Китая в течение нынешней войны).

²² Телегр. гр. Ламздорфа графу Остен-Сакену от 29 января 1904 г., № 42. (МИД, дело о нейтрализации южной части Мукденской провинции).

²³ Memorandum, переданный 5 февраля 1904 г. за № 189 американскому послу г. Мак-Кормику, и телеграмма гр. Ламздорфа гр. Кассини от того же числа, № 86. (МИД, дело о нейтрализации южной части Мукденской провинции).

²⁴ Телегр. гр. Ламздорфа гр. Остен-Сакену от 30 января 1904 г. (МИД, всеподдан. доклады с 1 января 1904 г.).

²⁵ Tel. secr. de m-g Nelidow, 30 Janvier (12 Fevrier) 1904. (МИД, всеподдан. доклады с 1 января 1904 г.).

²⁶ «Хэй... признавал именно резервы, содержащиеся в ответе... на ноту». (Tel. secr. du comte Cassini, 7(20) Fevrier, 1904; МИД, дело о нейтрализации южной части Мукденской провинции).

²⁷ О том же говорил он графу Кассини и при самом

возникновении американского предложения. (Tel. secr. du comte Cassini, 29 Janvier (11 Fevrier) 1904; МИД, дело о нейтрализации южной части Мукденской провинции).

²⁸ Телегр. Нелидова от 31 января (13 февраля) 1904 г. (МИД, всеподдан. доклады с 1 января 1904 г.); tel. secr. de m-g Lessag, 29 Janvier (11 Fevrier) 1904. (МИД, дело о нейтрализации южной части Маньчжурской провинции).

²⁹ Телегр. гр. Ламздорфа Нелидову от 30 января 1904 г. (МИД, всеподдан. доклады с 1 января 1904 г.).

³⁰ На первый взгляд казалось, что гарантированный державами нейтралитет Печилийской провинции, закрывая ее для Японии, был для нас довольно выгодным.

³¹ Телегр. ген.-адм. Алексеева и Дашичао от 8(21) февраля 1904 г. (МИД, дело о нейтрализации южной части Маньчжурской провинции).

³² 50 550 чел., а считая с гарнизонными войсками, расположенными от Синь-Миньтина до Пекина, 66 000 чел. при 144 орудиях; у Ма насчитывали 8000 штыков, 2100 сабель и 40 орудий. По другим сведениям, у него было 55 тыс. чел. при 62 орудиях, а к июню 1904 г. ожидалось прибытие 4500 чел. с 30 орудиями. (Донесение воен. агента в Лондоне в Главн. штаб от 14 мая 1904 г., дело ВУА, № 39656, л. 296).

³³ Телегр. Лессара от 6(19) февраля 1904 г. (МИД, отношение Китая к русско-японской войне).

³⁴ Телегр. Лессара от 21 февраля (5 марта) 1904 г. (МИД, отношение Китая к русско-японской войне).

³⁵ Телегр. Лессара от 25 февраля (9 марта) 1904 г. (Там же).

³⁶ Телегр. гр. Кассини от 18 февраля (2 марта) и от 2(15) марта 1904 г. (Там же).

³⁷ Телегр. Лессара от 7(20) марта 1904 г. (Там же).

³⁸ Донесение воен. агента в Китае в Главн. штаб от 1 февраля 1904 г., № 69. (Дело ВУА, № 39656, л. 63).

³⁹ Не надо забывать, что золото было доставлено Японии Англией, боевые припасы — Америкой, броненосные суда и крейсера — верфями Германии, миноносцы — заводами Италии, даже обмундирование — образцами Франции, что все это было только прикрыто японским флагом, но шло из той же Европы и из Америки... «Кто аластовал в наших предприятиях на Востоке? — спрашивал военный инженер полковник Величко и отвечал: — По Восточно-Китайской и Маньчжурской дорогам — поляки, жида, чехи и др., по учреждениям Восточно-Китайской дороги — немцы и жида; во вновь учрежденном пароходстве при Восточно-Китайской дороге — немцы, голландцы, англичане; в угольных копях по Маньчжурской ветви — исключительно англичане; в поставке угля флоту и портам — японцы и еврей Гинсбург (монополия); в торговле и поставке разного рода материалов — немцы, англичане, японцы и китайцы». (Отчет о командировке полковника Величко в Порт-Артур и Талиен-ван. Арх. гл. инж. упр. № 137977).

⁴⁰ В старой Сибирской летописи имеются по поводу этого трактата следующие строки: «Россияне несправедливым образом перемогающе силою неприятелей с Амура вытеснены и, что еще несправедливее, насильственным мирным заключением река Амур за китайцами осталась».

⁴¹ Отчет... за время пребывания эскадры в Тихом океане в 1895 г. СПб., 1896. С. 39.

⁴² Венюков. О современном состоянии военных сил и средств Японии и Китая по данным 1869-1870 гг. //Воен. сборник. 1871. № 8. С. 223-256.

*Публикацию подготовил
В. А. АВДЕЕВ,
кандидат исторических наук*

«И дают
взамен
несколько
десятков
долларов»

РОССИЙСКОЕ
ДВОРЯНСКОЕ СОБРАНИЕ

119875, Москва, ул. Малая Знаменка, д. 5, тел. 203-01-23

Главному редактору
"Военно-исторического
журнала"
господину В.С.Ещенко

Милостивый государь Валентин Степанович!

Новая рубрика Вашего журнала "По страницам редких изданий", открываемая фрагментами книги К.П.Кушакова, потомственного русского дворянина и боевого офицера, с предисловием барона Владимира фон Кнорринга, является принципиально важной вехой не только в военной истории, но и в осмыслении всей новейшей истории нашего Отечества. Несомненно, что во многих семейных архивах найдутся уникальные историко-литературные материалы, не издававшиеся в советское время, и Российское Дворянское Собрание сделает все от него зависящее, чтобы эти редкие документы, мемуары и фотоархивы увидели свет.

Примите уверения в совершенном к Вам почтении

князь А.К.Голицын
Предводитель Российского
Дворянства

→ 58мм → (39%) и 10мм 22мм

Во многих семьях, особенно «из бывших», на Родине и в зарубежье чудом сохранились дневники, фотоархивы, мемуары и редкие издания, которые могут более полно и, главное, правдиво осветить малоизвестные или незаслуженно забытые факты нашей истории.

В библиотеке автора этих строк есть редкие книги уже далеких, но незабываемых предков о малоизвестных событиях военной истории России. У барона Готтхарда фон Кнорринга (Финляндия) хранятся изданные в Париже книги Николая Николаевича фон Кнорринга о героической судьбе русской военной эскадры Черноморского флота в 1917-1920 гг. Кстати, в Российской государственной библиотеке этой книги нет, а как важно вспомнить о тех событиях в наше полное противоречий время, когда вновь решается судьба Российского флота, о жизненном пути и военно-государственной деятельности замечательного русского генерала М. Д. Скобелева, стихотворные сборники дочери Николая Николаевича, Ирины Николаевны фон Кнорринг, погибшей в Париже талантливой поэтессы, многие из произведений которой до сих пор неизвестны в России.

В 1988 году, разбирая архив барона Г. фон Кнорринга, я всю ночь не мог оторваться от мемуаров Нины Борисовны фон Кнорринг (Дания) о судьбе беженцев, отступавших с армией Колчака до восточных границ России. Печальная миссия по реабилитации ее отца, Бориса Николаевича, выпала на мою долю... Удалось убедить Нину Борисовну подготовить рукопись к изданию, и в 1989 году эта прекрасная книга

была издана одним из лучших издательств Копенгагена.

Уверен, многие наши соотечественники смогут предложить для публикации мемуарные материалы и документы о прошлом, далеком и близком нашей Отчизны.

В этом номере журнала публикуются страницы совершенно неизвестной даже специалистам книги полковника русской армии Константина Порфирьевича Кушакова «Южно-маньчжурские беспорядки в 1900 году» — о политических и военных событиях на далеких восточных рубежах Российской империи.

Маньчжурия — северо-восточная часть Китая, название которой происходит от государства маньчжуров, существовавшего в XVII веке. На этой территории в начале XX века была построена железная дорога из России до Порт-Артура.

Правители маньчжурской династии Цин проводили политику постоянных уступок экспансии иностранных держав, которые хищнически осваивали безбрежный рынок Китая и его природные богатства. Рост налогов, отчуждение земель под железную дорогу, разрушение ирригационной системы резко ухудшили положение крестьян, и в 1900 году началось стихийное, неорганизованное восстание крестьянских масс. В его подготовке и проведении большую роль сыграли тайные общества, именуемые «и-хэ-цюань» («кулак во имя справедливости и согласия») и «дацюань» («большой кулак»). Отсюда возникло название восстания — боксерское. Восставшие выступали как против иноземных захватчиков, так и против местных феодалов-помещиков, но первое время их деятельность была направлена

против маньчжурской династии и проходила под лозунгом восстановления китайской династии Мин. Эти тайные общества создали вооруженную организацию, получившую поддержку народных масс.

В мае 1900 года многочисленные отряды повстанцев стали стягиваться к Пекину и Тяньцзиню и в июне вступили в эти города. Организованная США и Англией военная экспедиция под командованием английского адмирала Сеймура под натиском мятежников была вынуждена отступить. Тем временем восставшие блокировали квартал Пекина, где были расположены дипломатические и религиозные миссии иностранных государств, что заставило военную экспедицию союзников ускорить наступательные действия. 14 июля союзники овладели Тяньцзинем, а 15 августа — Пекином, где устроили массовую резню. Россия предложила вывести все иностранные войска из Пекина и отвела свои, но союзники продолжали усиливать интервенцию: в устье реки Янцзыцзян был введен английский флот, а в сентябре 1900 года в Китай прибыл значительный дополнительный контингент немецко-английских войск под общим командованием фельдмаршала А. Вальдезе. Лишь в середине 1901 года восстание удалось подавить, и 7 сентября 1901 года был подписан «Заключительный протокол» между иностранными державами и Китаем.

Все эти события описаны К. П. Кушаковым достаточно полно и с большой симпатией к китайскому народу, попавшему в клещи иностранных захватчиков и своих обнаглевших чиновников и феодалов.

Коротко об авторе. К. П. Кушаков родился 1 ноября 1868 года в семье потомственных дворян, в Московской губернии. Окончил курс в Ярославской военной гимназии, затем Чугуевское пехотное училище по первому разряду. В январе 1898 года был зачислен в охранную стражу Китайской военной железной дороги и в 1900 году принимал непосредственное участие в боевых действиях во время Маньчжурского военного конфликта. Книга К. П. Кушакова, изданная в 1902-году по следам событий, — свидетельство участника боевых действий. Он был награжден орденами св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», св. Станислава 2-й степени с мечами, св. Владимира 3-й степени с мечами, дважды Георгиевским оружием, Кавалерским крестом французского ордена Почетного легиона за спасение французской миссии в Мукдене, многими боевыми и юбилейными медалями на лентах цветов императорского дома. «...Высочайше разрешено принять и носить Кавалерский крест...» — сказано в его послужном списке.

После русско-японской войны полковник К. П. Кушаков был назначен начальником военного гарнизона г. Вятки. В 1916 году его назначили командиром 318-го Чернярского полка, которым он командовал до января 1918 года. Был несколько раз ранен и контужен.

Мой дед, муж старшей дочери К. П. Кушакова, прослужил в этом полку от подпоручика до штабс-капитана. По свидетельствам очевидцев, в полку был особый психологический климат и свой кодекс офицерской чести: запрещалось обращаться к нижним чинам на «ты», совершенно недопустимым было рукоприкладство. Примечательно, что во время революционных событий председателем совета солдатских депутатов полка был избран его командир — полковник Кушаков.

К. П. Кушаков

В 1917 году по идейным мотивам и в соответствии с нормами офицерской этики К. П. Кушаков принял беспрецедентное решение распустить полк и уйти в отставку. Есть веские основания считать К. П. Кушакова прототипом полковника Малышева из романа М. А. Булгакова «Белая гвардия». Реакцию полка на решение командира об отставке лучше всего иллюстрирует постановление общего полкового митинга: «...у землянок 318-го пехотного полка господами делегатами от Временного комитета Государственной думы с разрешения военных начальников был устроен объединенный митинг господ офицеров и солдат полка. По окончании речей господ делегатов офицеры и солдаты полка в форме восторженной овации убедительно просили командира полка полковника Кушакова не оставлять полк».

Далее судьба полковника Кушакова, боевого офицера, патриота и гражданина, сложилась традиционно для его сословия и была, конечно, трагична, но и не совсем обычна. После отставки (революция не позволила ему получить полагавшееся при этом чина генерала) и лечения в госпитале он прожил со своей семьей в Ташкенте, писал статьи на злободневные городские темы (сохранились некоторые газеты с его статьями). В политических диспутах и митингах, которыми была тогда насыщена жизнь большого города, не участвовал. Осенью 1921 года его арестовали. Но легко предсказуемый ход дальнейших событий был неожиданно нарушен: на следующий после его ареста день в приемной ЧК появилась элегантная, красивая женщина и спросила у дежурного, здесь ли содержится ее муж, Кушаков. Получив утвердительный ответ, она выхватила из муфты пистолет и потребовала открыть камеру. Нужно знать неукротимый темперамент и железный характер супруги Константина Порфирьевича, чтобы представить дальнейшее: камеру открыли, арестованного и дежурного по ЧК увезли и затем спрятали на

чердаке. Но, увы, было холодное время года, Константин Порфирьевич простудился, участились приступы бронхиальной астмы, и вскоре он умер.

Воспоминания о К. П. Кушакове бережно хранятся в нашей семье как об эталоне мужественности, честности, культуры и порядочности, т. е. тех качеств, которые были обязательны для русского офицера и дворянина. Его жена, моя прабабушка-грузинка, женщина редкой красоты, бескомпромиссности и личной храбрости, награждена за участие в русско-японской войне золотой медалью за храбрость. Она была единственной дочерью рано погибшего светлейшего князя Левана Давидовича Гуриели, ее удивительная судьба заслуживает отдельного повествования.

Книгу К. П. Кушакова издал муж его дочери, владелец типографии в Ашхабаде, Константин

Михайлович Федоров, один из образованнейших и эрудированных людей Туркестанского края, в молодые годы личный секретарь Н. Г. Чернышевского. Понимая, что книга из-за специфичности темы не сможет найти широкого читателя, К. М. Федоров выпустил ее очень маленьким тиражом, но в красивом переплете, с золотым тиснением, со многими фотографиями и картой Мукденской операции. На титульном листе надпись: «Весь чистый доход с этого издания предназначается в пользу Ашхабадской общины Закаспийского отдела Российского общества Красного Креста. Асхабад». Думаю, что это единственный и последний экземпляр книги, ценность которой бесспорна, а литературные достоинства ее будут видны читателю хотя бы из приводимых ниже фрагментов.

В. И. КНОРРИНГ

Южно-Маньчжурские беспорядки в 1900 году

ПРИЧИНЫ БЕСПОРЯДКОВ В МАНЬЧЖУРИИ

Многие стараются объяснить причины беспорядков в Маньчжурии ненавистью китайцев к европейцам на почве религиозного фанатизма. Прослужив более трех лет в разных местах северной и южной Маньчжурии, постоянно вращаясь в среде китайцев — купцов, землепашцев, мастеровых и чиновников, наконец, посещая неоднократно католические и протестантские миссии, я убедился, что китаец и маньчжур слишком поверхностный буддист. Они легко меняют особенно свою религию, если это приносит некоторые выгоды. Этим обстоятельством широко пользовались католические миссии, они всячески старались задобрить китайскую ад-

министрацию, чтобы доставлять некоторые удобства своей пастве, и почти всегда достигали полного успеха.

Китаец-католик реже был подвержен произволу при взимании податей, при несении общественных повинностей, его даже менее карали за проступки, у него всегда был изворотливый, разумный и сильный ходатай перед тифонгуаном, худутуном и даже дзянь-дзюнем в лице миссионера, перед которым мелкие чиновники раболепствовали. Каждый китаец прежде всего купец, в жизни им руководит главным образом расчет, не греха он боится, а банкротства. Будда ему менее страшен, чем чиновник-грабитель. Страшен Будда по древним книгам, внушительно его изображение в кумирне, но в карманы китайца он не заглядывает, а от чиновника трудно спрятать доллар, против этого чиновника нужен ловкий адвокат, таковым и является для христиан-китайцев миссионер, он даже не требует за свои труды денег, а только лишь предлагает изменить религиозные об-

Печатается по: К. Кушаков. Южно-маньчжурские беспорядки в 1900 году. Асхабад, Паровая типография К. М. Федорова. 1902.

В написании китайских фамилий и географических названий сохранена орфография автора.

ряды. Расчетливый торгаш-китаец не долго колеблется и устраивает коммерческую сделку со своим старым Буддой, он обещает ему остаться в душе буддистом и просит разрешения изменить лишь наружную оболочку. Многие пробовали, и Будда не наказал их за эту маленькую хитрость. Десятки тысяч начали менять наружную личину. Китайцы, живущие дальше от миссий, или более честно относящиеся к своей религии, или просто случайно не попавшие в число христиан благодаря огромной территории [Под]небесной империи, эти китайцы-буддисты с завистью смотрели на избранных, с ненавистью — на их ходатая-миссионера и покровителя-чиновника. На этой почве, а не на почве религиозного фанатизма энергичным вожакам разных тайных обществ, которым в Китае нет числа, легко было вербовать в свои ряды недовольных властями и возбужденных завистью к христианам, им обещалось вознаграждение награбленным у христиан имуществом и отнятыми земельными участками, что еще более привлекало массы в ряды революционеров.

Следующая категория формировалась из недовольных европейцами-промышленниками.

Европейцы, имеющие какие-либо коммерческие дела в Китае, зная продажность китайских чиновников, стараются прежде всего закупить администрацию той местности, где они решили обосноваться, не обращая ровно никакого внимания на интересы местного населения, на интересы собственников.

Китаец — умелый и усердный работник в своем крохотном именье, много он затрачивает трудов и энергии, чтобы вырастить свои бобы, хлопок, гаолян и чумызу, но еще больше энергии и изворотливости ему нужно, чтобы удержать за собой те крохотные доходы, которые получают от сборов. Купец-кулак, делясь процентами с чиновниками, захватывает в свои руки все: шаланги для сплава по рекам у него на откупе, без пропускного листа ни одно судно не пройдет мимо речной или морской пристани, а листы эти выдаются не только лишь после уплаты пошлины, но и взятки, без чего весь товар прикажут выгрузить на берег, будут его пересчитывать, перевешивать несколько дней, потребуются много времени и рабочих рук; перевозки тоже на откупе у кулака, для чужого товара он может оказаться несколько дней неисправным, даже в городские ворота не пропустят обоз без взятки или конвоя, высланного всемогущим купцом. Если найдется смельчак, решивший продать свой товар без помощи кулака и чиновника и уплативший

Генерал-лейтенант Д. И. Суботич.

все законные и незаконные поборы, то на него в дороге нападут хунгузы, которые тоже на откупе у купца и в ведении чиновника.

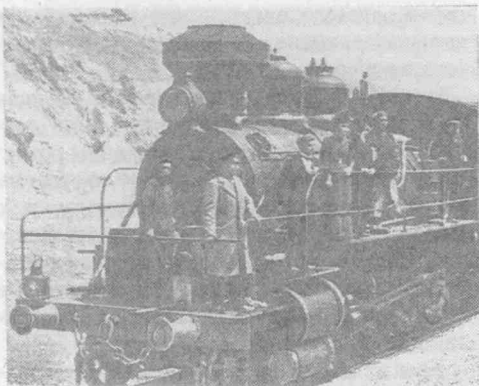
В Китае больше, чем в другой какой-либо стране, бездомных бродяг. За неимением заработка эти бродяги соединяются партиями, приобретают себе вооружение и предлагают свои услуги зажиточным помещикам и купцам. Те нанимают их для охраны своих поместий, заводов, магазинов или для охраны, конвоирования обозов и судов. Если этот личный конвой выполняет свои обязанности по найму добросовестно, то хозяин смотрит сквозь пальцы на их шалости на стороне, а иногда даже поощряет, если ему это выгодно, и старается защищать перед администрацией в случае жалоб со стороны обиженных. При сопровождении своих транспортов конвойцы ведут себя порядочно, на передовой шаланге или арбе развевается флаг с подписью фамилии собственника, на таможенных пристанях и у ворот городов старший конвоец с гордостью называет фамилию своего патрона, предъявляет открытый лист чиновника, и транспорт следует беспрепятственно. Когда же транспорт сдан, то конвой превращается в банду грабителей, которая на обратном пути безнаказанно пропускает только те товары, которые следуют с таким же конвоем и пропуском того же чиновника. Остальные же транспорты подвергаются разграблению или за них требуется выкуп.

В последние годы китайская администрация часто обращалась к русским войскам (охране), находящимся на постройке мань-

чжурской дороги, с просьбой о поимке хунгузов, особенно в тех случаях, когда предводитель шайки очень смелый и ловкий, с которым китайские войска не могут справиться, — это уже высшая кара для неаккуратных плательщиков-хунгузов. Я не помню случая, чтобы наши казаки не выследили и не поймали хунгузов, раз это им поручалось.

В этих же годах в Маньчжурии появились русские строить дорогу. Высшие представители этого огромного дела правильно оценили обстоятельства: было строжайше запрещено отдавать работы по постройке с подряда русским, все материалы должны были заготавливаться по возможности непосредственно из рук собственников-китайцев, рабочие должны были набираться из местного населения, дабы дать возможность заработка, расплата должна была производиться не через подрядчиков, а непосредственно в руки рабочим и проч.

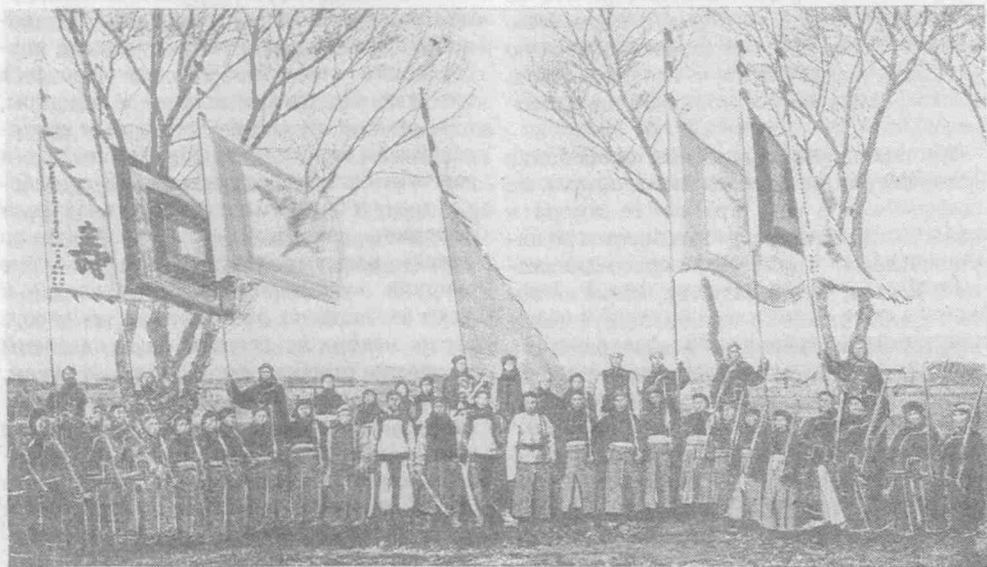
Были из-за отчуждения земель под строительство инциденты, потребовавшие даже военной силы, как на линии постройки дороги, так и в местах отчуждения под город Дальний; приходилось наказывать и употреблять в дело оружие в случаях явного сопротивления и при насилиях над служащими, были даже жертвы. Китаец очень привязан к съему именицу, любит его несравненно больше, чем свое обширное отечество. Предки его там похоронены, сам он прижился к своему уголку и надеялся, что дети и его там похоронят, а тут явились иноземные дьяволы, забирают его землю, фанзу и дают взамен несколько десятков долларов. Да он цены не знает своему клочку земли! Наконец, что для него эти

Отъезд строителей с поста перед беспорядками 1900 г.

доллары, когда он больше ничего не умеет, как только обрабатывать землю? Разве китайские власти позаботились о том, чтобы уступить ему взамен отобранного другой клочок земли, хотя бы даже и за такую цену, какую он получил.

Об этом никто не позаботился, я видел, что большинство собственников после отчуждения пошло в батраки к соседям. Прожив полжизни хозяином, идти в батраки, право же, тяжело. Около трех тысяч верст потребовалось отчуждать под линию дороги, солидные участки под станции, полустанки, казармы и даже целые города, на это потребовалось немало земли, и отчуждение обездолило тысячи семейств, которые с проклятием стали относиться к нам и только лишь к нам, не вдумываясь глубже и не ища виновников своих бед в лице своего же правительства, не сумевшего распорядиться умнее. Недовольные этой кате-

Китайские войска (солдаты и офицеры со знаменем) в войне 1900 г.

гории, следовательно, тоже представляли хороший элемент для вербовки полчищ революционеров.

При постройке содержалась и военная сила (охрана). Подобная мера была роскошью или, как многие иностранцы объясняли, дипломатической уловкой со стороны русских, а была крайней необходимостью ввиду полной неустроенности края и отсутствия в нем порядка, гарантирующего безопасность русских людей в Маньчжурии, и 1900 год красноречиво доказал эту необходимость.

Казачи и солдаты охраны народ уже немолодой, не увлекающийся своей ролью и неглупый, сами они, природные землепашцы, сочувствовали бедняку-рабочему и труженнику-землепашцу.

Быть может, было и еще много причин, возбуждавших беспорядки в Маньчжурии, но они ускользнули от моего наблюдения, я же излагаю только лишь то, что сам наблюдал, почему и закончу о причинах и перейду к самим беспорядкам и к действию наших отрядов в южной части Маньчжурии, где мне самому пришлось участвовать.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ КИТАЙСКИХ ВОЙСК И ОВЛАДЕНИЕ МУКДЕНОМ

В Ляояне русский отряд пробыл всего один день. Генерал-лейтенант Суботич был убежден, что после боя под Ша-хе китайские войска бегут, а не отступают; правильное отступление некоторых отрядов к Ляояну и попытку их задержаться на позиции Модятынь можно было объяснить только тем, что эти отряды комплектовались из местных жителей, которым нечего было далеко бежать от своих деревень и досадно уступать родные места и города без боя, впоследствии сами китайцы об этом говорили.

Не знаю, как в северных провинциях Маньчжурии, но здесь местные жители не сомневались в том, что все те города и области, которые теперь занимаются нашими войсками, окончательно присоединяются к России, иначе китайцы войны не понимали. Не говорю о темной, необразованной массе населения, но и мандарины так думали, только эта мысль заставляла ляоянские лянзы противиться нашему наступлению.

17 сентября в 7 часов утра было приказано продолжать наступление на Янтай, Байтапу и Мукден. Повторяю, что основная мысль генерала была — после каждого сражения немедленно энергично преследовать, дабы не дать времени противнику собраться. Дневка в Ляояне была назначена только

потому, что 60-верстный переход от Хайчена с боями и форсированными маршами все-таки утомил людей и лошадей.

Отряд охранной стражи был назначен головным. К нему прибавили 5-ю Верхнеудинскую сотню, команду охотников от 14-го и 11-го стрелковых полков и 1-ю Забайкальскую казачью батарею. За нами следовал авангард полковника Домбровского: 3 батальона, 16 орудий, 4 пулемета, саперы и взвод казаков, а затем шли главные силы в два эшелона.

В первых же попутных деревнях жители сообщили, что их войска отступают без главных начальников, в крайнем беспорядке, отдельными группами, конные смешивались с пешими, от жителей отбирались все без исключения лошади, мулы, ишаки и даже быки. Вначале отступающие банды следовали по Мандаринской дороге на север и отступали с отдыхом и ночевками, но уже в Янтае офицеры и солдаты узнали, что все их генералы во главе с дзянь-дзюнем и старшим хугутуном Чжин-Чан [ом] разграбили богатства императорского дворца, забрали все деньги в казначействе и бежали. Прибывшие из Мукдена торговцы рассказали им, что местная полиция столицы и все чиновники последовали примеру начальников. Весть эта как искра облетела все войска и разожгла в них страсть к наживе и грабежам.

После этого не было уже [ни] ночевков, ни отдыха, все спешили в Байтапу, Мукден, Телин и в другие богатые города, чтобы вовремя поспеть туда и награбить богатств. Останавливались только там, где надеялись найти ценные вещи и деньги, а то скакали, перегоняя друг друга, день и ночь. Попутные деревни впереди нас горели, по приходе туда мы заставляли места привалов, разбросанные, ненужные уже для мародеров патроны, солдатские шляпы и мундиры, находили целые склады патронов и артиллерийских боевых припасов. Все деревни и торговые богатые села носили следы грабежа: двери и окна в магазинах и домах были выломаны, малоценный товар разбросан по улицам, всюду валялись пустые, разбитые сундуки, куски материи, битая посуда и даже умышленно рассыпанное по дороге зерно, некоторые колодцы были завалены домашним скарбом, вещи плыли по рекам, мокли в лужах, были втоптаны в грязь. Словом, перед нами бежали не китайские войска, а мародеры, и именно злые мародеры, которые не довольствовались тем, что брали ценное для себя, а уничтожали и портили решительно все, они зло наказывали местных жителей, не щадя даже бедняков, ветхие полуразрушенные лачуги и те были разграблены.

Нам была непонятна такая озлобленность, но поселяне объяснили, что как только привезли им из Хайчена прокламации о полной безопасности мирных жителей, о признании их к обыденному труду и полевым работам, они тотчас же начали прятать от своих же войск все съестные продукты, угонять в горы всех лошадей и скот, прятать имущество и даже сами, оставляя пустые дома, уходили дальше от своих отрядов. Мне попалося донесение одного вербовщика милиции, офицера, своему начальнику такого, в общем, содержания: «В деревнях остались только дряхлые старики, за десять дней мои солдаты набрали только 80 человек, и трое уже сбежали. Солдат нечем кормить, так как жители все спрятали или увезли все с собой». Это письмо подтверждает слова жителей, да и сами мы наблюдали, как жители перекочевывали за р. Ляо-хе из тех деревень, где стояли китайские войска.

Теперь, после зверского отношения своих же войск, поселяне часто выходили к нашим отрядам с белыми флажками (покорность) и жаловались на своих мародеров. Они указывали нам на север, запад и восток, куда бежали банды, просили спешить и бить грабителей, но грабители так быстро уходили, что даже летучие разъезды не могли их догнать.

Генерал Шу попытался собрать разбежавшие[ся] банды и выслал для этого офицеров в Байтапу и к переправе через р. Хунь-хе, но ему это сделать не удалось, банды не слушали никаких офицеров, говорили дерзости, а одного даже избили.

Потерпев и тут неудачу, Шу в отчаянии возвратился в Мукден, нагружил свой обоз ценностями дворцов и сам бежал 18 сентября за Ляо-хе на запад со своею конной лянзой и четырьмя легкими орудиями.

Таким образом, все китайские военачальники, а за ними и солдаты в конце концов поняли, что грабить несравненно выгоднее и безопаснее, чем воевать. Не решаюсь строго судить за это сынов Поднебесной империи, людей древней, варварской культуры, т[ак] к[ак] к этому времени союзными войсками был уже взят Пекин и китайцы, наверное, уже слышали о подвигах на почве мародерства людей европейской, высшей культуры, как, например, англичан, и восприняли эту науку гораздо скорее, чем от инструкторов — науку побеждать заокеанских чертей, у которых и грабить-то нечего, кроме ружей и сухарей.

Весь день 17 сентября наш отряд шел без боя, но по следам разрушения, разъездам уже не приходилось выезжать на горки для ориентировки, лезть для этого на крыши и деревья: маяками служили пожарища,

которые издали показывали присутствие войск; мирных жителей не приходилось ловить для расспросов, а сами они шли и рассказывали все, что знали о своем новом противнике. Так мы прошли 34 версты и расположились для ночевки.

После ужина, когда наступила совершенная темнота, на аванпостах 2-й роты охранники поймали китайского офицера Ай-ды и его слугу. Этот офицер в боях был помощником худутуна Шен[а] и теперь возвращался в Ляоян на свою родину. Он подтвердил рассказы жителей о беспорядочности бегства войск, грабежах и насилиях, ругал своих генералов, которые, по его словам, убегали после каждого боя, как, например, самый старший худутун Чжинчан из под Ша-хе, а теперь те же генералы и тоже раньше всех начали грабить дворцы столицы. По его словам, Мукден горит и грабится уже второй день. Он также высказал сомнение о сопротивлении в Мукдене, т[ак] к[ак] начальникам, если они все еще не сбежали, трудно будет собрать войска и привести отряды в порядок.

Как у этого офицера, так и у других, едущих из Мукдена, мы расспрашивали: не заложены ли в окрестностях столицы фугасы, не минирован ли город, не подготовлены ли для взрывов пороховые погреба, патронные и артиллерийские склады. Все в одно слово отвергали наши предположения и убеждали торопиться, чтобы прекратить там разбой, грабежи и насилия.

Наши солдаты и казаки по врожденной русской незлобивости забыли уже все обиды, причиненные вероломными китайцами маленьким постам охранной стражи, забыли об их жестокостях к нашим пленным и весьма скоро вошли в роль защитников мирных жителей: они очень участливо выслушивали жалобы, охотно помогали тушить пожары, даже как-то сразу приняли ласковый тон в разговорах с жителями. Я не слышал злых насмешек, издевательств и заносчивости победителей над побежденными.

Надо отдать долг справедливости: в южно-маньчжурском отряде я не видел грабежей. Птицу, правда, ловили для котла и овощи брали, но и то только в тех случаях, когда какой-либо отряд уходил слишком далеко вперед от обозов и табун купленного скота не поспевал вовремя, как и сегодня: мы надеялись настичь бегущие банды, шли быстро, сделали более тридцати верст, из-за чего расстояние между нами и обозом было верст 15. Скот тоже не поспевал за нами, а в деревне Сань-язу не было ни одного жителя, у которого можно было бы купить необходимые продукты, люди же кроме сухарей ничего не ели.

Известие о том, что Шу старается собрать бегущие войска, заставило нас еще более торопиться.

Подъесаул Денисов был послан полковником Мищенко рано утром 18 сентября с легучим разездом в деревню Байтопу; оставшиеся там офицеры и войска при виде казаков быстро удалились за реку Хунь-хе.

Как и вчера, жители встречали нас с белыми флажками и просили торопиться в Мукден.

Несмотря на видимую покорность и жалкий вид ограбленных и обиженных, они не внушали нам особенного доверия, и никто из нас не проговорился даже своим нижним чинам, что генерал-лейтенант Суботич приказал сегодня же занять переправу через р. Хунь-хе и разрешил, если обстоятельства позволят, занять южные ворота. Мы говорили всем без исключения, что будем ночевать в д[еревне] Байтопу, т. е. верстах в 18 от крепости, и что к обеду 19 сентября придем в Мукден. Уверять в это было нетрудно, т[ак] к[ак] до Мукдена нужно было пройти 43-45 верст; этот переход возможен для конных, но не для пеших войск, а конных, за выделением сотни донцов и разездов, в голове колонны было не более восьмидесяти.

В час до полудня донцы были посланы полк [овником] Мищенко занять переправу Хунь-хе. Перед отъездом подъесаул Денисов отозвал меня в сторону и сообщил по секрету, что он дал себе слово несмотря ни на что сегодня же ворваться в крепость. «Или пропадем, или прорвемся в город. Живыми или мертвыми донцы первыми будут в столице! Я уже составил себе план и урядники его знают». Денисов был очень возбужден и все повторял: «Мищенко, когда услышит стрельбу, поскачет на выручку с сотнями и с батареей, как вы думаете, ведь поскачет?» Конечно, не могло быть сомнений, что поскачет, все мы это знали, и Денисов больше других! Если бы у него не было батареи и сотен, то он и один поскакал бы. Я помню, когда нужно было сделать быстрый обход цепью, под Инькоу, то полк [овник] Мищенко до того увлекся быстротой движения, что кричал мне и Гулевичу: «Господа, рысью, рысью! В карьер!» — и сам скакал карьером первым, забывая тихие аллюры нашей пехоты, да еще по непролазной грязи!

Повторяю, нижним чинам ничего не говорили о сегодняшнем захвате ворот крепости, но они все-таки пронюхали или догадались об этом намерении, потому что как охранники, так и стрелки-охотники отхватывали верст по 6, а то и побольше в час, у меня была шагистая лошадь, и все-таки приходилось переходить на рысь, чтобы не сесть на голову колонны.

На большом привале нас догнал посланный начальником отряда полк [овник] Артамонов. После продолжительного разговора его с полк [овником] Мищенко все офицеры были собраны и полковник изложил нам намерение сегодня же занять крепость. Конечно, с нашей стороны была полная готовность, тем более что это было решено в принципе генералом Суботичем, разрешившим занять ворота, да наконец все равно пришлось бы бежать на выручку к Денисову, тот ускакал уже далеко, его не догнать и не остановить.

Полковником Артамоновым и Мищенко были взяты с привала 3-я Кубанская и 5-я Верхнеудинская сотни и казачья батарея. Этот отряд на рысях пошел к Мукдену, а пеший отряд под командованием Кушакова прибавил шагу.

В эти минуты столица Маньчжурии стояла от грабежей и насилий. Уцелевшие дома европейского квартала и улицы христиан-китайцев были в огне. Этим последним делом войска не занимались, ошибка так думать, напротив, конные патрули все время ездили по городу и разгоняли местных боксеров-поджигателей, были даже случаи, когда сами хозяева жгли свои фанзы; по поджигателям стреляли, их убивали беспощадно. В эти дни древней столице готовилось окончательное разрушение. Спешно подготавливались для взрывов все казенные здания, закладывалась целая сеть мин с электрическими проводниками, огромные склады пороха, более 25 тысяч пудов, были подготовлены для взрыва; в императорский дворец, во дворец дзянь-дзюня, ко всем воротам и во все значительные магазины и даже частные дома были разосланы офицеры и солдаты, знающие минное дело.

Вот чем были заняты фанатики Мукдена, ненавистники европейцев, по преимуществу боксеры, они решили пожертвовать древней, священной столицей, чтобы истребить дотла те войска, с которыми открыто бороться не были в силах.

При этих условиях грабежи, конечно, возможны, но отнюдь не пожары. От местных жителей скрывались эти ужасные замыслы, им приказывали уходить далеко в предместье, мало того, их прямо выгоняли, били; ничего не понимающие купцы и ремесленники объясняли свое изгнание только лишь целью грабежа. Шу, напротив, отлично знал обо всем, он приказывал своим войскам не идти дальше реки Хунь-хе, задержать русских насколько возможно и отступать отнюдь не в крепость. Знал об этом и дзянь-дзюнь, который после первого же пожара убежал со всеми своими родственниками, боясь преждевременных взры-

вов, и откровенно говорил своим офицерам, что в крепости все погибнут.

Худутун Телина был со своею лянзою в Мукдене в первый же день минных работ, его отправили в северное предместье, чтобы не пропускать никого в город. «Как только услышите в Мукдене треск и гром, сейчас же скачите туда и бейте уцелевших русских» — вот такие распоряжения делались тогда в Мукдене. Разве это не доказательство того, что столице готовилось полное разрушение и большие неприятности всему нашему отряду.

Впоследствии наши саперы нашли все эти адские работы, были найдены мины, электрические провода и склады горючих материалов. Сами китайцы указывали их в некоторых местах, а многие, не указывая, уничтожали.

Прогнанные из крепости жители в три часа пополудни видели разъезды Денисова вдоль реки Хунь-хе и в южном пригороде, но они были настолько обозлены своими властями и войсками, что не торопились доносить об этом в крепость, а некоторые охотно даже сообщали, что ворота открыты и что русских сегодня не ожидают. Нашлись бы, конечно, между китайцами и необозленные, которые поспешили бы сообщить о появлении разъездов, но никто не предполагал, чтобы разезд решился следовать дальше пригорода, все были убеждены, что это рекогносцировка русских и больше ничего.

Денисов, услышав, что ворота не заперты, тотчас же дал условный сигнал собраться всей сотне. Китайские конные патрули вскоре заметили группировку донцов и открыли из предместья стрельбу. Сотня не отвечала на выстрелы, вскачь помчалась по улицам и через несколько минут влетела в южные ворота. Изрубив привратную стражу, она заняла башню, часть стены и открыла частую стрельбу по разбитым тут же на улице палаткам китайского караула; из палаток солдаты стремглав бросились в улицы, побросав даже оружие, и через несколько мгновений весь город кричал уже о том, что русские заняли ворота, южную стену, стреляют, рубят и скачут по улицам.

Все, кто был в крепости, в паническом страхе бросились бежать в северное предместье, мародерствующие банды и войска, работающие на минах, увлеклись общим бегством, тоже побежали во главе со своими офицерами, солдаты подняли беспорядочную стрельбу, убивали и ранили друг друга. Вида раненых и убитых, бегущие сзади думали, что здесь уже русские, поворачивали назад в другие кварталы и пугали встречных. Почти все бросили оружие и прятались в дома. Денисов не переставал

обстреливать улицы, казаки бегали по стенам то вправо, то влево и стреляли вовсю. Заметив по дороге пыль скачущего отряда полковника Артамонова и Мищенко, Денисов скомандовал своим казакам: «Садись» — и тут только заметил, что шесть донцов и столько же лошадей опалены взрывом пороха в воротах. Оказалось, что здесь готовился фугас; когда офицер, ведущий работами, услышал стрельбу в южном пригороде и часовой с башни закричал ему, что видны уже русские, работы по закладке фугаса прекратили и наскоро положили под аркою ворот 4-пудовый ящик пороха. Порох уже рассыпали по плитам мостовой и разбросали несколько пачек фосфорных спичек; кони донцов копытами воспламенили спички, начал вспыхивать рассыпанный порох, и ящик взорвало, когда скакали последние уже казаки. Два казака были тяжело обожжены, а четыре легко, лошади же под ними погибли все.

Казаки взяли на седла раненых, и вся сотня поскакала в центральную часть крепости, в императорский город. В улицах сотню обстреляли и ранили несколько коней, но донцы тем не менее заняли все ворота императорской части и открыли огонь по бегущим в беспорядке толпам.

В расчеты Денисова входило: ворваться на спинах китайцев в самое сердце столицы, во дворец, занять его и здесь оставаться до прихода остального отряда. Безумный план был выполнен лихо и, к счастью, с незначительными потерями благодаря совершенно неожиданному, дерзкому налету казаков.

Благодаря той же неожиданности китайские минеры не успели закончить своих работ и тоже в страхе бежали.

Пока китайцы пришли в себя, сотни и батареи были уже близко от города; толпы оторопелых войск и боксеров, услышав о приближении другого отряда, бросились к артиллерийским коновязям и к конным лянзам. Они без разбора хватили лошадей и мулов, дрались из-за них между собой и в беспорядке бежали в северное предместье.

Сотни и батареи тоже скакали в императорский город (вторая, внутренняя крепость), у ворот их встретил подесаул Денисов с рапортом о занятии столицы.

Боясь преследования, бегущие китайские войска зажгли целые кварталы домов, отделяющие их от занятой части крепости, дабы защитить себя огненной преградой. Действительно, не было никакой возможности даже конным проскочить по этим узким пылающим улицам, в горящих домах раздавались взрывы заложенных мин, за горячей баррикадой слышалась беспорядочная стрельба, шум арб, ржанье коней и

крики мулов, мародеры спешили убежать и увозить награбленное добро.

К заходу солнца бегом прибыл в город пеший отряд Кушакова, который тотчас же был распределен для занятия всех восьми ворот крепости и внутренних стен императорского города. Донцы заняли караул в самом дворце, а охотники — во дворце дзянь-дзюня. Свободные сотни были посланы вдоль улиц выгонять мародеров и поджигателей, мирных жителей сгоняли к пожарищам и заставляли тушить их, а поджигателей без стеснения убивали, благодаря чему часам к 8 вечера был водворен сравнительный порядок.

Подьесаул Денисов был назначен комендантом занятой крепости; он пробрался по горящим улицам к арсеналу, выгнал оттуда китайцев, растаскивающих оружие, и поставил там казачий пост. Корнет Штапельберг нашел с разрездом патронный склад, где было более 30 тысяч патронов и две картечницы Норденфельда.

Императорский дворец был разграблен и подготовлен к сожжению, остались только громоздкие вещи да и те, которые случайно не были найдены китайскими мародерами. Служители дворца говорили, что если бы мы опоздали с выступлением на полчаса, то дворец сгорел бы дотла, так как боксеры заготовили уже все для этого.

Впоследствии я, шутя, советовал знаковым мандаринам поставить на дворцовой площади памятник Денисову как спасителю древней святыни Маньчжурии, императорского города. Неблагодарные мандарины не послушали, конечно, моего совета, но их потомство, наверное, оценит подвиг донцов.

Весь передовой отряд был расположен на среднем и боковых дворах дворца, ко входам были поставлены часовые, двери кладовых и внутренних покоев опечатались именной печатью полковника Артамонова.

Посты были от охранной стражи, и эти бесшабашные, недисциплинированные, по мнению многих, охранники вполне оправдали дорогое для них доверие начальника отряда, который надеялся на их честность и послал в передовом отряде занимать богатую столицу. С уверенностью говорю, что из 240 нижних чинов моей роты ни один не взял в Мукдене ни одной ценной вещи. Я с ними жил совершенно общей жизнью: вместе ел, спал и досуг проводил, я знал все их погрешности, видел, как переводчик и привязавшийся к роте пленный китайский солдат таскали из города папиросы, пиво, леденцы к чаю, лепешки с вареньем — и

только. Появившийся шелковый шейный платок был уже осмеян товарищами, зеркало тоже было выброшено ун [тер]-офицером; от других офицеров охраны, стрелков и артиллеристов я слышал то же самое. С гордостью должны мы вспоминать это время. Легко и хорошо, когда совесть чиста, мародерами мы не были.

Наши главные силы в часы занятия Мукдена передовым отрядом были в д [еревне] Байтапу. Генерал Суботич, получив донесение о счастливом исходе всей операции, объехал войска отряда, поздравлял и благодарил за все перенесенные труды, форсированные походы и бои, результатом которых было бескровное занятие столицы.

Для усиления передового отряда генерал Суботич вечером же выслал к нам шесть стрелковых рот и полроты сапер [ов] под командой полковника Лещ [а]. Был прислан также капитан генерального штаба Орлов в помощь полковнику Артамонову, так как предстояло много работы по умиротворению города и приведению населения к порядку.

Такой блестящий результат был достигнут отрядом в течение восьми дней после четырех боев. За выделением гарнизонов сила отряда не превышала 8000 при 30 орудиях. Силы эти были направлены против армии, насчитывающей в своих рядах 50 000 и 60 орудий.

Потери южно-маньчжурского отряда со дня выступления из Хайчэна, т. е. за восемь дней, следующие: убитых и умерших от ран: офицеров — 1, нижних чинов — 41; раненых и контуженных: офицеров — 2, врачей — 1, нижних чинов — 78, всего 123 человека.

К. П. КУШАКОВ

ПРИМЕЧАНИЯ

Гаолян — маньчжурское просо, зерновое и кормовое растение семейства злаковых, разновидность сорго. Предъявляет меньше требований к теплу, чем другие сорговые, засухоустойчив. Культура гаоляна распространена в Северном Китае, где он занимает 10-15 проц. посевных площадей.

Шаланги — небольшие мелкосидящие, чаще всего плоскодонные парусные рыболовные лодки и баржи, обладают хорошими мореходными качествами.

Хунгуз (буквально — краснобородый) — участник вооруженных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае с середины XIX века.

Фанза (по-китайски фан-цзы) — китайское жилище каркасного типа.

Мандарин — европейское название крупных чиновников старого феодального Китая.

Дзянь-дзюнь, худутун — высшие представители администрации феодального Китая.

Лянзы — вооруженные отряды численностью до 800 человек.

(Продолжение следует)

Боеготовы были...

**Историко-статистическое
исследование
количественно-качественного
состояния
танкового парка
Красной Армии
накануне
Великой Отечественной войны**

К вопросу о количественно-качественном составе танкового парка Красной Армии накануне Великой Отечественной войны историки обращаются уже пятьдесят лет. И будут обращаться еще не раз, поскольку эта информация дает обильную пищу для различных суждений и позволяет делать определенные выводы об уровне боевых возможностей противоборствовавших в войне сторон.

До середины 80-х годов те, кто писал об этой проблеме, придерживались строго установленных цифр, заложенных в фундаментальные издания. Согласно официальной версии в Красной Армии накануне войны на вооружении состоял 1861 танк КВ и Т-34, из них в западных приграничных округах — 1475 единиц¹. Отмечалось в этих изданиях и то, что значительное количество танков было устаревших конструкций. По этому поводу следует сказать, что уже тогда многие исследователи владели более точными данными, но опубликовать их было практически невозможно.

Определенный информационный прорыв произошел в конце 80-х годов. На страницах газет и журналов стала просачиваться информация, которая для многих оказалась «сенсационной». Много шума наделали статьи В. В. Шлыкова в журнале «Международная жизнь»². «Впервые» во всеуслышание было заявлено, что СССР к началу войны имел более 20 тыс. танков. Фактически этот материал стал продолжением дискуссии, открытой «Военно-историческим журналом», где были опубликованы статьи Б. Н. Петрова, А. А. Гурова, В. А. Семидетко, В. Н. Киселева и Н. М. Раманичева, оценивав-

ших на основе архивных материалов количественный состав средств приграничных округов к началу войны³. Отреагировал журнал и на статьи В. В. Шлыкова⁴. Своего рода промежуточную черту в дискуссии подвели публикации Генерального штаба: «1941 год — уроки и выводы» и «Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах (Статистическое исследование)». В первом издании указывается, что танковый парк Красной Армии накануне войны насчитывал свыше 23 тыс., во втором — 22,6 тыс. машин. В этих работах содержится и качественный анализ состояния бронетанковой техники: нуждались в капитальном ремонте 29 проц., в среднем — 44 проц. танков старых образцов. Исправные же машины составляли не более 27 проц.⁵, из чего следует, что число боеготовых танков составляло: по всей Красной Армии — 6,1-6,2 тыс. единиц, а в западных округах — 3,8 тыс. машин (из 14,2 тыс. единиц по данным «Гриф секретности снят...»).

В настоящее время в Институте военной истории Министерства обороны Российской Федерации готовятся к изданию статистические таблицы «Количественный и качественный состав бронетанкового парка Красной Армии: по состоянию на 1 июня 1941 г.». Как и аналогичный материал по артиллерии, авиации и флоту, они лягут в основу статистического сборника № 1: «Боевой и численный состав Советских Вооруженных Сил в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.»⁶.

Воссоздавая картину количественно-качественного состава бронетанкового парка Красной Армии перед войной, необходимо ответить на ряд вопросов: на какие документы архивов можно опираться, не сомневаясь в их объективности? Можно ли с достаточной степенью достоверности показать качественную сторону танкового парка? Имеются ли в архивах документы, раскрывающие танковый парк Красной Армии непосредственно на 22 июня 1941 года?

Архивы хранят огромное количество документов, в том числе и статистического характера, и практически каждый новый документ — новая форма отчетности, новые цифры. Подтверждает такое положение с отчетными документами и приказ НКО СССР № 137 от 28 мая 1940 года, где отмечалось: «Сведения о количестве машин в округах (армиях), поступающие в АБТУ КА и Генеральный штаб, говорят о том, что учет всех марок машин поставлен плохо, донесения не точны, противоречивы и по ним нельзя составить ясной картины о количестве и качестве машин в Красной Армии»⁷. Ранее, в приказе НКО № 16 от 10 января 1940 года, уже указывалось, что на округа (отдельные армии) возложена обязанность иметь от всех частей и соединений донесения с ведомостью наличия и качественного состояния боевых и вспомогательных машин по состоянию на 1 июня 1940 года⁸. Для выполнения требований приказа № 16 предписывалось производить единый учет в частях, учреждениях и заведениях всех родов войск и авиации. Отчетные ведомости за округа готовились по формам № 3 (для боевых) и № 4 (для вспомогательных машин), прилагавшимся к этому приказу. Для переучета и определения качественного состояния машин приказами военных советов округов должны были назначаться специальные комиссии.

Количественный и качественный учет бронетанковой техники в центральных управлениях НКО СССР (равно как и другого имущества) осуществлялся по форме № 151 в соответствии с приказом НКО № 15 от 10 января 1940 года, вводившим в действие с 1 апреля 1940 года Наставление по учету и отчетности в Красной Армии⁹.

Приказами НКО № 12 — 16 1940 года и данным наставлением предусматривалось деление всего имущества по качественному состоянию на следующие категории:

1-я категория — новое, не бывшее в эксплуатации, отвечающее требованиям технических условий и вполне годное к использованию по прямому назначению.

2-я категория — бывшее (находящееся) в эксплуатации, вполне исправное и годное к использованию по прямому назначению. Сюда же относится имущество, требующее войскового ремонта (текущий ремонт).

3-я категория — требующее ремонта в окружных мастерских (средний ремонт).

4-я категория — требующее ремонта в центральных мастерских и на заводах (капитальный ремонт).

5-я категория — негодное.

Но и этой информации для получения полного представления об отчетности в центральных управлениях НКО СССР еще недостаточно. Дело в том, что машины 5-й категории в сводную ведомость за всю Красную Армию (по форме № 151) не включались. Танки 4-й категории (требующие капитального ремонта), уже сданные на заводы и рембазы, из списков воинских частей не исключались, а показывались в этой же графе знаменателем¹⁰.

Остается теперь разобраться с порядком ремонта боевых и вспомогательных машин. Классификация и порядок ремонта бронетанковой техники накануне войны определялись Наставлением по эксплуатации и парковой службе, изданным ГАБТУ Красной Армии в 1938 году. В нем указывалось, что система ремонта по потребности, принятая в РККА, предусматривает в зависимости от объема работы три вида ремонта: текущий, средний и капитальный¹¹.

Определялись этим же документом и межремонтные сроки для танков (табл. 1).

Таблица 1

Минимальные межремонтные сроки до капитального и среднего ремонта машин (по двигателю)

№ по пор.	Марки машин	До капитального ремонта, моточасы	До среднего ремонта, моточасы
1	T-35	300	150
2	T-28	400	200
3	BT-7	600	200
4	BT-2, BT-5	450	150
5	T-26	600	150
6	T-27, T-37, T-38	800	200

Таким образом, анализ документов НКО СССР, ГАБТУ Красной Армии, регламентировавших качественное состояние техники накануне войны, позволяет сделать вывод, что к боеготовой группе танков следует относить машины, классифицированные по первой и второй категориям.

Теперь мы можем вернуться к цифровой ин-

формации по количественно-качественному составу бронетанковой техники, хранящейся в архивах, и ответить на поставленные ранее вопросы.

Несомненно, наиболее убедительными являются отчетные документы, над которыми работали специальные комиссии, назначавшиеся военными советами округов в соответствии с приказом НКО СССР № 16 от 10 января 1940 года. Последним таким документом перед Великой Отечественной войной являлась «Ведомость наличия и технического состояния боевых машин по состоянию на 1 июня 1941 года».

Обобщенные данные из этого документа, представленные в табл. 2, позволяют сделать следующие выводы: на 1 июня 1941 года в Красной Армии состояло на вооружении 23 106 танков и САУ. Из них боеготовыми следует считать 18 691 боевую машину, или 80,9 проц. В западных приграничных округах насчитывалось 12 782 танка, из них боеготовых — 10 540 единиц, или 82,5 проц.

Данные о качественном состоянии танкового парка, приведенные в табл. 2, не ложатся в привычные рамки устоявшихся цифр, поскольку противоречат опубликованным ранее и кочующим из одного издания в другое. Первоисточником в этой цепи является «История Великой Отечественной войны Советского Союза», где в первом томе на с. 475 и приведена сжатая информация о количественном составе и качественном состоянии наших танков накануне войны (см. выше — 73 проц. неисправных машин). Имеющаяся в труде сноска на архив с позиции сегодняшнего дня нельзя признать достаточно корректной, поскольку цифры из докладной записки не могут служить основой для научных исследований.

Несомненно, что широкому кругу читателей и историков, интересующихся данной проблемой, небезынтересен и ответ на последний вопрос, поставленный в статье, — о возможности показа количественно-качественного состава танкового парка Красной Армии непосредственно на 22 июня 1941 года.

Авторы статьи убеждены, что на сегодняшний день достоверной информации, раскрывающей состояние танкового парка Красной Армии на 22 июня, в архивах нет. Встречающиеся же цифры разноречивы, неубедительны и, как правило, готовились задним числом. Причем трудно определить, на какой базе они формировались.

И все же можно приблизиться к этой дате, но только в количественном отношении. Для этого к уже имеющимся цифрам по состоянию на 1 июня 1941 года необходимо приплюсовать и те машины, что были произведены и отправлены в войска с заводов. Так, с 31 мая по 21 июня 1941 года поставки бронетанковой техники с заводов составили: KB — 41, T-34 — 138, T-40 — 27 единиц¹². Итого 206 новых танков. Все они пошли в ЗапОВО и КОВО. Выпуск машин старых образцов был уже прекращен. Но такой подход будет условным, поскольку он не учитывает естественную убыль танков и их переход из одной категории в другую. Невозможно определить и какое количество из произведенных танков прибыло на 22 июня 1941 года к месту назначения.

В заключение следует сказать, что исследование по данному вопросу нельзя считать завершенным, поскольку статистическая информация, представленная в статье, оставляет без ответа многие вопросы: о наличии значительного количества машин устаревших образцов и отсутствия к ним запасных частей; о слабо развитой ремонтной базе, в том числе и для новых машин,

Сводная ведомость
количественного и качественного состава
танков и САУ, находившихся в военных округах,
на рембазах и складах НКО СССР
по состоянию на 1 июня 1941 года*

Группировки войск, танков рембазы и склады	Всего Боеготовые и САУ в РККА	В том числе								
		Требующие ремонта						Всего		
		1-я кат.	2-я кат.	Всего		3-я кат.	4-я кат.	Всего		
				К-во	В проц.			К-во	В проц.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
ЗАПАДНЫЕ ВОЕННЫЕ ОКРУГА										
ЛенВО	1857	7	1536	1543	83,1	210	104	314	16,9	
ПриОВО	1549	378	896	1274	82,2	203	72	275	17,8	
ЗапОВО	2900	470	1722	2192	75,6	385	323	708	24,4	
КОВО	5465	1124	3664	4788	87,6	298	379	677	12,4	
ОдВО	1011	178	565	743	73,5	151	117	268	26,5	
Итого...	12 782	2157	8383	10 540	82,5	1247	995	2242	17,5	
ЮЖНЫЕ ВОЕННЫЕ ОКРУГА										
ЗакВО	877	6	711	717	81,8	122	38	160	18,2	
САВО	363	0	288	288	79,3	44	31	75	20,7	
Итого...	1240	6	999	1005	81,0	166	69	235	19,0	
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ВОЕННЫЕ ОКРУГА										
ДВФ	3201	191	2772	2963	92,6	134	104	238	7,4	
ЗабВО	2496	131	1943	2074	83,1	232	190	422	16,9	
Итого...	5697	322	4715	5037	88,4	366	294	660	11,6	
ВНУТРЕННИЕ ВОЕННЫЕ ОКРУГА										
АрхВО	26	9	16	25	96,2	0	1	1	3,8	
МВО	1173	29	920	949	80,9	150	74	224	19,1	
ПриВО	443	28	307	335	75,6	86	22	108	24,4	
ОрВО	321	23	176	199	62,0	78	44	122	38,0	
ХВО	305	27	193	220	72,1	35	50	85	27,9	
СКВО	157	0	133	133	84,7	14	10	24	15,3	
УрВО	53	0	48	48	90,6	3	2	5	9,4	
СибВО	216	10	189	199	92,1	5	12	17	7,9	
Итого...	2694	126	1982	2108	78,2	371	215	586	21,8	
РЕМБАЗЫ НКО СССР										
Итого...	677	0	0	0	0	0	677	677	100	
СКЛАДЫ НКО СССР										
Итого...	16	0	1	1	6,3	7	8	15	93,8	
Всего в РККА...	23 106	2611	16 080	18 691	80,9	2157	2258	4415	19,1	

*ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 11353, д. 924, лл. 135-138; д. 909, лл. 2-18.

и т. д. А это значит, что историкам есть над чем думать и работать.

¹История второй мировой войны 1939-1945. Т. 3. М.: Воениздат, 1974. С. 421; Советская военная энциклопедия. Т. 2. М.: Воениздат, 1976. С. 55.

²Шлыков В. В. И танки наши быстры //Международная жизнь. 1988. № 9. С. 117-129; Шлыков В. Броня крепка: Танковая асимметрия и реальная безопасность //Международная жизнь. 1988. № 11. С. 39-52.

³Петров Е. Н. Военные действия на северо-западном направлении в начальный период войны //Воен.-истор. журнал. 1988. № 7. С. 43; Гуров А. А. Боевые действия советских войск на юго-западном направлении в начальном периоде войны //Воен.-истор. журнал. 1988. № 8. С. 32; Семидетко В. А. Истоки поражения в Белоруссии //Воен.-истор. журнал. 1989. № 4. С. 22; Киселев В. Н., Раманичев Н. М. Последствия оценок //Воен.-истор. журнал. 1989. № 7. С. 14.

⁴Крикунов В. П. «Простая арифметика» В. В. Шлыкова //Воен.-истор. журнал. 1989. № 4. С. 41; Крикунов В. П. Куда делись танки? //Воен.-истор. журнал. 1988. № 11. С. 28.

⁵1941 год: Уроки и выводы. М.: Изд. ГШ, 1992. С. 27; Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. С. 345.

⁶Статистический сборник № 1 (по состоянию на 1 июня 1941 г.) запланирован к изданию в Институте военной истории Министерства обороны РФ с ноября 1993 г.

⁷РГВА, ф. 31811, оп. 4, д. 27, лл. 134-135.

⁸Там же.

⁹Там же, ф. 4, оп. 12, д. 90, лл. 104-167.

¹⁰ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 11353, д. 904, л. 90.

¹¹РГВА, ф. 31811, оп. 4, д. 4, лл. 134-174.

¹²Там же, д. 920, лл. 32-35.

Полковник Н. П. ЗОЛОТОВ,
кандидат исторических наук;
С. И. ИСАЕВ,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник

ПРИЗНАНИЯ БЕЗ ПОКАЯНИЯ

(Из протоколов первых допросов нацистских преступников)

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ ОПРОСА

генерала артиллерии
Варлимонта Вальтера
от 18 июня 1945 года

*ВАРЛИМОНТ Вальтер, 50 лет,
до сентября 1944 года —
заместитель начальника
штаба оперативного управления войск
при ставке верховного главнокомандования
вооруженных сил Германии.*

Вопрос: Какие руководящие должности вы занимали в немецкой армии?

Ответ: После окончания военной академии в 1926 году я был назначен адъютантом начальника генерального штаба рейхсвера, после этого работал начальником отделения вооружения и занимался военно-хозяйственными проблемами. С 1927-го по 1938 год работал на различных строевых и штабных должностях, после чего руководил отделом национальной обороны министерства и генштаба. В 1942 году по протекции генерал-фельдмаршала Кейтеля был назначен заместителем начальника штаба оперативного управления войсками при ставке верховного главнокомандования. Следует указать, что это назначение имело чисто формальный характер, ибо должность начальника отдела национальной обороны предусматривала те же самые функции. С 1938 года я непрерывно работал под непосредственным ру-

ководством генерал-полковника Йодля. Мои обязанности заключались в осуществлении непосредственной связи между моим штабом и окружением фюрера. На этой должности я был до сентября 1944 года. Во время покушения 20 июля 1944 года я получил сотрясение мозга и через некоторое время был вынужден перейти на домашнее лечение. С сентября 1944 года до момента моего ареста в мае 1945 года я находился в Баварии, не исполняя никаких обязанностей.

Вопрос: Что способствовало вашему быстрому продвижению по службе?

Ответ: На пост заместителя Йодля я был назначен исключительно по рекомендации генерал-фельдмаршала Кейтеля, который меня давно знал по работе. Политические мотивы здесь не играли никакой роли. Наоборот, я должен указать, что постоянно чувствовал себя не на месте в этой должности. Я католик, по политическому убеждению принадлежал к католической партии центра и был абсолютно чужд национал-социалистскому и эсэсовскому окружению фюрера. Я неоднократно ставил вопрос о моем перемещении на командную должность, однако Йодль и в особенности Кейтель не соглашались.

Фюрер относился ко мне очень холодно, никогда не говорил со мной, кроме как по служебным вопросам.

Я полагаю, что меня оставляли на этой должности только как хорошего работника, не считаясь с моей малой пригодностью в политическом отношении.

Вопрос: Как вы относились к политиче-

Окончание. См.: Воен.-истор. журнал. 1993. № 6 — 10.

ской и военной линии национал-социалистской партии?

Ответ: Я должен заявить, что в первый период прихода национал-социалистской партии к власти я возлагал на нее большие надежды в отношении восстановления военной мощи Германии. Мы, работники штаба рейхсвера, полагали, что партия сможет ликвидировать позор Версаля и воссоздать немецкую армию. Однако уже в 1934 году, после подавления ремовского путча, я увидел, что партия далека от тех обещаний, которые она давала перед захватом власти. В дальнейшем по своим внутренним убеждениям я был очень далек от национал-социалистской партии, а также от тех военных мероприятий, которые проводились под непосредственным руководством фюрера, несмотря на то, что я принимал прямое участие в их разработке.

Вопрос: Когда вы узнали о подготовке войны против Советского Союза и как вы к этому отнеслись?

Ответ: Впервые мне стало известно о том, что планируется война на Востоке, от генерал-полковника Йодля в июле 1940 года. Йодль доверительно сообщил мне, как своему заместителю, о том, что необходимо рассчитывать на возможность войны с СССР, так как Красная Армия сосредоточивает крупные силы на Буге, Висле и Сане. Он предупредил меня, что это пока предварительное предположение, которое известно только фюреру и руководящим военным работникам.

Более определенное выражение это намерение получило в ноябре 1940 года, когда Йодль, вернувшись с доклада от фюрера, изложил мне его намерения, в результате чего мною под контролем Йодля была написана общая оперативная директива. В декабре 1940 года было написано еще одно оперативное указание более подробного характера.

Я должен заявить, что был буквально потрясен, когда узнал о том, что нам предстоит война на Востоке. От этого морального шока я никогда не мог отделаться, считая войну с Советским Союзом губительной для Германии.

Вопрос: Делились ли вы с кем-либо своими сомнениями в успехе войны против СССР?

Ответ: Это противоречие между долгом и сознанием — дело моей совести, которое мне приходилось разрешать самому. Я не мог делиться с кем-либо, ибо, во-первых, был слишком далек от всех людей, которые меня окружали, а во-вторых, мой долг солдата запрещал мне высказывать сомнения

в действиях верховного командования. В течение всей войны я беспрекословно выполнял все указания руководства, ибо морально был связан присягой.

Вопрос: Как вы отнеслись к факту принятия Гитлером на себя верховного главнокомандования армией?

Ответ: В 1935 году, когда Гитлер провозгласил себя верховным главнокомандующим вооруженными силами, я, как и все офицеры рейхсвера, считал это чисто юридическим актом и не придавал ему большого значения. Однако, когда фюрер в 1938 году отстранил от военного руководства Бромберга и ряд других старых офицеров рейхсвера, стало понятно, что это не только юридический акт. Факт взятия Гитлером на себя командования сухопутной армией в 1941 году я не могу объяснить ничем иным, как только переоценкой своих способностей и возможностей. Конечно, нельзя отрицать, что фюрер обладал исключительными способностями и являлся выдающейся личностью. Однако он очень сильно переоценивал себя, что выражалось, во-первых, в старании заняться всеми мелочами организации военных действий, из-за чего он терял общую картину, и, во-вторых, в упорном непонимании факта, что в определенное время необходим оперативный отход на отдельных участках. Постоянное требование Гитлера: «Ни шагу назад!» привело к неоднократным провалам операций.

Еще один крупный недостаток Гитлера, как военного руководителя, заключался в том, что он распространял на военные органы политический принцип разделения власти. Известное римское правило «Разделяй и властвуй» имеет свое значение при организации политического руководства, однако в военных органах необходимо единство управления. По указаниям фюрера, в высших органах верховного командования было создано такое странное взаимоотношение функций и порядка подчинения, которое только затрудняло руководство войсками.

Как известно, ранее высшим органом военного руководства являлся генеральный штаб вооруженных сил, который осуществлял координацию сухопутной армии, ВВС и ВМФ, имевших в свою очередь свои генеральные штабы. В ходе войны эта структура нарушилась. После принятия фюрером должности главнокомандующего сухопутной армией генеральный штаб сухопутной армии и его начальник вошли в непосредственное подчинение фюрера, минуя Кейтеля. Далее, в самом генштабе во-

оруженных сил особое значение приобрел штаб оперативного управления войск генерал-полковника Йодля, который фактически также непосредственно стал подчиняться фюреру. Вдобавок генштаб сухопутной армии взял на себя абсолютно все стороны руководства восточным фронтом, оттеснив в этом отношении органы генштаба вооруженных сил. Подобная путаница в подчинении и функциях не могла положительно влиять на единство военного руководства.

Вопрос: Какие у вас были связи в руководящих кругах национал-социалистской партии и органов СС?

Ответ: Никаких связей в этих кругах я не имел. Эсэсовцы относились ко мне очень подозрительно. Имел место случай, когда Гиммлер запретил всем работникам СС из адъютантуры фюрера иметь какие-либо отношения со мной и даже разговаривать. Это объясняется тем, что я продолжал посещать католическую церковь и поддерживать связи с политическими деятелями католических кругов в период моей работы в ставке. Через Кейтеля я добился, чтобы этот запрет был снят, но отношения остались очень натянутыми.

За время моей работы в ставке во время войны я не был ни разу награжден. Уже в период моей болезни я написал Кейтелю, что у меня возникает подозрение в недоверии ко мне со стороны руководства и я просил разъяснения. В ответ на это мне было сообщено о награждении меня «крестом за военные заслуги I класса».

В отношении производства по службе меня неоднократно задерживали. Многие мои подчиненные обошли меня и по званиям, и по положению, в частности Цейтлер.

Вопрос: Что вам известно о мероприятиях национал-социалистской партии по сохранению своих кадров и организации нелегальной работы в тылу союзных войск?

Ответ: Мне об этом абсолютно ничего неизвестно.

Вопрос: Известно ли вам, какая была обстановка в гитлеровской ставке в последнее время?

Ответ: Никакими данными об этом я не располагаю, ибо был полностью оторван от своего прежнего места службы, так как мне было запрещено врачами выезжать. Прежние коллеги меня посещали очень редко.

Вопрос: Каковы были отношения между Кейтелем и Йодлем?

Ответ: Отношения между Кейтелем и Йодлем были вполне нормальными. Йодль пользовался большим доверием у Кейтеля; в свою очередь, он относился к Кейтелю с

уважением. Никаких обострений в отношениях между ними не было.

Вопрос: Имели ли вы какую-либо связь с участниками заговора против Гитлера 20 июля 1944 года?

Ответ: Никакой связи с этим заговором у меня не было. Я считаю, что подобные действия каждого солдата заслуживают проклятия.

Вопрос: Расскажите об обстоятельствах этого покушения.

Ответ: 14 июля 1944 года фюрер и окружающие его лица выехали из Берхтесгадена в Растенбург, где оборудовался новый КП. Работы на новом КП еще не были полностью закончены, в частности, убежища готовы не были. Поэтому все приемы, а также оперативные совещания происходили в большом деревянном бараке. Простенки этого барака были усилены бетонными плитами.

Каждое утро в ставке происходили оперативные совещания, на которых обсуждалась обстановка на всех театрах военных действий. На этом совещании почти всегда присутствовали Кейтель, Йодль, прочие руководящие генералы и офицеры. Я с декабря 1941 года до сентября 1944 года присутствовал на совещаниях ежедневно.

20 июля совещание началось в 12.30. Присутствовало до 20 генералов, офицеров и обслуживающих лиц. По существовавшим тогда обычаям разрешалось входить и выходить во время совещания по мере необходимости. На входящих и выходящих никто особого внимания не обращал.

В 12.40 в помещение вошел полковник генштаба граф фон Штауффенберг с папкой в руках. Он обычно на подобных совещаниях не присутствовал, однако был вхож в ставку. Штауффенберг прошел к столу, занял место через два человека от фюрера и поставил свою папку на пол, прислонив ее к ножке стола. В этот момент на совещании были: фюрер, Кейтель, Йодль, Брандт, Шмундт, Путткамер, Белов, Бергманн, Фегелейн, Фосс, Буле, Шерфф, Боденшатц, Хойтингер, я и еще несколько офицеров из адъютантуры и два стенографиста.

Внезапно раздался оглушительный взрыв. Я упал на пол и потерял сознание. Придя в себя, увидел, что все присутствующие отброшены к стенкам и в панике выскакивают в окна. Фюрер, опираясь на своих адъютантов, с трудом выходил из комнаты. Несколько человек лежало на полу, истекая кровью.

Как выяснилось позже, Штауффенберг за несколько минут до взрыва вышел из

помещения, что было замечено одним унтер-офицером в коридоре. Я лично уходя Штауффенберга не заметил.

Допросил:
начальник 5-го отдела
3-го Управления НКГБ СССР
полковник госбезопасности ПОТАШЕВ.

В допросе принимали участие:
пом. начальника
разведуправления ВМФ
полковник ФРУМКИН,
начальник отделения
разведотдела штаба
1-го Белорусского фронта
полковник СМЫСЛОВ.

Переводили и вели запись:
майор госбезопасности ФРЕНКИНА,
капитан БЕЗЫМЕНСКИЙ.

КРАТКАЯ ЗАПИСЬ результатов опроса генерал-полковника Линдемманна Георга от 18 июня 1945 года

*ЛИНДЕМАНН Георг,
возраст — 61 год,
генерал-полковник,
в последнее время —
командующий немецкими
оккупационными войсками
в Дании.*

Вопрос: Какие посты вы занимали во время войны против СССР?

Ответ: В 1941 году я командовал 50-м армейским корпусом, сначала в Германии, потом на Балканах, затем на северном участке советско-германского фронта. В 1942-1943 гг. и до конца марта 1944 года командовал 18-й армией под Ленинградом, затем командовал группой армий «Север». 3 июля 1944 года я был снят с этой должности и до конца января 1945 года проживал дома. 1 февраля 1945 года был назначен командующим немецкими войсками в Дании.

Вопрос: По каким мотивам вас сняли с поста командующего группой армий «Север»?

Ответ: Я был снят из-за моих неудач на фронте, точнее, из-за нежелания выполнять указания фюрера и ставки относительно операций в районе Полоцка.

Обстановка складывалась следующим образом. Группа армий «Центр» и 3-я танковая армия, находившаяся на ее северном

фланге, подверглись сильным атакам русских. Возникла угроза разрыва между группами армий «Север» и «Центр». Мой фронт также подвергся сильному давлению со стороны противника. Я принял решение отвести войска на 10-20 км. С целью выпрямления фронта и освобождения двух дивизий одновременно в Динабург подтягивались три дивизии. Силой этих пяти дивизий я предполагал впоследствии нанести контрудар и обеспечить стык с центральной группой армий. Из ставки пришло приказание: войска не отводить, а двумя дивизиями, которые я хотел вывести в резерв, осуществить немедленный контрудар от Полоцка в направлении Глубокое для немедленного установления связи с группой армий «Центр». Этот замысел был абсолютно безнадежен, ибо дивизиям надо было пройти 50-60 км по трудной местности, имея у себя на фланге мощную 11-ю гвардейскую армию противника. Я отказался выполнять это приказание, после чего был снят.

Вопрос: Имелись ли у вас какие-либо другие разногласия с верховным командованием и Гитлером?

Ответ: Да, у меня и до этого имелись несогласия чисто военного характера. Политических разногласий я никогда не имел, ибо политикой не занимался и не интересовался.

Я могу указать следующие расхождения между мной и ставкой:

1. В 1943 году, когда стал вопрос о наступлении на Ленинград, я сознавал, что оно возможно только при обеспечении нашего восточного фланга между Шлиссельбургом и Ладожским озером, и предлагал поставить там дивизию. Однако с этим не согласились и перебросили дивизию на участок активных действий. Как и следовало ожидать, русские нанесли удар с восточного фланга и добились там прорыва, чего не было бы, если бы там стояла дивизия.

2. Я был постоянно против ослабления группы армий «Север», которое неоднократно предпринималось ставкой в интересах других групп.

3. Во время крупного наступления генерала Говорова под Ленинградом я заранее предлагал отвести войска из Чудово и Тосно, на что не мог получить согласия.

Все эти расхождения и вызвали недовольство мною фюрера и в ставке.

Вопрос: Как вы оцениваете причины неудачи немецких войск под Ленинградом?

Ответ: Мы не взяли Ленинград потому, что ни разу его серьезно не атаковали. В

период наступления 50 АК, когда я взял Пушкин, рядом со мной шел 39 тк с 18,12 тд и 36 мд. Однако эти дивизии были выведены, и наступление автоматически сорвалось. Во всех остальных операциях мы не имели достаточных сил.

Вопрос: Что вы можете сказать о варварском разрушении немцами исторических ценностей и памятников культуры русского народа под Ленинградом и в самом городе?

Ответ: Немецкие войска в этом неповинны*. Я точно знаю, что Петергоф и Пушкин разрушены русской артиллерией. Наоборот, наше командование предпринимало меры, чтобы спасти эти ценности и назначило специального уполномоченного (имя я не знаю) по вывозке их в безопасное место.

Нахождение немецких войск в этих районах было вызвано военной необходимостью, равно как этой необходимостью вызывался обстрел Ленинграда.

Вопрос: Что вам известно о постановке и организации агентурно-разведывательной работы в немецкой армии?

Ответ: Об общей организации я не имею никаких сведений. Разведанные я получал от разведотдела генштаба сухопутной армии в готовом виде, без указания источников. Мне только известно, что в Ленинграде агентурная разведка велась не войсковыми органами, а органами СД.

Вопрос: Когда вы убедились, что война для Германии проиграна?

Ответ: Это сознание пришло ко мне после неудачи немецкого наступления летом 1943 года под Орлом и полностью укрепилось после вторжения союзников на континент. Однако до последнего времени я не оставлял надежды на возможный лучший исход боев, тем более присяга, данная фюреру, обязывала меня верить в судьбу армии и народа.

Вопрос: Какие задачи были поставлены вам при принятии должности командующего немецкими войсками в Дании?

Ответ: 30 января 1945 года я был принят фюрером, который поставил мне следующие задачи:

*Гитлеровский генерал искажает истину. А она такова. За время войны немецко-фашистская авиация сбросила на Ленинград около 5 тысяч фугасных и свыше 100 тысяч зажигательных бомб. По городу гитлеровскими войсками было выпущено около 150 тысяч артиллерийских снарядов. Бомбы и снаряды попадали в Театр оперы и балета имени С. М. Кирова, Русский музей, Эрмитаж, Зимний дворец, Инженерный замок. Были разрушены пригороды: Петродворец, Пушкин, Павловск, Стрельна и другие. Пострадавшими оказались сотни ценнейших памятников истории и культуры.

1. Быть готовым защищать Данию с минимальными силами.

2. Возможно большее количество личного состава тыловых и обслуживающих частей освободить для переброски на восточный фронт.

3. Добиться, чтобы оккупационные войска имели достаточную боевую подготовку и были готовы к ведению боев.

По прибытии в Данию я установил, что обстановка в стране является исключительно напряженной. Каждый день совершались акты саботажа и диверсий. Датчане нападали на одиночных солдат, убивали их во время смены караулов, бросали гранаты в общественных местах, организовывали взрывы на железнодорожных линиях и т. д. Ежемесячно убивалось от 20 до 40 немецких офицеров и солдат.

Я добился того, что в Дании были вновь введены военные суды для виновных в актах саботажа (ранее эти суды были отменены, кажется, в 1944 г.). Деятельность этих судов была передана под руководство командующего войсками СС Панке.

Подробных сведений о карательных мероприятиях по отношению к датскому населению я не имею, так как это все проводилось исключительно под руководством Панке.

Вопрос: С кем из руководящих деятелей партии и СС вы были связаны?

Ответ: В партийных кругах я никаких связей не имел.

Из деятелей СС мне были известны те, с которыми я должен был связываться по служебной линии, в частности, командир полицейской дивизии СС бригаденфюрер Крюгер и обергруппенфюрер Панке.

Допросил:
начальник 5-го отдела
3-го Управления НКГБ СССР
полковник госбезопасности ПОТАШЕВ.

В допросе принимали участие:

пом. начальника
разведуправления ВМФ
полковник ФРУМКИН,
начальник отделения разведотдела
штаба 1-го Белорусского фронта
полковник СМЫСЛОВ.

Переводили и вели запись:
майор госбезопасности ФРЕНКИНА,
капитан БЕЗЫМЕНСКИЙ.

*Публикацию подготовил
В. А. ЛЕБЕДЕВ,
кандидат исторических наук*

НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XVI ВЕКЕ...

Казачество прошло сложный путь развития. Взаимодействуя с традиционными структурами русского государства, оно стремилось найти в нем свое место, сохранив при этом особенности сложившегося уклада. Л. Н. Толстой писал: «...вся история России сделана казаками. Недаром нас зовут европейцы — казаками. Народ казаками желает быть».

Немаловажную роль сыграло казачество Северного Кавказа. Особенно интересны его взаимоотношения с Московским государством в XVI веке.

Казачество в XVI веке не было однородным. Чаще всего в документах того времени казаков называли беглыми холопами, ворами, татями и т. д. Это говорило о непримиримом, враждебном отношении царской власти к складывавшимся на окраинах казачьим группам. Но уже вскоре казаков стали именовать «вольными», что свидетельствовало о вынужденном признании государством как самого казачества, так и его вольного, независимого положения. Определением «вольный» подчеркивалось отличие казаков от крестьян и холопов и от служилых людей, обязанных нести государеву службу. Не случайно русские послы в Грузию в 1589 году писали: «...то казак вольной, живет на поле, а государеву жалованье им идет временем, как их ко государю служба будет, а не по вся годы, а государевы стрельцы к казакам не применяются люди государя нашего пожалованные...»¹.

Наряду с вольными в документах XVI века часто упоминаются городовые (станичные, жилецкие и т. п.) казаки. Как правило, это были перешедшие на правительственную службу люди, получавшие за нее жалованье и небольшие земельные наделы. По своему положению они мало чем отличались от стрельцов, пушкарей и других людей, несших военную службу.

Появление вольного казачества на Северном Кавказе в XVI веке совпало с активизацией здесь политики России. Как верно заметил историк терско-гребенского казачества И. Попко, Русское государство всегда следовало по пятам за

казачьей вольницей. После взятия царскими войсками в 1552-1556 гг. Казани и Астрахани границы Московского государства основательно расширились. «А ныне государь взял всю Волгу и до моря² (имеется в виду Каспийское море. — Примеч. авт.), — писали с тревогой ногайские мурзы.

Выход Русского государства к Каспийскому морю, с одной стороны, вел к установлению русско-кавказских связей, а с другой, — к обострению отношений России с Турцией и Ираном. Посольская переписка России с этими государствами в XVI веке полна угроз и взаимных притязаний. Северный Кавказ интересовал Россию еще и потому, что здесь проходили важнейшие военно-стратегические и торговые пути. Во второй половине XVI века Россия устанавливает контакты с народами Северного Кавказа.

По просьбе кабардинских владетелей «для бережения от недругов» в 60-70-е годы XVI века на реке Тереке строятся русские городки-крепости. Правда, они очень быстро разрушались из-за нежелания России вступать в открытый военный конфликт с Османской Портой. Но уже в 1588 году в устье Терека, на его притоке реке Тюменке, был построен город Терки, который просуществовал более ста лет. Он стал важным военным и административным центром Северо-Восточного Кавказа. Здесь жили царские воеводы, находился военный гарнизон. Была построена и небольшая русская крепость в

Фрагмент карты Кавказского наместничества 1785–1786 гг. Публикуется впервые.

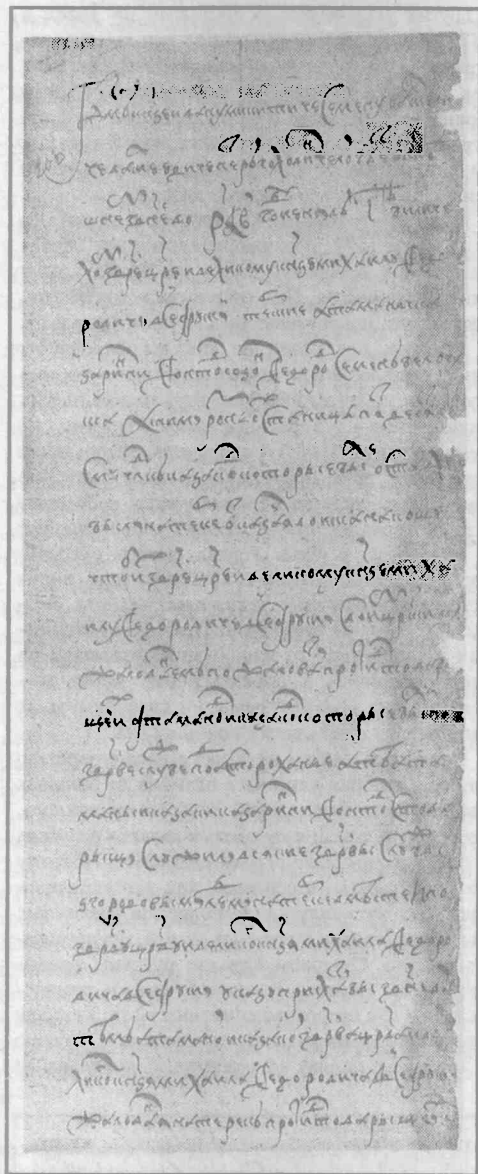
устье Сунжи (приток Терека), получившая название Сунженский городок. Она сохранилась до середины XVII века, причем ее неоднократно разрушали, а затем восстанавливали.

С началом строительства русских городов-крепостей на Северном Кавказе устанавливаются непосредственные контакты царской администрации с осевшими в бассейне рек Терека и Сунжи вольными казачьими группами³. Государственная власть, от которой бежали люди из разных городов и сел России, оказывается совсем рядом. Но если на Волге появление военных крепостей привело к ликвидации вольного казачества и превращению его в служилое сословие, то на Северном Кавказе в XVI веке из-за ряда причин этого не произошло. И прежде всего потому, что территория Северного Кавказа в XVI веке не входила в состав Московского государства. Первые русские крепости на Тереке имели в основном военно-стратегическое и политическое значение. Терский гарнизон вначале состоял из двух тысяч «государевых людей... с вогненным боем» и формировался из пеших стрельцов, что ограничивало его возможности. Не случайно, когда кахетинский царь Александр (Кახетия — часть территории Грузии. — Примеч. авт.) попросил дать ему для «береженья» терских ратных людей, то ему было поставлено условие «прислать... лошади свои», так как «без лошадей и без запаса невозможно ходить»⁴.

Одновременно русское правительство стремилось сблизиться с вольными казачьими группами.

Прежде всего потому, что конные отряды казаков имели неоспоримые преимущества перед пешими служилыми людьми Терского города. Вольные казаки были опытными воинами, умело сражавшимися как в конном, так и в пешем строю, прекрасно ориентировавшимися на местности. Слава о казачьей удали разнеслась по всему Кавказу. Кахетинский царь Александр говорил русским послам о вольных казаках из города Терки, несших у него службу, так: «А мне ими не оборонитца ж, всего их человек з 20; только бы слава была, что в моей земли по заставам стоят русские люди»⁵. Под контролем казаков оказались важные торговые и стратегические пути. Турецкие послы не раз с тревогой сообщали о том, что вольные казаки стоят на Османской дороге (линия Темрюк-Пятигорье-Эльхотово-Терки-Дербент). Казаки доставляли немало хлопот Османской Порте — военному сопернику России. В Москве поняли, какую неоценимую помощь смогли бы оказать терские казаки в защите южных границ Российского государства.

В сотрудничестве с государством было заинтересовано и вольное казачество на Тереке. Казаки постоянно нуждались в порохе и оружии из России, продовольствии, да и в надежном покровителе и союзнике. Кроме того, они осознавали себя частью русского народа. Не случайно в XVIII веке гребенские казаки говорили, что «начались от беглых российских людей и от разных мест пришельцов от давних годов...»⁶. А

Отписка терского воеводы П. П. Головина астраханским воеводам кн. И. Н. Одоевскому с товарищами о челобитье терских атаманов Казарина Нифонтова с товарищами и казаков, которые были оставлены на Тереке от казачьего войска «на кошу», о даче им «государева жалованья... против товарищей их». 1614 не ранее июня 10.

в документах XVI-XVII вв. часто наряду с фамилией и именем вольного казака указывалось его происхождение. Отсюда «гребенские казаки Фролко Офонасев Переславец (родом из Переславля-Залесского. — Примеч. авт.) да Мартышко Филиппов Туленин» (родом из Тулы. — Примеч. авт.)⁷. В результате во второй половине XVI века начался процесс сближения терско-гребенского казачества с Московским государством.

Казаки несли самые разнообразные службы. Царская администрация использовала их для охраны Северо-Кавказского пути (Османская дорога). Это вызывало жалобы и нарекания турецких и крымских послов русскому правительству, так как вольные казаки «турского салтана людем в Дербен и Шемах и в иные города дороги не дадут и тесноту чинят»⁸.

В 1583 году вольные казаки напали на турецкое войско, направлявшееся в Крым. Возглавлял его Осман-паша, который сообщил, что из тысячи казаков, воевавших с ним, он «побил всех, а только их утекло ночью с человек 200»⁹. По другим сведениям, казаки «с Терка» преследовали Осман-пашу, и его войско понесло большие потери.

Обстановка становилась напряженной. Турецкий султан в 80-90-е годы неоднократно с негодованием писал в Москву «и мне де и истинные мусульманские веры государю то неугодно» и угрожал «на терских казаков итти с пушками и с великим нарядом»¹⁰.

Царское правительство отрицало свою причастность к нападениям вольных казаков на турецкие отряды. Русский посол Б. П. Благово во время переговоров в Турции сказал: «Яз вам давно про терских казаков сказывал, да и вам то все ведомо, что на Терке живут воры, беглые казаки, без государева ведома»¹¹. Безусловно, эти слова посла являлись своего рода дипломатической уловкой. Вольные казаки, совершавшие нападения на турецкие военные отряды и торговые караваны, были хорошо осведомлены об антитурецкой направленности внешней политики России и заранее уверены в негласной поддержке их действий Московским государством.

Но вместе с тем заверения русских послов, что «шкоты великие» вольных казаков на Тереке происходили «не по государя нашего велению», по-видимому, содержали и определенную долю истины. Царская администрация, хотя и была заинтересована в тех или иных действиях вольных казаков, но не могла еще взять их под контроль.

Прежде всего, это обуславливалось тем, что первые русские городки, строившиеся в XVI веке на Северном Кавказе, сразу же разрушались из-за нежелания России вступать в военный конфликт с Турцией. «А которые люди на Терки жили, — сообщали русские посланники, — были сведень». В результате возникал вопрос — «тех воров, беглых казаков, кому унять?». Крымский хан говорил русскому послу: «То я и сам ведаю, что на Терке и на Волге и на Дону живут воры... и унять их некому и у нас, в наших государствах, таких воров много ж»¹². «Шкоты» вольных казаков не прекращались, о чем свидетельствуют документы XVI века. Московское правительство не имело достаточных сил, чтобы вмешиваться в действия вольного казачества на Тереке, а тем более подчинить их своей власти, и довольствовалось лишь тем, что использовало казаков как значительную вооруженную силу.

Основной службой вольных казаков на Тереке в XVI веке стало сопровождение и охрана раз-

личных посольств, следовавших «с Руси» и «на Русь». Они провожали русских послов в Грузию и затем, как правило, оставались «дождаться наших посланников из Грузии». В отписке терского воеводы 1589 года, например, сообщалось, что «велели все перевозы занять и укрепить, чтоб за твоими государевыми послы никаких людей не пропустити, докаместь пройдут в Грузинскую землю. Да по перевозом же, государь, послали терских вольных же казаков сто человек»¹³. В 1586 году вольные казаки вместе с ратными людьми сопровождали из Москвы крымского царевича Мурат-Гирея¹⁴.

За службу царское правительство присылало вольным казакам на Терек свинец, порох, сукно. Получали они периодически хлебное и денежное пожалованье. О крупных хлебных раздачах терским казакам наряду с другими казачьими группами свидетельствует дошедшая до нас ведомость о хлебном жалованье, выданная Васильем Колтовским в Переяславле Рязанском в 1594 году¹⁵. К сожалению, в источниках XVI века сведений о выдаче «разных припасов» терско-гребенским казакам почти не сохранилось.

Вместе с тем вольные казаки не раз жаловались на то, что им не выдается жалованье за службу, из-за чего и шли на обострение отношений с государством. В документах конца XVI — начала XVII века есть сообщения о том, что вольные казаки «с Терка» отказываются «без государева жалованья» охранять перевозы. Механизм поощрений вольного терско-гребенского казачества за службу в то время был еще недостаточно отработан и использован государством для их «мирного» подчинения. Пожалованья носили временный характер, и потому не могли стать для казаков надежным средством к существованию.

Одновременно с упоминаниями о вольных казаках в документах встречаются сведения и о служилых. В 1562 году по просьбе кабардинского князя Темрюка из Москвы «оберегати его от недругов...» был послан воевода Г. С. Плещеев с отрядом «стрельцов 500 человек да пять атаманов казачьих с казаки, а казаков с ними 500 человек»¹⁶. С помощью русских ратных людей Темрюк сумел подчинить своей власти другого кабардинского князя — Пшеапшоку Кайтукина и подвластные ему города, на которые была наложена дань. В Москву Г. С. Плещеев с отрядом возвратился в октябре 1563 года.

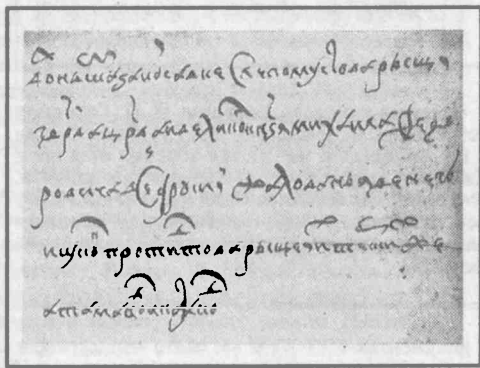
В сентябре 1565 года к Темрюку по его просьбе были направлены два отряда служилых казаков, возглавляемых воеводами И. Дашковым и Д. Ржевским. Отряды прибыли в Кабарду летом 1566 года и «жили у Темрюка-князя»¹⁷. Русские ратные люди вновь разгромили владения князя П. Кайтукина. В Москву воеводы вернулись в октябре этого же года.

Позднее в источниках лишь бегло упоминается о служилых казаках на Терке. Русские отряды в 60-70-е годы XVI века не раз отправлялись на Северный Кавказ для строительства городов-крепостей. Причем в одних документах сообщалось о посылке для этих целей «тысячи две-три» ратных людей «да... пушки и пищали»,

в других указывалось о прибытии на Терек в 1577 году «московских казаков три тысячи человек»¹⁸. Но городки, строившиеся в бассейне рек Терка и Сунжи, под давлением Турции и Ирана разрушались. А русские послы уверяли турецкого султана, что «на Терке людей никаких не осталось ни одного человека, а то ныне нечто живут на Терке воры беглые казаки».

Царское правительство опровергло слухи и о том, что в 1579 году «наши казаки на Терке» разгромили возвращающихся из Ирана крымских посланников. Под «нашими» в документе, безусловно, подразумевались служилые казаки. В отписке, посланной из Москвы крымскому хану, указывалось «и статит тому невозможно и побивати ис того города некому, только наших людей было на Терке два сына боярских, да немного пеших людей и плотников, которые для городского дела посланы... А ныне, которые наши люди были на Терке, те люди и сведены и город Терка покинут»¹⁹. Лишь после постройки в 1588 году в устье Терка нового русского города-крепости Терки в документах вновь встречаются сведения о служилых казаках, входивших в состав гарнизона. Причем в источниках их называют то шилецкими, указывая на прикрепленность к определенному месту жительства, то беломестными — свободными от выполнения феодальных повинностей.

Служилые казаки на Терке несли царскую службу, которая для них в отличие от вольных казаков была обязательной. Как уже отмечалось, особенность терских городских казаков состояла в том, что они были пешими воинами. Поэтому их использовали в основном как вспомогательную воинскую силу для выполнения различных дипломатических и военных акций, предпринимавшихся на Северном Кавказе русским правительством. Нередко служилые казаки привлекались и для сопровождения посольств. Так, для препровождения русского посольства в Грузию в 1589 году наряду со стрельцами и вольными

Отписка терского воеводы П. П. Головина Астраханским воеводам кн. И. Н. Одоевскому с товарищами о выдаче государева жалованья, денег и сукна терским вольным казакам Савве Слепому с товарищами, которые «служат вместе с терскими городскими людьми» и были под Астраханью с «вором» Ивашкой Заруцким. 1614 не ранее июня 11.

казаками были направлены «30 пеших терских жидецких казаков Григорьева приказу Полтева». Причем в отличие от конных стрельцов и вольных казаков они отправились из Терского города «к Сунже» не полем, а «пошли с посылы в судех...»²⁰.

Терские служилые казаки использовались для охраны перевозов. Небольшой их контингент находился в Сунженском остроге, важном стратегическом пункте, построенном царской администрацией в северо-кавказском регионе. Участвовали они и в военных мероприятиях.

Войсковая организация служилых казаков Терского города во многом была схожа со стрельцовой. Те же «приказы», головы, сотники и пятидесятники. Служилые казаки, как и стрельцы, подчинялись терскому воеводе. Не случайно в отписках часто упоминались стрельцы и служилые казаки под общим названием «государевых ратных людей». Одним из первых казачьих голов письменные источники называют Василия Онучина.

Городовые казаки на Тереке были беспоместными, служили за денежное и хлебное жалование. Царское же денежное жалование и «припасы» посылались в Терки часто с опозданием. В XVI-XVII вв. расстояние от Москвы до Северного Кавказа водным транспортом преодолевалось в среднем за 102 дня. Нередки были нападения «воровских» людей на правительственные караваны.

Служилые казаки постоянно сообщали о своих «нуждах» в Москву, посылали челобитчиков. Так, в 1589-1590 гг. они направили «к государю» с просьбами своего челобитчика Василия Терентьева²¹. Несвоевременная выплата жалования, плохое продовольственное снабжение зачастую приводили к тому, что они жаловались царскому правительству на то, что «бедны, наги и боси», «помирают голодною смертью...» и «от нужи с Терка бредут розно...», пополняя, в том числе и общины вольных казаков на Северном Кавказе²².

Терские служилые казаки составляли значительную силу, но уже к середине XVII века о них упоминается в документах довольно редко, их численность уменьшается. По «сметной росписи» 1681 года служилых казаков насчитывалось всего девять человек и поэтому русское правительство приняло решение о «перечислении» их в стрельцы. Это было закономерно, так как служилые казаки Терского города практически ничем не отличались от стрельцов и выполняли те же функции.

Итак, жизнь двух категорий казачества на Северном Кавказе — вольного и служилого —

довольно четко прослеживается в документах XVI века. При этом вольное казачество на Тереке было своеобразным независимым сообществом русских людей, с которым приходилось считаться Московскому государству. С одной стороны, царское правительство было заинтересовано в его сохранении, как значительной военной силы на Северном Кавказе, и использовало вольных казаков в качестве надежного форпоста русского влияния в регионе. Сами же взаимоотношения, идущие через Посольский приказ, напоминали контакты между отдельными равноправными субъектами. С другой стороны, правительство стремилось ограничить казачьи вольности, подчинить казаков своей власти и, как следствие, включить в военную структуру Российского государства. Но произошло это гораздо позже...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578-1613 гг. М., 1889. С. 210.

²ЦГАДА, ф. 127, кн. 5, л. 20 об.

³Первоначально в документах XVI в. сообщалось только о «вольных терских казаках», «казаках с Терка». Термин «гребенские казаки» встречается лишь в документах XVII в. Вероятно, под «вольными терскими казаками» вначале в источниках подразумевались все казачьи сообщества, расселившиеся в бассейне Терека и Сунжи, включая гребенские. Поэтому термины «вольные», «терские», «терско-гребенские» в статье синонимичны.

⁴Белокуров С. А. Указ. соч. С. 23, 20.

⁵Там же. С. 209.

⁶Исторический архив. 1958. № 5. С. 181.

⁷ЦГАДА, ф. 127, 1627 г., д. 1, ч. 2, лл. 4, 16, 413.

⁸Там же, ф. 123, оп. 1, кн. 20, лл. 189 об.-190.

⁹Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т. 1. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 40.

¹⁰ЦГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 20, лл. 33, 42.

¹¹Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т. 1. С. 45.

¹²Белокуров С. А. Указ. соч. С. XXXIX.

¹³Там же. С. 119.

¹⁴ЦГАДА, ф. 127, 1586 г., д. 13, лл. 26, 63, 81, 85.

¹⁵Русская историческая библиотека (РИБ). — Т. 18. СПб., 1898. С. 1-21.

¹⁶Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т. 1. С. 11.

¹⁷Там же. С. 12-13.

¹⁸ЦГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 15, л. 166.

¹⁹Там же, ф. 123, 1579 г., д. 2, лл. 40-44.

²⁰Белокуров С. А. Указ. соч. С. 119, 132.

²¹Там же. С. 121.

²²ЦГАДА, ф. 115, 1616 г., д. 1. л. 69.

С. А. КОЗЛОВ,
кандидат исторических наук

Государственное знамя

Сейчас, пожалуй, мало кто знает, кроме специалистов, как выглядело государственное знамя Российской империи. На с. 2 обложки помещено его изображение в черно-белом исполнении. Попытаемся описать знамя в цвете.

На золотом поле посередине расположен императорский герб — двуглавый орел с регалиями власти в когтях, по рамке из лавровых и пальмовых листьев расположены шесть щитов, по три с каждого бока, с гербами земель и один седьмой внизу посередине — собственный родовой герб государя императора. Гербовые щиты, которые на Российском государственном гербе расположены по сторонам императорского герба, на знамени помещены в крыльях орла, по четыре с каждой стороны центрального московского герба. Это гербы царств Казанского, Астраханского, Польского, Сибирского, Херсонеса Таврического (Крымского ханства), Грузинского царства, или, вернее всего, Кавказа, и соединенных трех великих княжеств — Киевского, Владимирского и Новгородского (вместе) и отдельно великого княжества Финляндского (об этих гербах рассказано в предыдущем номере журнала).

Такое расположение гербов больших территориальных делений Российской империи на знамени, конечно, случайное, а не систематическое, которое могло бы дать нам представление о последовательности образования обширнейшего в мире государства, расположенного в двух частях света.

Самый последний по времени создания — герб Туркестана, расположенный в правом нижнем углу знамени: на серебряном поле черный единорог. Над ним помещен щит, рассеченный двумя перпендикулярами, заключающий гербы так называемого Остзейского края, или Прибалтийской русской окраины, последовательно, по частям присоединяемого в течение XVI-XIX вв. На нем изображены гербы: эстляндский, лифляндский, курлянд-

ский и (неизвестно почему) карельский.

Герб Эстляндии напоминает пору датского господства: на золотом поле — три льва, лежащих один над другим. Герб Лифляндии — уже русского сочинения: на красном поле серебряный гриф с золотым мечом, имеющий на груди вензель «П 2 ИВ» (Петр II Император Всероссийский) — этой монограммой указывалось время сочинения эмблемы и самого герба. Герб Курляндии и Семигалии старинный, но переделанный, состоит из четырех отделений, в которых в шахматном порядке по два раза повторяются эмблемы каждого из этих княжеств: на серебряном поле коронованный лев красного цвета (Курляндия) и на лазурном поле серебряный олень под

герцогской короной (Семигалия). Карельский герб представляет собой две поднятые руки в латах, держащие мечи, и над ними золотая корона, цвет поля — красный.

Над гербовым щитом земель Прибалтийской русской окраины, в правом верхнем углу государственного знамени, помещен щит с гербами земель юго-западной окраины, позднее воссоединенных с Русью, — Волыни и Подолии, к которым прибавлен герб Черниговской области, являвшейся в XVII веке русским владением. Для расположения трех гербов щит разделен виллообразным сечением натрое. Черниговский герб — на серебряном поле черный коронованный орел, держащий в когтях левой лапы длинный золотой крест, наклоненный вправо; подольский — на лазурном поле золотой крест и под ним солнце с 16 лучами, также золотое; волынский — серебряный крест на красном поле. Два последних герба существовали еще в XVI веке, когда Волынь и Подолье являлись польскими владениями.

Левая сторона каймы государственного знамени в трех щитах включает 21 герб. Верхний щит состоит из десяти делений с гербами: псковским, смоленским, тверским, югорским, нижегородским, рязанским, ростовским, ярославским, белозерским и в нижней оконечности — удорским. Под ним в шести секторах среднего щита находятся гербы земель Литвы и Белоруссии: полоцкий, витебский, мстиславский, литовский, самогитский и белостокский, на нижнем щите в пяти делениях — гербы северо-восточных окраин Европейской России от Волги, а именно: пермской, вятской, болгарской, обдорской и кондийской, то есть всех земель, населенных в древности финскими племенами.

Полоцкий герб — на серебряном поле всадник на черном коне в вороненых доспехах, а также меч с золотой рукоятью и красный щит с восьмиконечным серебряным крестом. Это изображение известно под названием «погоня» и отличалось от витебского герба только по цвету, на последнем — поле красное, доспехи всадника — серебряные, ковер — золотой с голубой каймой. Герб мстиславский изображал красного волка, головой обращенного влево, на серебряном поле. Самогит-

ский герб — медведь красного цвета на задних лапах на золотом поле. Белостокский герб представляется в двух отделах: в нижнем изображен всадник на золотом поле, доспехи голубые, серебряный щит с красным крестом, ковер красного цвета с золотой каймой. В верхней части находится серебряный орел на красном поле.

Литовский герб представляет собой всадника в серебряных доспехах на красном коне с серебряным щитом, на котором высечен красный крест. Поле тоже красное.

Гербы северо-восточных окраин Европейской России старые, напоминающие своими эмблемами печать Ивана Грозного: пермский — на красном поле идущий серебряный медведь, на спине которого в золотом окладе поставлено Евангелие и над ним серебряный крест с четырьмя лучами; вятский — на золотом поле рука, выходящая из голубых облаков, держащая натянутый красный лук со стрелой, в правом углу — красный крест с шариками на концах; болгарский — идущий агнец (ягненок) с красной хоругвью на золотом древке, на хоругви — серебряный крест; герб Обдорской земли — идущая черная лисица на серебряном поле; герб Кондийской земли, соседней с Обдором, представляет обнаженного дикаря с венком, в набедренной повязке из дубовых листьев и держащего на плече правой рукой серебряную булаву, поле — зеленое.

Последние две эмблемы гербов, по видимому, свидетельствуют о занятии жителей этих земель звероловством, а также о том, что они находятся в полудиком состоянии развития, далеко от гражданственности, из которого их не смогли вывести первые русские миссионеры христианства. Однако именно с проповеди Евангелия началось более тесное и постоянное сношение русских людей с финскими племенами, населяющими север.

Под такими знаменами по окончании боя, как и при отправлении на войну, собирались ратники города, области или земли, составлявшие отряды, роты или полки общей армии.

Н. М. КАРАСЬ,
старший научный сотрудник
Музея истории г. Москвы

ПОГИБЛИ В ГОДЫ БЕЗЗАКОНИЯ

ПАДАЧИ
И ЖЕРТВЫ

МАРТИРОЛОГ РККА 1937-1941 гг.

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Год приезда в члены ВКП(б)	Должность на момент ареста	Дата			
				ареста	вынесения приговора к высшей мере наказания	исполнения приговора	посмертной реабилитации
1	2	3	4	5	6	7	8
Дивизионные интенданты							
Анкулинов Иван Яковлевич	1891	1919	Начальник отдела портов Управления Морских Сил РККА	27. 7. 1937	26. 10. 1937	—	23. 6. 1956
Берзин Эдуард Петрович	1893	1918	Директор треста «Дельстрой»	17. 12. 1937	1. 8. 1938	—	4. 7. 1956
Ванат Адольф Яковлевич	1898	1919	Начальник интендантского факультета Военно-химической академии РККА	29. 7. 1937	4. 10. 1937	5. 10. 1937	29. 10. 1957
Горшков Василий Сергеевич	1887	1919	Заместитель начальника Строительно-квартирного управления РККА	7. 8. 1937	7. 10. 1937	7. 10. 1937	2. 6. 1956
Гурьев Казимир Иванович	1890	1917	Помощник командующего Черноморским флотом по материальному обеспечению и командир Севастопольского главного военного порта	18. 1. 1938	1. 11. 1938	1. 11. 1938	13. 6. 1956
Дзьва Григорий Антонович	1893	1919	Помощник командующего ОКДВА по материальному обеспечению	3. 6. 1937	25. 3. 1938	—	6. 7. 1957
Иванов Борис Николаевич	1887	1919	Находился в резерве управления ПВО НКВД СССР	10. 8. 1937	22. (8). 1938	—	23. 1. 1957
Князев Павел Григорьевич	1892	1917	Командир Хабаровского военного порта (перед арестом уволен в запас)	(?) 1937	25. 3. 1938	—	19. 7. 1957

1	2	3	4	5	6	7	8
Курков Петр Иванович	1889	1917	Помощник командующего Черноморским флотом	25. 3. 1937	29. 8. 1937	—	6. 10. 1956
Петерсон Рудольф Августович	1897	1919	Помощник командующего войсками КВО (бывший комендант Московского Кремля)	27. 4. 1937	21. 8. 1937	—	11. 6. 1957
Плинер Израиль Израилевич	1896	1922	Начальник ГУЛАГа НКВД СССР	14. 11. 1938	22. 2. 1939	—	27. 10. 1956
Прошкин Иван Георгиевич	1889	1919	Помощник командующего Тихоокеанским флотом по материальному обеспечению и командир Главного военного порта во Владивостоке	13. 4. 1938	22. 8. 1938	—	11. 7. 1957
Соколов Александр Михайлович	1899	1917	Помощник командующего войсками САВО по материальному обеспечению	23. 6. 1938	3. 8. 1939 «15 + 5»	Умер в ссылке не 29. 4. 1953	28. 3. 1957
Станьковский Николай Владимирович	1885	Б/п	Заместитель начальника Военно-химической академии РККА	28. 12. 1937	25. 3. 1938	—	24. 9. 1957
Федоров Василий Федорович (Богданов Николай)	1895	1914	Помощник командующего войсками ЛВО	23. 7. 1937	2. 12. 1937	—	30. 1. 1958
Дивизионные комиссары							
Баргер Моисей Павлович	1892	1917	Заместитель начальника политуправления ПриВО	4. 10. 1937	16. 5. 1938	—	6. 6. 1956
Баузер Фриц Давыдович	1888	1907	Член военного совета САВО	4. 12. 1937	29. 7. 1938	29. 7. 1938	19. 3. 1957
Бахирев Александр Никифорович	1892	1917	Врид военного комиссара 3-го стрелкового корпуса	6. 7. 1937	2. 12. 1937	2. 12. 1937	18. 4. 1956
Блушвили Николай Константинович	1900	—	Начальник политуправления ХВО	—	—	Расстрелян по постановлению «тройки» 25. 9. 1938	—
Блументаль Фридрих Леопольдович	1896	1919	Старший инспектор Политуправления РККА	23. 7. 1937	9. 12. 1937	—	14. 5. 1955
Борович (Розенталь) Лев Александрович	1896	1919	Заместитель начальника 2-го отдела Разведывательного управления РККА	11. 7. 1937	25. 8. 1937	—	17. 11. 1956
Вайнерос Исидор Давыдович	1899	1917	Начальник политуправления ОКДВА	7. 10. 1937	25. 3. 1938	—	11. 8. 1956
Винокуров Владимир Сергеевич	1899	1918	Начальник политотдела Амурской военной флотилии	11. 6. 1937	22. 8. 1938	22. 8. 1938	12. 10. 1957

1892	1917	1917	Председатель Московского облсовета Осоавиахима СССР	20. 2. 1937	4. 9. 1937	—	12. 5. 1956
1899	1917	1917	Начальник политотдела 5-й механизированной бригады	17. 6. 1937	30. 10. 1937	—	23. 6. 1956
1890	1918	1918	Начальник моботдела Главсевморпути	4. 11. 1937	19. 2. 1938	—	25. 6. 1957
1892	1913	1913	Начальник сектора дорожного хозяйства и авиационного транспорта Госплана СССР	26. 4. 1939	1. 2. 1940	—	30. 5. 1957
1898	1918	1918	Военком 6-го тяжелого авиационного корпуса	11. 2. 1938	29. 4. 1938	29. 4. 1938	9. 7. 1964
1897	1917	1917	Военком Особого корпуса железнодорожных войск	(?) 6. 1937	25. 4. 1938	—	23. 5. 1957
1900	1918	1918	Военный комиссар 6-го стрелкового корпуса	11. 6. 1938	25. 8. 1938	—	28. 7. 1956
1898	1918	1918	Член военного совета Черноморского флота	25. 11. 1937	3. 4. 1938	—	14. 7. 1956
1899	1918	1918	Состоял в распоряжении Разведывательного управления РККА	19. 9. 1938	14. 4. 1939	—	27. 6. 1957
1896	1917	1917	Заместитель коменданта Московского Кремля	30. 4. 1937	3. 7. 1937	—	25. 8. 1956
1889	1904	1904	Старший инструктор Политуправления РККА	26. 4. 1938	22. 2. 1939	23. 2. 1939	11. 4. 1956

1	2	3	4	5	6	7	8
Мальцев Иван Семенович	1893	—	Начальник политотдела 12-й стрелковой дивизии	—	(?) 1939	—	—
Марков Григорий Наумович	1901	1920	Военком корпуса ВУЗ города Киева	22. 1. 1938	25. 9. 1938	—	15. 9. 1956
Мезенцев Федор Сергеевич	1897	1917	Член военного совета Черноморского флота	13. 9. 1938	2. 2. 1939	—	2. 8. 1957
Мейсак Сильвестр Яковлевич	1899	1918	Заместитель начальника политотдела ГУ ПВО НКВД СССР	—	25. 8. 1938	—	3. 3. 1956
Минчук Александр Иванович	1898	1917	Военком Военно-химического управления РККА	23. 2. 1938	25. 8. 1938	—	11. 6. 1957
Мировицкий Павел Васильевич	1900	1917	Военный комиссар 10-го стрелкового корпуса	6. 11. 1937	16. 1. 1938	—	5. 9. 1956
Митюков Петр Сергеевич	1895	1918	Военный комиссар Амурской военной флотилии	4. 2. 1938	10. 9. 1938	10. 9. 1938	24. 6. 1971
Мустафин Исаак Абрамович	1897	1918	Заместитель начальника политуправления Черноморского флота	11. 6. 1937	18. 4. 1938	—	28. 3. 1957
Невраев Георгий Федорович	—	—	Заместитель начальника политуправления ЗабВО	В тюрьме покончил жизнь самоубийством			
Нижечек Илья Соломонович	1895	1919	Заместитель начальника Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева	19. 2. 1937	30. 8. 1937	—	14. 2. 1959
Озол Владимир Карлович	1893	1917	Начальник 448-го окружного склада МВО	1. 11. 1937	2. 4. 1938	—	4. 7. 1957
Петерсон Ян Янович	1889	1904	Заместитель начальника Особого технического управления НКОП СССР	20. 9. 1937	27. 4. 1938	—	19. 5. 1956

Публикация полковника в отставке О. Ф. СУВЕНИРОВА,
доктора исторических наук

(Продолжение следует)

МЕТКИМ УДАРОМ

Ноябрь. 1943 год

«3 ноября после мощной артиллерийской подготовки и ударов авиации войска 1-го Украинского фронта развернули наступление севернее Киева... На рассвете 6 ноября Киев был освобожден... Советская Армия наносила по врагу удар за ударом, освобождая украинскую землю...

10 ноября с плацдарма на правом берегу Днепра начали наступление войска левого крыла Белорусского фронта... Войска правого крыла фронта... 25 ноября очистили Гомель от гитлеровцев...

В первой половине ноября противник в Крыму попал под сильные удары войск Северо-Кавказского фронта... Корабли Черноморского флота и Азовской военной флотилии выбросили десанты пехотинцев и моряков... захватили и удержали за собой плацдарм северо-восточнее Керчи...

Летом и осенью 1943 г. ... был завершен и закреплен коренной перелом в войне против гитлеровской Германии. Враг вынужден был перейти к стратегической обороне на советско-германском фронте...»

*Великая Отечественная народная.
Краткий исторический очерк. 1941-1945.
М.: Мысль, 1985.
С. 145-149.*

ШУТКИ НА ПРИВАЛЕ (По страницам фронтовой печати)

В гестапо

— Хорошо бы, — размечтался фон Бред, — вынуть у немца мозги, чтобы он не думал лишнего, залепить глаза, чтобы не видел лишнего, законопатить уши, чтобы не слышал лишнего, и забить рот, чтобы не болтал лишнего...

— А нос?

— Ну, можно оставить его с носом, чтобы было за что водить.

Драпая второпях...

— Ты слышал, Фриц, наш генерал потерял в Крыму восемьдесят кило!

— Неужели так похудел?

— Нет, ему не удалось вывезти из Ялты свою жену.

Продолжение. См.: Воен.-истор. журнал. 1993. № 4, с. 7-10.

ТЯЖЕЛЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Марс (бог войны):

— Провалились, господа, по всем предметам!

Рис. М. Черемных

В Берлине

— По-моему, фюрер до сих пор верит в победу Германии...

— Тсс! Услышит гестаповец — вам не поздоровится!

— За что же?!

— За то, что считаете фюрера таким идиотом.

Оправдание

Старая голландка была арестована и предана суду за слушание лондонских радиопередач.

— Зачем вы это делали? — спрашивает судья.

— Как же, ваша честь, ведь еще в октябре 1940 года Гитлер обещал, что будет в Лондоне.

Вот я с тех пор и слушаю Лондон каждый день, чтобы не пропустить выступление Фюрера.

Однажды ночью в Праге...

...Чешский полицейский заметил, как человек писал мелом на стене по-чешски: «Долой Гитлера!»

— Дурак! — заорал он на своего земляка. — Разве ты не знаешь, что все объявления полагаются писать сначала по-немецки, а потом по-чешски?!

Постоянство

В 1941 году, когда Гитлер выступал с воинственными речами, немецкие солдаты приветствовали его возгласами:

— Фюрер, мы последуем за тобой!

В 1943 году, когда Гитлер, приехав на фронт и торопливо произнеся речь, собрался уезжать обратно, он услышал те же слова:

— Фюрер, мы последуем за тобой!

Сказано — сделано

— Полковник Штикдрек поклялся: я, говорит, на правый берег Днепра ни ногой.

— Ну и как?

— Русский снаряд помог полковнику сдержать свое слово: еще на левом берегу ему оторвало обе ноги.

НА КИЕВСКИХ ВЫСОТАХ

— Что вы отсюда видите, товарищ капитан?
— Много разбитых «тигров» и Львов.

Рис. Л. Бродаты

Кадры «тотальной мобилизации»

Немецкий полковник:

— В моем полку все солдаты старые.

— Давно на фронте?

— Нет, давно состарились.

Публикацию подготовил А. Е. ВИХРЕВ,
заслуженный деятель культуры РФ

ЗАРУБЕЖНОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ISSN 0134-921X

**«ЗАРУБЕЖНОЕ ВОЕННОЕ
ОБОЗРЕНИЕ» — ежемесячный
иллюстрированный
информационно-аналитический
журнал, специализирующийся по
вопросам военной теории и
практики за рубежом. В нем
освещаются самые актуальные
вопросы строительства
вооруженных сил во всех без
исключения странах мира.**

Если вас интересуют военная политика и экономика, доктринальные взгляды, новые стратегические концепции, влияние блоковых структур на обстановку в мире, вы должны стать нашим подписчиком.

Если вы хотите знать последние новости о принятых на вооружение и разрабатываемых системах оружия и военной техники, их боевом применении, читайте и выписывайте наш журнал.

Если вам необходимо узнать о жизни военнослужащих за рубежом, их социально-правовом и материальном положении, льготах, пенсиях, сроках службы, откройте наш журнал и вы обязательно найдете ответ.

Журнал содержит большое количество справочного материала, цветные вклейки, черно-белые фотографии и схемы, представляющие интерес не только для специалистов, но и для коллекционеров, моделистов и тех, кто увлекается геральдикой.

Редакция выпускает календари с изображением военной техники, приложения (брошюры) по наиболее известным образцам иностранного вооружения (самолет-«невидимка» F-117, танк M1 и т.д.). Издана первая книга в серии «Школа выживания» о поведении человека в экстремальных условиях (на основе обобщения опыта подготовки войск спецназа за рубежом).

Журнал помещает и рассылает по просьбам читателей тематические подборки опубликованных материалов (с 1960 года). Печатается библиография иностранных военных журналов, высылаются перечисленные в них статьи.

ИНДЕКС ИЗДАНИЯ 70340. Стоимость на первое полугодие 1994 года 3600 руб., одного номера 600 руб. (без учета доставки в регионы).

**Контактные телефоны:
(095) 293-01-39, 293-64-69.**

Кто определял благонадежность?

Известно, какая участь ожидала бойцов и командиров Красной Армии, которым в годы Великой Отечественной войны удавалось вырваться из вражеского плена. Оказавшись на своей территории, они подвергались долгой и тщательной проверке на благонадежность. Конечно, шла война и «люди с той стороны» нуждались в проверке. Но вся беда в том, что она принимала жестокие формы, сортировала людей на «своих» и «чужих». Считается, что такое отношение к побывавшим в плену военнослужащим обусловливалось личным указанием И. В. Сталина. Я в это не очень-то верю. Тогда как же понять тот беспредел, в который были ввергнуты сотни тысяч советских людей? Мне кажется, что многое шло от чрезмерного усердия должностных лиц на местах, охваченных «шпиономанией». Вот почему хотелось бы с помощью «Военно-исторического журнала» познакомиться с документами советского руководства, касающимися наших военнопленных, которые, думается, немало объяснят и прояснят.

О. ГРИШЕНКОВ
(Ростов-на-Дону)

ОТ РЕДАКЦИИ.
Публикуемое постановление Государственного Комитета Обороны, на наш взгляд, отвечает на главный вопрос нашего читателя.

Публикацию подготовил
В. А. ЛЕБЕДЕВ,
кандидат
исторических наук

Подписано в печать в Секретариате
ГОКО (11 черт.)

Секретно.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОКО № 6884о
от 4 ноября 1944 г. Москва, Кремль

В развитие постановления СНК СССР № 1482-456сс от 23.X.1944 г. Государственный Комитет Оборон постановляет:

1. Установить впредь следующий порядок направления бывших военнопленных – военнослужащих Красной Армии, поступающих после их освобождения советскими и союзными войсками:

а) всех военнослужащих Красной Армии, освобожденных из плена советскими или союзными войсками, направлять, по мере их возвращения в Советский Союз, в специальные запасные части военных округов по назначению ГЛАВУПРАФОРМ "а НКО;

б) органам контрразведки "СМЕРШ" НКО в течение 1-2 месяцев заканчивать проверку в запасных частях всех прибывших в эти части бывших военнопленных – военнослужащих Красной Армии;

в) после проверки всех военнослужащих красноармейцев и командиров, не вызывавших подозрений, направлять на пополнение войск фронтов.

Выявленных при проверке лиц, служивших в немецкой армии, в специальных строевых немецких формированиях, "власовцев", полицейских и других, вызывающих подозрение, немедленно направлять в спецлагери по указанию НКВД для дальнейшей их проверки органами НКВД и "СМЕРШ" НКО.

2. Проверку бывших военнопленных офицеров впредь производить в специальных запасных частях НКО.

Всех офицеров, находящихся в спецлагерях НКВД СССР, а также прибывших из Финляндии, после проверки обратиться на формирование штурмовых батальонов. Обязать органы "СМЕРШ" НКО до 1-го декабря 1944 г. закончить проверку этих офицеров.

3. Разрешить НКВД СССР всех бывших военнопленных и окруженцев рядового и сержантского состава, ныне находящихся в спецлагерях НКВД, а также прибывших в спецлагери НКВД СССР из Финляндии и 4 ноября с.г. из Англии, по окончании их проверки передавать в рабочие кадры промышленности или использовать на строительствах НКВД, а также для службы в охране спецлагерей и лагерей ГУЛАГ "а НКВД СССР,

Председатель Государственного
Комитета Оборон И. СТАЛИН

Послано т. т. Молотову, Берия (НКВД), Смирнодину, Абакумову ("СМЕРШ"), Антонову, Чадаеву.

ФОРМА ОДЕЖДЫ - МУНДИР ОТЕЧЕСТВА

РУССКАЯ КАВАЛЕРИЯ ПЕРИОДА 1805—1813 гг.

Обер-офицер кирасирского
Его величества полка. 1813 г.

Обер-офицер Кавалергардского полка.
1805 г.

Рядовой уланского Его высочества
цесаревича Константина Павловича полка.
1805 г.

Рядовой конной гвардии.
1805 г.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В первом полугодии 1994 года цена одного экземпляра нашего журнала по каталогу установлена 400 руб. Индекс 70137.

Плата за прием подписки и доставку назначается почтой.

Часть тиража реализуется по свободной цене.

В случае возникновения затруднений в оформлении подписки сообщите в издательство по телефону 941-39-52.

Индекс 70137

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

11 1993

1-96

70 р.

Москва. В переходе метро баянист лихо наяривает «яблочко». Кое-кто из прохожих одаривает музыканта рублями, трешками, червонцами... Мало кого интересует личность баяниста. Но, думается, многие удивились бы узнав, что музыкант — капитан 1 ранга в отставке, активный участник Великой Отечественной, боевой офицер, давший путевку в жизнь многим морякам и даже флотоводцам. Ждать подаяния в метро заслуженного ветерана флота толкнула нужда. Пенсии хватает лишь на оплату снимаемого жилья, остальное — как бог даст. Выручает, как и в годы войны, фронтовой баян: тогда поднимал боевой дух, а теперь и кормит..

— Эх, яблочко, куда ты катишься?.. Любопытно, как ответили бы на этот вопрос в российском правительстве?

Фото А. Е. ШАДРИНА